

реальность фантастики

Повесть:

Михаил Назаренко
«ОСТРОВ ЦЕЙЛОН»

Рассказы:

Ольга Бакк

«Я ТЕБЯ...»

Юрий Нестеров

«БАГРОВЫЙ БЕРЕГ»

Ника Ракитина

«СРАЗИТЬ ДРАКОНА»

Кристина Гаус

«ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ»

Критика:

Андрей Шмалько

Н. Ганжа, Г. Панченко,

А. Валентинов

«ДЕКАБРИСТЫ.

ВАРИАНТ – ПОБЕДА?»

Эдгар Дитрих

«ГЛИННИКИ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 7 (71) 2009

Проза

1. Михаил Назаренко / ОСТРОВ ЦЕЙЛОН
Окутанное парусиной тело погружается в океан... 4
2. Александр Голиусов,
Борис Машковцев / РАЗВОДЫ КОСМИЧЕСКИХ МАСШТАБОВ
Старшина Тарасенко неторопливо шел по ярко... 44
3. Григорий Неделько / ВАМ ОЧЕНЬ ИДЕТ
Пап, я не хочу этого делать... 72
4. Ольга Бакк / Я ТЕБЯ...
Я тебя..... 84
5. Ольга Баумгертнер / ДЕСЯТЬ ЗАКЛИНАНИЙ
Волшебница смотрела на своего раба... 94
6. Евгений Константинов / ВЛОЖЕНИЯ В МЫСЛИ
С НЕВЕРОЯТНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ
Конечно же, это была она! Стояла в саду своего дома... . 104
7. Юрий Нестеров / БАГРОВЫЙ БЕРЕГ
Планета, — сказал мужчина, когда гул... 112
8. Сергей Чернов / ИСТОРИЯ ГОРОДА НУН
Дорога. Реки черного асфальта... 122
9. Катерина Довжук / ТОТ, КТО ДЕЛАЕТ ЛУНУ
Отто Францевич привычным движением затворил... . 128
10. Юлиана Линкс / ПАУТИНКИ ЦВЕТА СЕРЕБРА
Перед маршруткой, как всегда, толпились... 134
11. Юрий Бархатов / БАШНЯ БРУКЛИН
На почти тысячеметровой высоте... 140
12. Ника Ракитина / СРАЗИТЬ ДРАКОНА
Кой черт понес меня в шесть утра... 145
13. Кристина Гаус / ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ
Я с самого начала должен был бы... 150
14. Дарья Булатникова / ШЕМЕТОВСКОЕ БОЛОТО
Откуда он появился, мы не поняли... 154
15. Владимир Семенякин / ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЭЙНШТЕЙНА
— ...Итак, уважаемые коллеги, если... 166

Детская страничка

16. Татьяна Сапрыкина / КАША
Медведь проснулся в ворохе сухих...168
17. Татьяна Сапрыкина / ДВА БАРСУЧКА
Барсучок вошел неслышно и тихо...171
18. Татьяна Сапрыкина / ГОРЛО БОЛИТ
У Сороки заболело горло...174
19. Татьяна Сапрыкина / КУУМБА
Если хочешь увидеть Куумбу...176

Критика

20. Н. Ганжа, Г. Панченко,
А. Валентинов / ДЕКАБРИСТЫ. ВАРИАНТ – ПОБЕДА?177
21. Эдгарт Дитрих / ГЛИННИКИ186

Рецензии

22. aka Dragn / СУМРАЧНОЕ ЛЕТО190
23. aka Dragn / ФАЙЛЫ АЛЕРЫ193
24. Kkk72 / БИОЛОГИЧЕСКОЕ ТАНГО196

Репортаж

25. Борис Сидюк,
Марина Комиссаренко / ПРИНИМАЙ НАС, СУОМИ, КРАСАВИЦА198

Новости Фэндомы

26. / OPUS MIXTUM203

МИХАИЛ НАЗАРЕНКО

ОСТРОВ ЦЕЙЛОН (Из путевых записок)

Памяти Бориса Штерна

*Люди на Северный полюс все-таки ездят.**Сомерсет Моэм. «Искусство рассказа»*

I

КУТАННОЕ ПАРУСИНОЙ ТЕЛО ПОГРУЖАЕТСЯ В ОКЕАН, с каждой саженью ускоряя падение. Вода прозрачна, и до залежей глубинной тьмы путь неблизкий; течение сносит мертвеца все дальше от мгновенного взлета кружевной пены, уже затерявшейся среди волн, сквозь белесую зыбь, к неизбежному мраку.

Полосатые рыбешки стаей проплывают мимо, замирают на миг, стрелами несутся прочь и тотчас возвращаются, а следом из голубого сумрака, где за три аршина видно лишь колыхание теней, проявляется тулово акулы. Рыбы-лоцманы, соразмеряя движение с падением бесформенной добычи, указывают путь белесому хищнику, а тот лениво перевертывается на спину и словно бы нехотя открывает пасть.

Парусина долго и беззвучно рвется, из нее выпадает железный колосник, едва не задевая акулу; в то же мгновенье глухой удар сотрясает океан, и рыбы бросаются враспынную.

Не разлом коры, не извержение подводного вулкана; не выстрел (война здесь начнется не скоро — однако начнется); но шевеленье; но неупокой; но пробуждение: там, внизу. Пробуждение, не замеченное почти никем: лишь китами, акулами и левиафанами; да еще теми, кто следил и ждал.

II

Жара стекала по листьям пальм и магнолий, расплескивалась белыми пятнами по брусчатке набережной, переливалась в бесконечном потоке коричневых тел. Люди отсюда были неразличимы, хотя вблизи невозможно спутать хрупкого сингалеза в длинном саронге, малайца, разящего бетелем, рыжебородого афганца в мягких сапогах, широком бешмете и огромном тюрбане, круглолицего тамила, вечно озирающегося в поисках соплеменников. И даже отсюда, из гостиничного номера «Галле фэйс», кое-кто был виден отчетливо — например, китайцы, собравшиеся возле джонок и по-птичьи машущие рукавами, — но жара, выбелив до полной зеркальности камни маяка в конце Квинс-стрит, туманила взгляд.

— ...И наконец — сапфир в две рати, надколотый с краю, — сказал он, не оборачиваясь. Он знал, что не ошибся ни разу.

Не самым разумным из его подчиненных казалось, что лишь азарт да неизбывная ирландская спесь (странный в человеке, ни разу в жизни не поки-

давшем субконтинент) заставляют «черного сахиба», как его звали за глаза, ежедневно тратить время на Игру Драгоценностей. Но он-то знал, что выигрывает раз за разом именно потому, что не пропускает ни одного дня; более того — лишь благодаря этому он еще жив: ведь не все его экспедиции заносились в отчеты ведомства этнологической разведки... официально.

Впрочем, двадцатилетний Адам Стрикленд не задумывался над поступками своего начальника, веря, что веские причины есть всегда: непростительная наивность, свойственная большинству субалтернов, ежегодно отправляемых на восток от Суэца. Те из них, с кого шелуха слетает в первый год службы, приучаются брать на себя ответственность и выходят в отставку в чине комиссара округа; прочие пускают пулю в лоб и достаиваются эпитафии «неосторожное обращение с оружием». И те, и другие знают, что память о них сохранится только в подшивках «Гражданской и военной газеты».

У Адама были основания для веры — если не слепой, то, во всяком случае, весьма глубокой: те несколько слов, которые произнес отец, узнав, под чьим началом он будет служить. Их было достаточно: Стрикленд-сахиб никогда не говорил зря.

Человек, стоящий у окна, обернулся. Он и вправду был очень темен: такой оттенок смуглости отличает лишь «черных ирландцев», много лет проживших в тропиках Ост- или Вест-Индии. Кремовый костюм европейского покроя был выбран словно для того, чтобы подчеркнуть смуглость кожи и черноту волос; кроме того, он очень удобно скрывал узоры, нанесенные на кожу весьма прочной краской, — свидетельство принадлежности к касте ловцов черепах северной лагуны. Ведьма, рисовавшая узор, сказала, что это *пакка джаду* (надежное колдовство), и не солгала: отмыться не удавалось уже вторую неделю по возвращении из ночной прогулки, следствием которой стало... Но довольно сказать, что держатели опиумных курилен оказались чрезвычайно обеспокоены.

— Невероятно! — сказал субалтерн. Его взгляд все еще метался по столу, пытаясь рассортировать все, что там лежало. — Мистер О'Хара, вы же только... вам одного мига хватило!.. Двенадцать предметов...

Смуглый сердито мотнул головой.

— Тринадцать, Адам, тринадцать, — заметил он сухо. — Двенадцать удержит в памяти кто угодно. Я занимаюсь Игрой Драгоценностей с пятнадцати лет. У меня были хорошие наставники в школе Св. Ксаверия... и за ее стенами. Как и у вас, Адам. Если это могу я — и любой факир на базаре, — если ваш отец умел это задолго до моего рождения, — можете и вы. Но к делу, мистер Стрикленд. Меня интересует «Петербург». Когда он прибывает?

Адам встал из-за стола и оказался на добрую голову выше начальника.

— Вероятно, уже через час он станет на рейде. Е.23-й сообщил, что русский агент, — Адам щегольнул выражением, вычитанным у Р.Л. Стивенсона, — «пошел на корм рыбам».

— Вряд ли Е.23-й выразился именно так, — одернул его О'Хара. — Полагаю, он был более конкретен.

Адам покраснел ушами.

– Он сообщил, что некто Гусев, бессрочноотпускной рядовой, умер на третий день после отплытия из Сингапура от остановки сердца... официально.

Это словечко Стрикленд успел подхватить из местного жаргона, и О'Хара усмехнулся — краешком губ.

– Так и есть?

– Вне сомнений. Если подушку достаточно долго прижимать к лицу, то сердце рано или поздно остановится.

– Понятно. Кто это сделал, конечно же, неизвестно.

– Неиз... Но откуда вы?..

– Е.23-й не предполагает (потому, кстати, он и Е.23-й). Он или знает, или нет; если бы знал, вы бы мне уже сообщили. Итак: ваши соображения?

Адам подобрался. Прежде ему нечасто предлагали делать собственные выводы, теперь же приказывали чуть ли не каждый день, к тому же никогда не говорили, прав он или нет. Адам кашлянул и начал говорить, совершенно не зная, чем закончит:

– Вряд ли... вряд ли даже русские сами убрали бы своего агента, если только он не переметнулся. Мы знаем, что это не так. Тем более, что Гусев, видимо, должен был встретиться с цейлонским резидентом... если он существует.

– Значит, русских вычеркиваем. Какое облегчение. Они не умеют играть спортивно.

– Вам виднее... Во-вторых, — Адам все оттягивал, — мы этого тоже не делали.

– Иначе Е.23-й не замедлил бы в этом отчитаться.

– Значит... — Адам замолчал. — Но это же бессмысленно.

– А именно? — О'Хара стал совершенно серьезен, что означало: он откровенно забавлялся.

– Некая третья сила убирает Гусева, чтобы... — Он понял, что ответ очевиден и был очевиден с самого начала. — Чтобы нанести удар по русской агентуре и помешать нам выйти на оставшихся.

О'Хара помолчал. Он не просчитывал варианты; скорее всего, выбирал — осадить Адама немедленно или чуть попозже.

– Вероятнее всего, Стрикленд. Но вы должны запомнить — еще до того, как овладеете навыками Игры Драгоценностей, — что в нашем деле наиболее вероятное не обязательно будет верным. Отбросьте невозможное, и то, что останется, каким бы очевидным оно ни казалось, скорее всего окажется абсолютной и непреложной ошибкой.

Адам закусил губу и упрямо сказал:

– Есть еще один русский.

– На русском корабле? Как неожиданно.

Адам разозлился вконец.

– Он врач. Он сидел с Гусевым целый день перед его смертью. И это не все. Он не только врач, он инспектировал каторгу — якобы как частное лицо, однако начальник главного управления тюрем дал секретную телеграмму с приказом о всяческом содействии. Этот врач провел на каторжном

острове перепись. У него аналитический ум. Знаю, это сомнительно, и все же...

— Е.23-й собрал эти сведения? — быстро спросил О'Хара.

Адам вскинул голову.

— Он только упомянул врача. Я навел справки сам.

— Очень хорошо, Адам, — сказал О'Хара без улыбки. — Вот этой сомнительной версией я и займусь... Нет, Стрикленд, — остановил он субалтерна, — займусь я. Вы уже сделали довольно. Если вы обратили внимание на то, что пропустил Е.23-й... значит, скоро вы сможете сами войти в Большую Игру.

III

Люди на пароходе умирали так часто, что было даже досадно. Вообще, вредно жалеть людей, врачам и писателям в особенности. Теряешь квалификацию, упускаешь симптомы.

Он уже не был уверен, что и себе поставил правильный диагноз.

Еще один сырой день — даже без шторма, какой измучил его на пути из Гонг-Конга в Сингапур, — и опять пойдет горлом кровь, зловещая, как зарево; в рассказе метафора была бы дурна, а для письма издателю сойдет. Как назло (или как знамение), пока Цейлон медленно разворачивался перед кораблем, подставляя взгляду зеленые холмы, по которым пробегала зыбкая тень одинокого облака, — все долгое утро у борта корабля плыла широкая кровавая полоса, качаясь на волне. Говорят, какие-то инфузории, что ли, — размножаются в пору юго-западных муссонов, а все остальное — суеверия, обычные туземные суеверия, какие-то рыбные боги, нечего забивать себе голову: так посоветовал судовой врач, человек странный и — с того времени, как в воду упало первое тело, — непросыхающий.

Главное, не волноваться и не угрожать литературе «еще одной потерей». Сибирские полгода, кажется, основательно его укатали; но сегодня, верно, обойдется — солнце прокалит все. А впрочем, кто его знает, что там, на берегу.

Остров остановил вращение и начал приближаться; палило нещадно. К пароходу осторожно приблизилась трехсаженная долбленка с высокими бортами и очень узкая: белый человек в пробковом шлеме (хочу такой) сидел, заложив ногу за ногу, а иначе не помещался. Лоцман-англичанин поднялся на борт и начал скучным голосом давать указания рулевому; челн, с неожиданной живостью развернувшись, помчался в гавань, сообщать новости.

«Петербург», негромко пыхтя, осторожно прошел мимо волнолома, и Колombo (город, как все на востоке, любит неожиданные эффекты) возник внезапно и сразу весь: ослепительно-белый форт уступами взбирался на холм, слева от него к морю спускались ряды палаток, а вокруг, там и сям, из-под листьев казали себя туземные окраины.

Чем ближе, тем сильнее расплывался берег: так бывает, если долго всматриваться. Дубки и джонки забили добрую треть гавани, и не видно было, где начинается пристань, которая к тому же вся оказалась застроена какими-то хибарками — видимо, лавками. И лодки, и лавки — об этом капитан предупредил заранее — сбывают грошовый товар, который туземцам ни к

чему, колонизаторам смешно, а вот заезжим туристам в самый раз. Торг неизбежен: если тебе предлагают «настоящий рубин с острова рубинов» за во семьдесят рупий, цену можно сбить до одной монеты, но покупать все равно не следует: ничего, кроме цветного стекла европейской работы, на берегу не подсунут, нужно идти на базар, но и там быть поосторожнее. Вот оно, про изохождение «колониальных товаров» из отцовской лавки.

Крик над гаванью стоял страшный; лодчонки, успевшие прорваться к трехсотфутовому пароходу первыми, ударялись о борта, и если не тонули, то болтались днищами вверх, неудачники хватались за долбленки конкурентов и получали веслами по пальцам; отстающие, ухватив товар обеими руками, прыгали с лодки на лодку, получали веслами по коленям и присоединялись к первым.

— Дикари, — сказал мичман с музыкальной фамилией Глинка. — Никакого понятия не имеют. Вот англичанка ими и вертит, как хочет.

Глинка не упускал случая — особенно во время стоянок в портах — высказать об «англичанке», которая, как известно, «гадит». Надо бы ему ответить: дороги, водопровод, христианство, словом, цивилизация, — но плыть еще не меньше месяца, отношений портить не хочется, и вообще — доводы нужно приберечь для путевых заметок, а лучше — для рассказа. Пусть столкнутся лбами два спорщика, а читатель, если не дурак, и сам поймет, кто прав; хотя какая из точек зрения дойдет в рассказе до нелепости, еще не выяснилось. Может, и обе.

Чем ближе к экватору, тем более откровенна полуприкрытая нагота; народы, близкие к природе, знают, как этим пользоваться. Коломбо севернее Сингапура, но все-таки... Девки тут должны быть хороши, а доступны — как в любом порту. Пять ночей на берегу, вся Москва завидовать станет.

«Петербург» наконец остановился. Если верить Суворину, Достоевский собирался отправить Митю Карамазова в Сибирь не пешком по Владимирке, а кругом Азии на таком вот каторжном пароходе — оттуда побег, Америка, и проч., и проч. Самого Достоевского бы сюда, на Цейлон; вот был бы сюжет. Впрочем, у него все романы цейлонские — по экзотическому неправдоподобию. Длинно, нескромно, много претензий.

Старух-процентщиц не убивают из идеи, идиоты не проповедуют всеобщее счастье (они его устраивают), а если в трактирах и обсуждают мировые вопросы — это сколько угодно, — то без зачитывания поэм в прозе. На Руси только живут с идеей — не самой приглядной, такой, что иначе как в пьяном угаре никому и не скажешь, — а убивают «на дурняк», как говорят хохлы. Ни на Цейлон, ни в Америку ездить нет нужды.

Он, однако, на Цейлоне: сошел в шлюпку и направился к берегу, с интересом крутя головой.

Кроме привычных уже китайцев, в лодках прыгали и кричали по меньшей мере два несхожих народа: одни покрыты темным коричневым загаром, другие и вовсе черны, цвета пережаренного кофе; первые в таких длинных... вроде юбок... на вторых — только набедренные повязки; первые протягивают всякую снедь, вторые — побрякушки из «драгоценных камней» и резно-

го дерева. Жаль, что ни с кем здесь не знаком: так и придется ходить истоптанными тропами, поглядывая на «такое большое дерево» или «забавных таких туземцев», тогда как на самом деле это малабарцы расположились табором в роще каучуковых деревьев. На пароходе энциклопедии не оказалось, а дома пролистать не додумался.

Берег.

На острове, по первым впечатлениям, оказалось неплохо: недаром говорят, что именно здесь и цвели сады эдемские. Пахло нефтью и молотым кофе. Ближайшая лавка выставила из-под волнистой крыши пузатый прилавок, и гладкие, словно лакированные черепаховые гребни сверкали на солнце. Бедные черепашки. Инстинкт гонит их сюда размножаться — или что там у них назначено природой в цейлонских лагунах, — а у длинноволосого торговца, который уже всучил мне гребешок и, верно, содрал втридорога, — тоже инстинкт, человеческий: чем ему еще жить? Не опиум же продавать исподтишка.

А вот и «англичанка»: чернявый мальчишка, субалтерн (я худо-бедно выучился различать колониальные мундиры), кого-то высматривая, пробирается через толпу. Лавочник тут же накрыл гребни серой дерюгой и, сплюнув через плечо, ушел в темноту двери. Ну вот, и здесь полицейские поборы, да как рано мальчик-то начал. Имперское воспитание, готовят с малолетства.

Из портового лабиринта выскочил рикша — бронзовый старик, чьи длинные (соль с перцем) волосы были собраны на затылке в узкий пучок и блестящие, смазанные маслом. Хватая рукав, он забормотал на том ломаном языке, который чужд всем народам, но всеми отчего-то считается единственно внятным для иноземцев. Понять было решительно ничего невозможно, отцепиться тоже; оставалось только сесть в узкую коляску с откидным верхом, тут же хлипко закачавшуюся, — и скомандовать, как учил капитан:

— В «Голь-фэс».

Замелькала зеленая тень, рикша выбежал на лишенную тени эспланаду, и солнце ударило, как бичом.

IV

— Почему он? Почему этот?

Из темноты послышался голос, мрачный безысходно; казалось, сама Бездна вещает им. Да! так и было! Бездна, древнее всех помыслов человеческих, властно влекущая к безумию всякого, — Бездна избрала его своим глашатаям на этом проклятом острове.

— Он избран, — молвила тьма, — ибо найден достойным дара; нет, не Хозяевами нашими, но тем, кто знает! Человек на корабле хотел получить *это* для своего господина, царя Северной Державы; он не получит, ибо ушел к Хозяевам! Да свершится же!

— Да свершится! — ответил хор.

— Маловерным, — прибавила темнота с угрозой, — будет подан знак; этой же ночью! Знак несомненный и рокошущий!

— Но как он попадет туда, где будет одарен? — опять спросил первый, склоняясь со всей почтительностью. — Как узнает?

Воцарилась неимоверная тишина, ужаснувшая более, нежели страшные пророчества, возглашенные прежде; и пал ответ, как закутанное в парусину тело падает с борта океанского парохода:

— Э-э-э...

Во тьме просвистали бескрылые птицы, и все содрогнулось.

V

Он проснулся — и думал, что от кошмара.

Каждый раз, проваливаясь в болезнь, он узнавал об этом в ночь накануне, когда температура только начинала ползти. Верные признаки: просыпаешься каждый час, а неглубокая муть полузабытья выносит на склизкие серые камни, под которыми шевелятся то ли черные раки, то ли бесформенное удушье; бежишь, сбивая пальцы на голых бревнах, кем-то брошенных на берегу, падаешь в стылую ноябрьскую воду. Самое мерзкое — даже не заливаемая водою склизь, но вдруг прояснившиеся во мраке кладбищенские ворота: столбы давно обвалились, а земство и губернатор все никак не решат, кому платить за ремонт; родина. Кого-то хоронят; в толпе одни лишь гимназические учителя, все в одинаковых плащах и с зонтиками, и все говорят полатыни. В гробу, точно в футляре, лежит — каждый раз кто-то новый: кого пришлось хоронить наяву.

Коля.

Смерть страшна — но разве не страшнее было бы жить вечно? Так же трудно, как всю жизнь не спать.

И тут же старый, сродный кошмар сменяется новым: кладбищенская грязь оборачивается топкой томской дорогой, ночь — предрассветным сумраком, почтовая тройка несется гоголевским аллюром навстречу тарантасу, оба экипажа сворачивают в одну сторону, и черная грязь бросается в лицо, залепляет нос, лезет в рот, дыхание перехватывает болото, и последнее, что слышно, — это глухая, лютая брань откуда-то сверху — с небес, — но что страшнее всего, отчего останавливается сердце и пропускает удар, другой, третий, и вместо него тикают, уже наяву, часы на прикроватной тумбочке, — страшнее всего одна мысль, потому и ставшая кошмаром, что днем он заслонялся от нее: один; совершенно один; сгинуть в томском болоте — хоть не под забором, вопреки пророчеству одного критика, — нелепая смерть, как у всех в семье, как у Николая, туберкулезника, пропившего все, талантом начиная и жизнью заканчивая; в одиночестве.

Хороший был писатель, но не Толстой.

Как будто убежишь от такого.

Но рухнул не тарантас, подминая чемоданы и узлы, — грянуло за окном, и ударилась о стену приоткрытая балконная дверь.

Вспыхнуло фиолетовым, и в бесконечный миг уложилось все: черные лапы пальм, белое небо — слепящее зарево, словно выросшее из океана дерево, — удивленный циферблат, распавшийся на блеск и тени, и белая лапа —

гребень волны, поднявшейся ко второму этажу; и отчетливее всего — медленное вращение расшитой комнатной туфли в огромной луже, захлестнувшей ковер.

Дерево погасло, и разом, тысячью барабанов, зарокотали гром и ливень.

В цветастом халате (гонг-конгский якобы шелк), на каждом шагу хлюпающая мокрыми туфлями, он спустился в приемный зал, мраморный и темный. Ночной портье, человек положительный, в ливрее и прокуренных рыжих усах, отложил книгу (на обложке мизерный человечек убежал от огромного пса, почему-то светящегося), подкрутил газовый рожок, чтобы светил поярче, и чуть приподнял бровь.

— Гуд найт, — сказал постоялец. — Май рум из вери... вет, — и, подумав, прибавил, озаренный вспышкой, — нау.

Портье что-то сказал, но его заглушило новое падение неба.

— Сорри, бат ай кэн нот хиар, вуд ю рипит, плиз?

Опять фотографический блеск, и снова грохот.

Портье закончил ответ и замолчал.

Беседа все более напоминала цирковое представление: два клоуна, мокрый (белый) и сухой (рыжий) обмениваются вскриками без складу и ладу, большой барабан в сопровождении визгливой трубы то и дело подает свои реплики, а за кулисами фокусник и дрессировщик режутся в карты на битой молью львиной шкуре.

— Вы русский? — спросили из-за спины с чрезвычайно сильным акцентом.

Разговор в восточном порту, даже с чистильщиками обуви, всегда начинался с этого детского изумления: оказывается, русские не выдумка — и даже ездят за границу; удивление не пропадало с каждым новым вопросом, каждым новым русским. В России иногда спрашивали, не татарин ли он — но вряд ли о таком народе слышали на Цейлоне.

Он обернулся.

Перед ним стоял невысокий, очень смуглый молодой человек, лет на пять его младше, в светлой ситцевой сорочке и светлых же штанах (молнии делали его альбиносом в черном: идеальный негатив). Улыбка была не дежурной, но и не вполне искренней: так смотрят на ребенка, дикаря и того, кто схож с обоими, — на путешественника, не знающего языка. Лицо показалось знакомым: да, точно, вчера он что-то втолковывал другому портье, медленно и строго. Ну, слава богу, хоть объясниться смогу.

— Да, я русский, с парохода «Петербург». Видите ли, мою комнату залило, и я...

— А что он говорит? — спросил смуглый, кивая в сторону портье.

— Я никак не могу расслы...

Теперь заглушило его самого.

Грохот едва улегся, перейдя в ворчание, а незнакомец (фу, еще сказал бы «таинственный незнакомец»; заменить) уже очень быстро говорил с дежурным — судя по тону, отдавал приказания; портье только вставлял международное «Э-гм».

— Все уложено... уложено, — поправил себя смуглый, улыбаясь от души.

— Ваши вещи перенесут в другой номер, на сухой стороне. Более или менее сухой. Такие бури нечасто, но бывают, и ничего тут не поделать. В ближайšie... — Он так зыркнул на человека за стойкой, что тот немедленно исчез. — ...полчаса. А пока что, прошу, посидите у меня, согрейтесь. В такое время ночи и в такую погоду советовал бы виски.

— Благодарю за приглашение, но вас затруднит...

Смуглый решительно повел рукой:

— Совсем не затруднит. Кроме того, я, в некоторой степени, представляю администрацию. Нет, не отеля, а колониальной службы. Ведомство этнологической разведки. — Короткий наклон головы.

Конечно, этот знает, как обходиться с дикарями.

— Но вы не англичанин?

— Все спрашивают, — ухмыльнулся смуглый. — А вас, наверное, не русский ли. Я ирландец. Как у нас говорят, *native-born*. — Он протянул руку. — О'Хара. Кимбол О'Хара.

— Антон Чехов, врач.

Мистер О'Хара оказался удивительно приятным, а главное — неназойливым человеком: сразу видно англичанина, даром что туземнорожденный ирландец. Когда Чехов выразил желание (а он выразил? — во всяком случае, О'Хара так его понял) переселиться в другую гостиницу, этнолог сразу же послал коричневого мальчишку, торчащего у входа, с запиской в «Гранд ориенталь» и распорядился о перевозке вещей.

Наутро шторм как будто решили вычеркнуть из природы: потрепанные пальмы за окном приглаживали вымытую листву ветром с холмов, немногие темные пятна стремительно исчезали на темно-красной, почти лиловой брусчатке. Мастер сцены убрал декорации пролога, и на подмостках осталась залитая солнцем повседневность — верно, так же прискучившая местным обитателям, как величественная картина вечного покоя — дьячку стоящей над обрывом церквушки.

У входа в «Голь-фэс» (трехэтажное белое здание, не уступающее иным дворцам, с нелепым псевдогреческим портиком) они расстались, договорившись встретиться завтра — посетить базар, без чего ни один турист не покидает Коломбо. «Петербург» отбывал в Европу вечером пятого дня, времени на местные красоты оставалось вдоволь.

— Да, чуть не забыл, — сказал Чехов негромко и закашлялся.

О'Хара обернулся на ходу, а вернее — замер на полушаге и за миг опять стоял рядом. Опасная плавность; хорошо же учат этнографов. И жара ему ничем, ни капли пота на лбу.

— Два вопроса, если позволите.

О'Хара молча кивнул.

— Откуда вы так хорошо знаете русский?

— Лет десять... да, десять лет назад я был проводником в Гималаях у одного русского.

— Пржевальский? — живо спросил Чехов. Не так давно он написал некролог славному путешественнику и хотел бы узнать подробности.

– Вряд ли: такую фамилию я ни повторить, ни запомнить не смогу, но точно узнал бы. Вот тогда я и начал учить язык; а я имею привычку все дела доводить до конца.

Прозвучало едва ли не с угрозой, хотя отчего бы?

– Сколько же вам было тогда?

– Совсем мальчишка, только закончил школу. Это была моя первая взрослая работа. Ну, а второй вопрос?

– Вы недавно на Цейлоне?

– Здесь, вероятно, я должен спросить: «Но как вы догадались, Холмс?»

– «Догадались» — кто?

– Ах да, вряд ли повести мистера Дойла успели перевести на русский. Я хотел сказать: частный сыщик, выдающийся литературный герой.

– Я всего лишь врач.

– Мистер Дойл тоже. Так как вы догадались, доктор Чехов?

– А как иначе вы бы оказались в гостинице глубокой ночью? Мне успели объяснить, что англичане почти сразу снимают бунгало.

– Господин Чехов, — веско ответил О'Хара, — ваше правительство совершенно зря не зачисляет врачей в разведку. Я прибыл на остров позавчера, а сегодня, как и вы, переселяюсь. Итак, до завтра. Я зайду за вами ровно в девять часов утра. В Индии пунктуальны только поезда и этнологи. Имейте хороший день. — Он хмыкнул, показывая, что так обойтись с идиомой может только в шутку. — Да, и еще, — сказал Кимбол О'Хара. — В сказках полагается задавать три вопроса. Последний за вами.

Он кивнул и, толкнув тяжелую вращающуюся дверь «Голь-фэс» (ох уж этот акцент; запомни наконец: «Galle Face»), исчез.

Навстречу доктору Чехову по эспланаде уже бежали наперегонки рикши, лоснясь на солнце.

VI

О'Хара назначил молодому Стрикленду встречу под белым парусиновым навесом в кафе «Фонтаны рая»: южная сторона маленькой площади, в центре которой журчал фонтан со скульптурой, изображавшей свидание Рамы с Ситой. В самом кафе все обстояло благочинно, и джентльменам заходить сюда было не зазорно, название же и скульптура намекали на то, что за углом начинается улица не столь строгой репутации.

Час был самый жаркий; О'Хара любую погоду принимал равнодушно, а вот у Адама гудела голова — он еще не привык к тропикам. Кофе здесь подавали крепкий и горький до сведенных челюстей. Адам не выдержал и попросил сахару и молока; слуга-парс поклонился и заказ выполнил, но Стрикленд знал, что его репутация здесь погублена.

– Адам, — начал О'Хара, — я не могу понять, были вы правы или нет. И не смотрите на меня так. Размешайте сахар и пейте.

Адам отхлебнул из чашки, еле заставив себя отвести взгляд. Он готов был признать, что сморозил чушь, — кому и знать, как не мистери О'Харе, — но что шеф окажется в недоумении, этого он не мог ни предвидеть, ни принять.

— Очень непростой человек, Адам. Очень. Доброе лицо, хорошая улыбка и жесткие глаза. Не холодные, именно жесткие. Да, конечно, опытные врачи все такие... но есть в нем что-то еще: он не просто смотрит, он запоминает, мысленно описывает — это ни с чем не спутать. — О'Хара сделал небольшой глоток и откинулся на спинку плетеного кресла. — Я играл, особо не таясь. Если он и вправду агент, ему придется выходить на своих, так пусть уж считает, что перехитрил недалекого этнолога. Но. Я не могу понять, какую игру ведет он. Поэтому мне опять нужна ваша помощь, Адам. Сейчас я расплачусь и уйду, вы спокойно, *спокойно* допьете кофе — кстати, рекомендую здешнюю сдобу, — и пойдете на Райскую улицу.

Адам заморгал.

— Вы хороший мальчик, — продолжал О'Хара, искоса поглядывая на него, — но и хорошие мальчики посещают Райскую улицу, так что не хлопай длинными ресницами, о губитель сердец. — (Последние слова были сказаны на хинди.) — Найдете дом госпожи Ханифы — третий слева, под знаком лотоса, его содержит слепая старуха, уроженка Лакхнау.

Конечно, Адам ее знал. И не потому, что... словом, не только потому, что... словом, всем было известно, что шеф год назад помог ей с обустройством заведения в благодарность за какую-то давнюю услугу.

— Закажете на час — простите, Адам, на два часа — девицу по имени Цветок Услады. Мне все равно, как она этого добьется, но: когда мистер Чехов постучится в любой из домов на Райской улице, отворить ему должна Цветок. Допрос с пристрастием, потом она немедленно идет в лесное бунгало, где ее ждем мы. Все ясно, мистер Стрикленд?

— Но... — Конечно, Адам видел на улицах Коломбо невысокую метиску, но не мог и подумать, чтобы... да и не по карману. — Но вы уверены, что Чехов пойдет на Райскую?

— Уверен. Не знаю, что он помнит из наших ночных посиделок, — никогда не пейте неразбавленный скотч в таких количествах, — но он поделился очень теплыми воспоминаниями о публичных домах во всех портах следования. Даже если это «легенда», он позаботится о том, чтобы ее подтвердить. А скорее — просто «русская душа»: сразу рассказать о себе чужаку что похуже — пускай тот потом не разочаруется. Деликатность, в своем роде. — О'Хара пододвинул тарелку со сладкими аппами. — Прекрасный здесь кофе, однако не мешало бы добавить корицы. В Калькутте...

VII

Если зажать левой рукой рот, а правой полоснуть по горлу, крови будет много, а шума чуть. Тело можно бросить в лагуну к черепахам и крокодилам, а можно оставить там, где его найдут поутру — и поймут намек.

VIII

Проституция — социальное зло (порок без сознания вины и надежды на спасение); однако неизбежное. Не надо брезговать жизнью, какой бы она ни была.

Если ты потерял невинность в тринадцать лет в дешевом таганрогском

борделе, некоторые привычки останутся надолго. Всегда получать ту, кого ты хочешь; больше не брать ту, с которой тараканился; говоря о женщинах, цитировать кого-то: «низшая раса»; да и думать так.

А когда и если встретишь ту, которая окажется слишком близка, чтобы так говорить о ней, — завести роман с двумя актерками разом (у одной прозвище «Жужелица», у второй даже прозвища нет), запутаться в этих трех соснах и сбежать.

Не главная, но причина.

Проституция хороша тем, что честна; казалось бы, Толстому это должно нравиться — и нравилось, судя по всему, пока силы были. А если покупное тараканство еще и чисто — чего желать? Уж не семейной жизни.

Эта была чиста, точно как та японка в Благовещенске. Восточное обывание. Черна, конечно, как смертный грех, и днем, наверно, кожа отликает синью; роста немало — глаза в глаза. И тем еще хороша, что иностранным языкам не обучена, — а нынешний ее клиент не так хорошо знает английский, чтобы вести с ней личные разговоры.

Поэтому больше объяснялись жестами — даже уговариваясь о цене; она, не выдержав, полезла в его портмоне, достала две не такие уж мелкие купюры, помахала ими и положила обратно: после, после. Не ломалась, не жеманилась — ни в чем.

А теперь молчали.

Прибыла?я, почти круглая луна висела между ветвями; огромный крылан картинно пересек ее диск: даже летучие мыши прониклись духом здешней слишком театральной природы. Бамбук, распушенный перьями, будто нарисован, светляки разлетаются искрами пиротехники, и орет за сценой хор древесных лягушек.

Она привела его под своды огромной смоковницы. Местная порода, не чета неплодной палестинской тезке: корни, мочалом спускавшиеся с ветвей, год за годом утолщались, пока не стали новыми стволами, опорой библейского шатра. Крупные, мясистые листья: немудрено, что ими прикрыли свой срам прародители, егда отверзошася очи обема, — совсем недалеко, на Адамовой горе, в самом сердце острова.

Возвращенный рай: наги и не стыдимся.

— Когда я состарюсь и буду помирать, — сказал он в шутку, с трудом подбирая английские слова, — обязательно скажу сыновьям: сукины дети, на Цейлоне я ... прекрасную женщину, в тропической роще, в лунную ночь. А вы что?

Она тихо засмеялась, прикрывая рот свободной рукой.

— Ты долго будешь здесь? — спросила она. — Ты еще будешь со мной?

— Четыре дня, — сказал он. — Буду, наверно.

— Наверное? Тебе не нравится? Ты уезжаешь?

— Куда? — он не понял вопроса; и тут же резко вдохнул. — Уплываю через четыре дня, а пока здесь, в Коломбо.

— Никуда не поедешь? — она удивилась так, что даже остановилась. — Остров большой, красивый, есть, что посмотреть. Например... — Говорила скучно, словно по заученному. Неужели ей платят за рекламу красот?

– Ни-ку-да, — прервал он и опрокинул ее на спину. — Разве только...

Она засмеялась.

Потом она сказала:

– Ты правда расскажешь об этом детям? Правда?

Он не ответил.

Бывает такая боль, которая не убивает, но и — врет немец — не делает сильнее. Просто отмирает часть души, загноившаяся память покрывается сухой коркой, которую время от времени с Достоевским сладострастием отдираешь, и тогда снова кровит.

Когда он узнал, что бесплоден, то сперва не поверил, как не верил до сих пор, что у него чахотка. Не то чтобы он так уж стремился обзавестись семьей — да и жениться не собирался, — но сидело, значит, в нем стремление к продолжению рода: на биологию наслоилась мужская гордость.

Глупо, конечно; «книги и дети делаются из одного материала» — кто это сказал? Флобер? Бальзак? Глупый француз: сколько детей у графа Толстого? а байстрюков? Или он и в этом идет против общих правил?

Оно и к лучшему, пожалуй: что бы я успел, виси на мне, кроме родной семьи, еще и чужая?

Вот оно что: любая семья для меня будет чужой, а своя — тошная, постылая, но своя. И уж она-то никуда не денется, если я на полгода уеду в другое полушарие.

А вот эта черная девица, она расскажет своим детям (если после подобных занятий сможет их выносить) — или умолчит, станет почтенной матроной, какие никогда не выглядывают из паланкинов и велят слугам расчищать дорогу от всякого сброда? Пожалуй, что и расскажет: на востоке такого не стыдятся, как не стыдились и в Греции. Гейши, гетеры. Никаких «надрывов», все так, как и должно быть, честно и чисто. Она не сопьется, не умрет после подпольного аборта, не сгниет от сифилиса, и худшее, что может случиться, — шепот за спиной: «Славная куртизанка, но до Нана? далеко». Говорят, Золя читают и в Индии, на горе местным б...ям.

– Не уезжай, — настойчиво сказала она. Странно, ведь только что хвалила... бог знает какую достопримечательность, прослушал. — Не уезжай. Эти дни будь со мной.

– Нет, — быстро сказал он.

Вот так оно: уже предьявляет права. Хоть на неполную неделю, но отхватить, присвоить, приставить к себе.

Луна пошла на закат, пальмы потемнели. Сыро становится.

Он не видел ее лица — только очерк, смутный овал, более памятный губам и рукам, чем глазам.

– Орхидеи начинают отцветать, — сказала она непонятно.

Вот и еще одно различие между нашими и местными: эти не уговаривают — словами, по крайней мере, — но тут она опять потянулась к нему, и, теряя себя, он успел подумать: а будь я параноиком, решил бы, что ее подослал непростой, ох какой непростой мистер О'Хара.

Никогда не узнать мыслей другого... другой... все равно. Так стоит ли му-

чаться, придумывая «психологию», если можно описать взгляд, движение, неясное слово, проблеск — и все будет ясно, или не ясно ничего; но не в этом ли цель искусства?

Это он поймет после, много после — но что-то же думал он и в такое время, когда не думает никто? Я не знаю. Да и он не знал.

IX

— Нет-нет-нет, мистер О'Хара, — упрямо говорил Адам. — Мы, люди цивилизованные, не должны делать ни малейших уступок. Я готов признать силу гипноза, ясновидение — да, может быть, — но все прочее только суеверия.

— Один из моих наставников, — весело сказал О'Хара, — очень любил читать Спенсера — но, проходя мимо ведьмы, всегда делал крюк, потому что она, как известно, может ухватить душу за ее тень.

— Еще одно суеверие, — пожал плечами Адам.

Он нетерпеливо ходил из угла в угол полупустой комнаты на втором этаже бунгало, стоящего у края болот. Удобное расположение: никто не будет прогуливаться рядом от нечего делать, и достаточно близко к Форту, чтобы два глупых англичанина могли заплутать неподалеку... или назначить там встречу Цветку Услады.

(На углу площади сидел безногий — якобы безногий — нищий. Когда Адам кинул ему монетку в три аны, он пробормотал, что русский явился на Райскую улицу и больше не показывался: или там остался, или прошел ее насквозь.)

Уже стемнело, жара, не отступая, все же перестала давить. О'Хара зажег масляную лампу, что поблескивала на кривоватом столе, и пристроился у стены — по-местному, на корточках: так он мог сидеть, не шевелясь, часами. Адам знал, что это означает доверие; шеф никогда не позволил бы такого перед теми, кто мог, фыркнув, сказать: «Совсем отуземился». Мало где в Империи стена между белыми и «ниггерами», особенно европеизированными, так высока и прочна, как на Цейлоне; но не Адаму — сыну человека, который прошел весь Северо-запад, переодевшись саисом, — осуждать Кимбола О'Хару. В такие минуты шеф говорил протяжно, чаще вставлял в речь местные слова — и становился похож на черного божка с туманной, неподвижной улыбкой прирожденного мастера загадок и обманов.

— Простите, мистер О'Хара, — медленно проговорил Адам, — но вы что же, верите во все, что рассказывают на базаре? В зеленую пилюлю бессмертия? Спящего рыбоголового бога? Тайный орден Управителей, которые поклоняются Единому в образе Маятника?

— Считайте меня *агностиком*, — О'Хара выделил чужое слово голосом. — Пока что я не берусь выносить суждение по этим вопросам. Есть то, что происходит у нас в голове, — продолжал он, растягивая гласные. — Когда в первый день я заставил вас принять разбитый кувшин за целый, вы могли — повторю, *вы могли* — увидеть черепки и лужу на полу. У вас не получилось — это другое дело. Но если прокаженный насылает на белого проклятье, едва

коснувшись его одежд, и тот ближайшей же ночью превращается в зверя и воет, катаясь на полу; если двое, не стовариваясь, видят одно и то же — скажем, собрание богов, решающих судьбы народов; если человек вспоминает, что в прошлой жизни он был ростовщиком, и вот, он идет в прежний свой дом, убивает новых хозяев (он сам рассказал мне это в тюрьме) и выкапывает из угла запечатанный горшок, полный золотых монет, — это не наваждение, это явь; а не считаться с явью — дело опасное. *Декха, бара-сахиб?* — Он поднял голову на точно рассчитанный угол и посмотрел прямо в глаза Адаму. — Нужно знать, как избавляться от наваждений. Как раскалить на огне ружейный ствол и заставить прокаженного снять проклятие. Важнее — отличить наваждение от яви. А еще важнее, — он усмехнулся невесело, — знать, что и явь — лишь наваждение, чья-то выдумка; и тогда ты пробуждаешься.

Адам присел на корточки подле, хоть и знал, что ноги с непривычки затекут через минуту. Он и так жался от неловкости, нависая над О'Харой, а уж теперь, когда собирался нарушить один из главных запретов англо-индийского общества — не задавать личных вопросов... В горных фортах, отдаленных поселениях, тесных сэтльментах узлы затянулись слишком давно и крепко, чтобы разрубать их, спрашивая о чем-то напрямик.

Он решился.

— А правду говорят, что вы...

— Правду, — отрезал О'Хара.

Адам замолчал пристыженно. За окном резко прокричала майна.

Когда субалтерн уже подобрал от стыда пальцы в ботинках, О'Хара сказал тихо:

— Десять лет назад я освободился от Колеса. Знали бы вы, Адам, как это трудно — видеть мир таким, каков он есть, и как прекрасно. Видеть Спицы, идущие от Ступицы к Ободу, видеть, как восходят и нисходят по ним... Понимать, как и для чего существует все, идущее Большим Путем.

— Но тогда, — спросил Адам столь же тихо, — что? вам Большая Игра, если вы видите Большой Путь?

О'Хара неожиданно рассмеялся — негромко и не шевелясь; только чуть подрагивали его не по уставу длинные волосы.

— А что делаете вы, Адам? Ведь не потому вы торчите в этой дыре, выполняя мои странные поручения, что решили пойти по отцовским стопам?

Адам замялся. Он знал, почему, но сказать не мог: в школе «Вестворд Хо!» речи о Бремении Империи набили такую оскомину, что повторять их всерьез было невозможно; а новых слов еще никто не нашел — впрочем, один новый поэт, из туземнорожденных...

— Вы не можете сказать, — кивнул О'Хара. — Первый шаг — отказ от слов. Но вы *знаете*; знаю и я.

Они замолчали. Тень от оконной решетки ползла по комнате, переплетаясь с тенями, которые бросала чадающая лампа. Адам неловко пошевелился.

— А вот доктор Чехов, которого мы разрабатываем... — О'Хара поморщился. — Не знаю, как объяснить. Я не умею рисовать Колесо; мой Учитель умел, одним из последних во всем Бхотияле и, может быть, последним в Индии. Он вы-

учил двух англичан — куратора лахорского музея и его сына, журналиста... жаль, я не успел поговорить: года полтора тому они вернулись в Европу. Я не умею — но Чехов умеет. Есть такие люди, которые накрепко прикованы к Колесу, но при этом видят его изнутри и могут — иногда — менять его ход. Они плохие политики, плохие игроки, но хорошие пророки. Когда они видят ясно — никто не видит лучше их; когда ошибаются — их видение влетает в узор и переходит к другим. «Как называется сон, который видят сразу многие?»

Ответа он не получил: заскрипел гравий на дорожке, и даже Адам понял, что шаги не женские.

X

Бронзовый Шива утаптывал чернильный прибор и пялился на стопку бу маги — пока что пустую, лишь несколько отрывочных замет на верхнем листе. Гостиничный «бой» (неопределенного возраста, но с проседью) постучался почти неслышно, бочком прошел через комнату и мягко опустил на стол поднос с завтраком. Разумеется, вечное азиатское карри, только от порта к порту разнятся добавки и специи.

«Бой» ушел не сразу — на пароходе предупреждали о несносном любопытстве местных слуг, — краем взгляда он ухватил полуисписанный лист и, кажется, даже потянулся к нему, но тут постоялец приподнялся в кровати, продирая глаза, и «бой» исчез.

Просыпаться после давешнего оказалось трудно до чрезвычайности, и только мысль о добросовестности этнологической разведки согнала с постели. Несмотря на ранний час, за окном опять жарило; прохлада воды в расписном кувшине казалась намеком и увещанием: зачем отсюда уходить? Карри: приправа на сей раз незнакомая, но очень горячительная; а еще — дольки апельсина и чуть ли не икра. День не обещал сюрпризов — да и откуда им взяться на цивилизованном острове, — до тех пор, пока Чехов не обул левую туфлю.

Длинный мраморный холл «Гранд ориентала» был обширен и прохладен. Подумать страшно о том, чтоб выйти на дрожащий от жары воздух; впрочем, давил низкий потолок. Мистер О'Хара, одетый в светлый костюм с некоторой претензией на щегольство, лениво прогуливался вдоль огромного, во всю стену окна с видом на порт. Типичный европеец: минуты мы не можем усидеть на месте, словно шаги взад-вперед хоть немного, а приблизят нас к цели. Улыбка этнолога опять стала несколько натянутой: что же случилось такого со вчерашнего дня? Неприятности по службе, видимо; но пришел, как обещал, и даже чуть раньше назначенного.

(А случилось вот что.

— Мертва? — спросил О'Хара. Ночь слой за слоем стирала с него европейское воспитание Св. Ксаверия, пока не остался только базарный мальчишка, тринадцать лет назад взятый в оборот Большой Игрою.

Четверо стояли над полузатоупленной промоиной на краю южного болота. Солнце еще не взошло, но утренние птицы перекликались всюю: серое время, смутное время.

— Очень грамотно, — сказал констебль Уиггинс, связанной О'Хары: еще один мальчишка, прошедший лондонскую уличную выучку, а потом прокаленный цейлонским солнцем; человек добродушный и даже чувствительный — но не на службе. — Китайский бишоу, от уха до уха.

Китайцев на острове много, подумал Адам, и бишоу может купить кто угодно; но доктор Чехов по пути заглянул в Гонконг. Только это было явно Опрометчивое Суждение.

Как странно: убита женщина, с которой еще вчера я... которая... а я думаю, сделал ли это какой-то русский, или он ни при чем, а зарезали ее те же, кто задушил незнакомого Гусева... Только так и можно остаться живым и в здравом рассудке: никого не жалеть, но твердо знать, что право, а что нет, и поступать, как должно. Наверное, и у врачей так. Выучиться нельзя, только привыкнуть.

— Когда? — спросил О'Хара.

Все трое посмотрели на врача — сухого шотландца с проседью в редких усах, весьма недовольного тем, что его подняли ночью и погнали на болото.

— Более двух часов, — сказал он. — Менее двенадцати. И, вероятно, ближе к девяти-десяти.

— Ближе к девяти, — пробормотал Адам. — Всего через два часа после того, как я...

— Жалко, — сказал О'Хара пустым голосом. — Утром зайду к Ханифе.

И тут до Адама дошло то, что шефу, конечно же, пришлось в голову сразу: если Цветок убита — с кем же был Чехов?)

— Ну что, готовы к экспедиции?

— Готов и предвкушаю.

Солнце еще не добралось до зенита, но в зеленой тени было парко. О'Хара свистом подозвал двуколку; праздные рикши под навесом вскочили было, но тут же снова опустились на землю, прислонясь спинами к почернелым колесам. Маленькая мохнатая лошадь, почти пони, пофыркивая, остановилась у щербатых колонн крыльца: она не была расположена куда-то спешить, а кучер и не собирался гнать. Он подождал, пока Чехов и О'Хара усядутся на кожаные сиденья, проеденные влагой и насекомыми, поднял откидной верх, неторопливо уселся на козлы и что-то спокойно сказал лошади. Та переступила с ноги на ногу, постояла еще немного и начала неспешный обход площади, стараясь не выходить из тени.

— На базар, — приказал О'Хара, двуколка сделала еще полкруга, и лошадь затрусила по узкой улице, застроенной двух-трехэтажными оштукатуренными домами с наглухо закрытыми бурыми ставнями.

— Как вам понравилась новая гостиница? — спросил этнолог.

— Всем хороша, — признал Чехов. — Нету этого, знаете, показного великоления, которое говорит только о глубоком упадке — гостиницы, страны или вкуса. В «Галле фэйс» я даже окно не мог притворить, и пахнет там сыростью. Одно странно: с моими туфлями продолжают приключения.

— Что такое? — спросил О'Хара с равнодушной вежливостью.

— В «Галле фэйс» комнатная туфля — правая — чуть не уползла за балконные перила, а теперь вот в левой...

– Тоже комнатной?

– Нет, вот этой, — Чехов, насколько позволили борта повозки, вытянул длинные ноги и пошевелил носком вправо-влево: прочная тупоногая туфля коричневой кожи, свеженатертая «боем». — Ну-с, так: выставляю я их вечером... — (Соврал: почти под утро.) — ...выставляю за дверь, перед выходом надеваю и чувствую — что-то нога не входит до конца. Засунул руку — оказалось, записка: извольте видеть. — Он достал из портмоне мятый листок. — И не записка даже, а... Что скажете? Какой-то местный обычай?

О'Хара небрежно принял листок.

– Бумага местного производства, — заметил он. — Водяной знак цейлонской фабрики. Дешевый сорт. Теперь...

Перед ним была «не записка даже»: на бумагу как по линейке наклеили три слова, вырезанные из газеты или книги:

GO TO KANDY

– Клей тоже дешевый, такой есть в каждой гостинице, — определил О'Хара. — Вторая полоса «Коломбо гзэетт»...

– По шрифту опознали? — поразился Чехов. Ему всегда нравились люди, достигшие высокого мастерства в своем деле.

– Да, главным образом. И по бумаге. Газета, видимо, вечерняя: там как раз была заметка о завтрашнем параде в Канди.

– А где это и что это?

О'Хара откинулся на сиденье, но листок не отдал, а сложил вдвое и сунул в нагрудный карман безукоризненно-белой сорочки.

– Плохо же вы подготовились к путешествию, доктор. Канди — это на северо-восток от Коломбо, одно из самых почитаемых мест Цейлона... и кто-то хочет, чтобы вы ему поклонились. В этом городе хранится *Далада* — зуб Будды; если хотите, одолжу вам несколько брошюр.

– Благодарю, было бы любопытно. — Чехов глядел по сторонам, на мешанину коричневых, красных и зеленых пятен. Люди, одежды, деревья даже при медленной езде сливались воедино — они и были одним: Цейлоном. — Конечно, никуда я не поеду, но... — Он закашлялся, прикрывая рот платком.

(Гусев был не жилец. Он кашлял час за часом, надрывая душу и горло, то и дело отхаркивая. Но с такими симптомами, даже усиленными горячкой, можно протянуть не один год — Чехов знал это прекрасно, и внезапная, глухая смерть отставного солдата поразила его. Освидетельствовать покойника ему как постороннему не дали, а судовой врач только бормотал спяну. Он словно боялся чего-то, не понять, чего.)

В последний свой день Гусев, блестящий в свете фонаря капельками пота, хватал за руку, тянул к себе и с настойчивостью злого бреда шептал:

– Зуб, зуб... ты к зубу ехай... Я не смогу, ты ехай к зубу... потом отдашь, отдашь потом, это не тебе... Зуб...)

– Приехали, — сказал Кимбол О'Хара. — И, если позволите совет... побывайте в Канди. Там интересно и очень красиво. А от кого эта записка, я выясню.

Чехов видел разные торговые ряды — приморские, в Таганроге и Одессе; московский Хитров рынок, куда и полиция ходит только сам-четверг;

Гостиные дворы обеих столиц, где не так-то просто вырваться из рук лавочников — даже сыну лавочника, знакомому со всеми уловками; назойливые дальневосточные базары — на взгляд чужака, избыточные до бессмысленности.

Здесь было все — сверкающие камни, драгоценные ли, бог весть; раковины плоские и спиралевидные, серебряные цепочки, пляшущие боги, вяленые акулы и мерцающие золотом шкуры пантер; снулые рыбы и еще живые крабы — все огромные и причудливо глазастые; пирамиды кокосов и связки бананов, корзины и циновки, китайские коробочки и простые, ничем не украшенные палочки — зачем они? — и палочки курящиеся; статуэтки, слишком мелкие, чтобы разобрать детали, — слоны, демоны, будды; сквасившееся по жару молоко, горький дух шоколада; проволочные клетки, из которых мангусы, замерев, с ненавистью смотрели на исконного врага: кобру выманивала из тыквы-долбленки флейта ахикунтакайи, «очарователя змей»; подвешенные над головами рулоны тканей время от времени сами собой разворачивались и тяжелыми цветистыми складками закрывали проходы вглубь лавок. Кривые проходы изредка выводили к узким, но прямым улочкам, которыми тянулись запряженные горбатыми волами крытые арбы, не ускоряя ход и не замедляя его. В воздухе стояла взвесь из пыли, запахов (мускус, бетель, навоз), криков (попугаи, рикши, торговцы, полисмены) — и ропот океана оставался общим фоном.

Здесь было все, что ожидал увидеть иностранец, а значит, не было главного: той простой, скудной, будничной жизни, которая прячется за прилавками и дивными видами, всюду одна и та же. Только одни страны, в уничтожении паче гордости, выставляют ее напоказ — вот мы каковы, и не стесняемся, а если что и прячем, то за тоскливым забором; в других же землях принятый людьми и природой наряд — чопорный ли, беспорядочно ли пестрый — защищает и своих, и чужих от безысходной, безнадежной серости: вдруг кто обманется и поверит. Но и пальмы скоро надоедают — особенно вон те, низкие и пугатые, что лезут из земли, точно репа.

О'Хара объяснял значение амулетов, показывал, как отличить фигурку Будды, сработанную недавно, от старой, хоть и плохонькой, и аляповатой; рассказывал, как обходиться со множеством разноцветных каст, обитателей бесчисленных закоулков, чтобы получить скидку, а то и сохранить жизнь; и почему джат в ответ на обращение «погонщик ослов» рассмеется, а раджпут вытащит нож. В этом краю вместо неба — переплетение ветвей, хранящее от солнца; и вечное движение нескончаемо, словно колесо.

Чехов и О'Хара остановились на косом перекрестке, у клетки, в которой бесновались черно-серые мангусы и пальмовые кошки — Чехов никак не мог отличить одних от других. Владелец зверьков, густо-сизый сингалез в фиолетовом саронге, начал обхаживать европейцев на ломаном английском, но, когда О'Хара прервал его на местном наречии, на миг онемел, а потом заговорил быстро, голосом, похожим на мангусово щелканье. Он то размахивал руками, показывая нечто огромное — змею, наверное, — то замирал, и тогда на его правом запястье становилась отчетливо видна

багряная татуировка: то ли рогатый одноглазый человек, то ли странной формы маятник.

Чехов отступил в сторону, готовясь достать кошелек, почти опустелый; возница, не покинувший своих клиентов, тащил пальмовую корзину, полную бессмысленных сувениров, отобранных на подарки; бессмысленных, потому что никогда и ничего они не скажут тому, кто не узнал их на ощупь здесь, в цейлонском парном месиве. Надо купить мангусов; заказал же он для Суворина яванского пони.

Из-за угла выскочил плосколицый китаец, чье канареечное ханьфу даже среди здешней пестроты казалось вызывающе-ярким: так в африканской сказке леопард, еще не запятнанный, был заметен среди желто-зелено-черного подлеска Туземной Флоры. Китаец двигался быстро, легко и бесшумно; короб с выпечкой ровно плыл перед ним — пока не натолкнулся на долговязого русского.

Китаец ахнул, пошатнулся, и печенье полетело в утоптанную пыль; ахнул и Чехов.

— Я жалкая личность! — закричал китаец по-английски, кланяясь в пояс. — Я толкнул уважаемого гостя! Я причинил ущерб!

— Простите... — бормотал Чехов, пытаясь ухватить торговца за рукав и установить равномерные поклоны. — Я так неловко... Я заплачу...

— Большая ошибка, — бросил О'Хара, которого явно забавляло происшествие.

Китаец застыл, но закричал еще громче:

— Никакой платы! Низкорожденный Сун Ло Ли почтет за счастье угостить высокодостоянного своим жалким печеньем! Судьба говорит бесплатно!

— Это печенье-гадание, — пояснил О'Хара, подходя. Сун Ло Ли глядел на него безмятежно. — У вас есть такие? Разломать, а внутри предсказание на каждый случай. Бывает забавно.

— Выбирайте, уважаемый господин, — сказал торговец, склонившись так низко, что совершенно закрыл собою короб. Выпрямился и поглядел выжидающе.

Чехов очень не любил разного рода лотереи, рулетки и прочая: и так ясно, что не всерьез, что выигрыш исключен — не для того все выдумывалось, — но каждый раз ощущал легкое касание надежды, мгновенную анестезию души; а выпадает опять выигрыш заведения.

Он с неохотой взял круглое печенье, позажаристей, которое тут же раскрошилось, и на ладонь выпал узкий, точно телеграфная лента, листок.

Китаец склонился снова. Он походил на балерину, которая, выйдя на аплодисменты, грациозно поникает.

— Читайте, — сказал О'Хара серьезно. — Узнаете судьбу.

Цепочка иероглифов — и следом английский перевод: «Прислушайтесь к добрым советам».

XI

— Мало времени, Адам! Мало времени. Я еду за ним — неофициально; вы остаетесь на хозяйстве. Пока я еще здесь: досье на Сун Ло Ли — полное, помимо того, что есть в участке. Сводка происшествий в Канди за последний

месяц — мне на стол. Там готовится парад Армии спасения — кто о нем объявил, когда, нет ли связи. Что я упустил?

— Мистер О'Хара, я навел дополнительные справки об этом человеке. Оказывается, он не только врач, но и писатель. Сначала сочинял юморески для журналов вроде «Панча», а теперь — рассказы в духе Мопассана о русской тоске. Лауреат престижной премии.

— Ну-ну. Очень хорошо, Адам, я что-то такое и предполагал. До вечера, мистер Стрикленд. Жду отчета.

XII

— Да свершится! Вечным будет владычество Хозяев наших!

— Да свершится!

XIII

«В Индии пунктуальны только поезда и этнологи»: О'Хара (отговорившийся от поездки в Канди множеством дел), как всегда, оказался прав. Ужин в гостинице, даром что английской, задержали на добрые полчаса, зато невыносимо-ранний поезд, пофыркивая, как давешняя лошадка, въехал под вокзальный навес точно по расписанию. Дым вознесся к железным небесам, и молчаливый черный табор, сидевший на узлах и по углам, мигмом вскочил, загалдел, помчался в оба конца платформы.

Чехов осторожно пробирался сквозь толпу, жестами и бормотанием отваживая носильщиков. Только дойдя до своего вагона, он понял, как ошибся — или как его надули в кассе: вагон оказался не первого, а второго класса, для смешанной публики. Вот она, чаемая нашими литераторами возможность узнать жизнь простого народа — без О'Хары, правда, не очень осуществимая: видеть, не понимая, для писателя губительно. Но еще хуже — понимание мнимое: видишь только то, что увидеть и ожидал; себя, в конечном счете, а не других. Колбасники немцы, пьяницы (богоносцы) русские, англичане — просвещенные мореплаватели, у которых каждый обучен боксу: что еще нужно знать? Литератор, между тем, должен быть объективен, как химик.

Цейлонцы, дети природы, без опаски и со сноровкой, выдающей привычку, лезли в вагоны: немислимое сочетание, казалось бы. А между тем, очень скоро «настоящие» тунгус, русский, сингалез и т. д. останутся только на показ туристам, в самой глуши, да и туда проведут электричество для освещения кафешантанов. Это и есть прогресс: когда в зубы бьют реже, ездить удобнее, а человек становится частью человечества.

Вагон, вопреки толчее на платформе, оказался удивительно малолюден: в своем купе Чехов ехал один, в соседнем тоже оказался лишь один пассажир (если правильно запомнились объяснения О'Хары — садху), полуголый, раскрашенный охрой, с длинными пепельно-серыми волосами; на плечи его был наброшен драный цветастый ситец. Припухшие глаза — верный знак того, что недавно он принял опиум, — рыскали, ни на чем не останавливаясь, и на соседа по вагону он внимания не обратил.

Откуда он, зачем едет в Канди? — никогда не узнать.

Поезд с лязгом дернулся и пошел ровно. Сначала пейзаж за окном менялся стремительно: проскользнули опоры вокзала, похожие на баньяны, сменились баньянами настоящими (на миг вспомнилась ночная девица; встретиться еще, как вернуть? — пожалуй), мелькнула зеленая муть лагуны, и однообразное переплетение зелени потянулось ровной стеной. За стуком колес терялись все звуки, которые придают приятное разнообразие тропическому лесу. Вопреки господам жюль-вернам и прочим любимцам гимназистов, ни приключений, ни сюрпризов он не обещает; леопарда встретить на тропе — так, докука, много их тут ходит.

Чехов вздохнул и достал записную тетрадь.

Раз уж праздному г. читателю так интересны далекие острова, я напишу о самых далеких и экзотических: «Остров Сахалин» и «Остров Цейлон». Только не будет там приключений — одна повседневность, и серый сахалинский ужас, и пестрая цейлонская обыденность. Место приключений займет статистика, ибо наш мир устроен так, что правила важнее исключений.

XIV

Я был в аду, каким представляется Сахалин, а теперь в раю, т. е. на острове Цейлон. Вся дорогу, от Гонг-Конга до Коломбо, мои спутники россияне бранили англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато дает им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даете? В электричестве и паре любви к человеку больше, чем во всех рассуждениях о добродетели и воздержании от мяса. Вот чему можно выучиться на Цейлоне, но прибывают сюда совсем за другим.

Ни один местный проповедник, вероятно, не говорит с таким жаром, как заезжие европейцы, о том, что иллюзии и желания погружают человека в бездну страданий. Мы никак не можем решить, быть ли нам фанатиками (и какого бога) или атеистами, и выбираем буддизм как религию, которая дает человеку все (в том числе превосходство над ближним, не причастным к тайне Востока), не требуя ничего. Что говорят об этом сами буддисты, мне, полагаю, еще представится случай узнать, поскольку поезд везет меня в г. Кэндиди. О состоянии цейлонских путей сообщения я напишу особо.

NB Добавить: еще недавно дороги тут не было, ни железной, ни обычной (когда построили??), одни тропы, раскисавшие в сезон дождей, и т.п.

Кэндиди, или Маха-Нуvara, бывшая столица острова, ныне известна главным образом тем, что в этом городе хранится величайшая святыня Цейлона — «datha dhatu» (О'Г. говорил как-то иначе, проверить). Так называют зуб Будды, одну из немногих телесных частиц Просветленного, которые сохранились до сего дня. Зуб (левой глазной) нашли в пепле погребального костра. За две с половиной тысячи лет он много раз менял владельцев и становился причиной ожесточенных религиозных войн. Один из князей поклялся его уничтожить и чуть не исполнил свое намерение, но некая супружес-

кая пара перевезла святыню на Цейлон, где она и пребывает в безопасности под охраной монахов уже полторы тысячи лет. Легенда говорит, что так будет продолжаться еще десять веков, а что дальше — неизвестно. Везде неопределенность.*

10 лет назад очередные искатели восточной мудрости посетили святынище г. Кэнди. Вероятно, многое о русском национальном характере скажет следующая история. Наша бывшая соотечественница г-жа Блаватская была удостоена чести увидеть святыню воочию. Она, хоть и ожидала получить озарение от созерцания реликвии, такового не обрела, после чего разочарованно заявила, что зуб, по видимости, принадлежит крупному аллигатору. Как обычно бывает, человек (русский в особенности), не имея сил и желания пройти поле между верой и неверием в ту или другую сторону, довольствуется тем, что разрушает чужую веру или создает свою, попроще и поудобнее. Самый величественный и оттого самый яркий пример — проповедь гр. Л.Н. Толстого. Поскольку г-жа Блаватская высказалась громко и по-английски, паломники зароптали в негодовании, так что для успокоения собравшихся ее спутник, г-н Олькотт, высказался в примирительном духе: зуб, точно, принадлежит Будде, но в одном из его прошлых воплощений, когда Всесовершенный явился на Землю в облике тигра.

До важнейшей из местных церемоний остается еще 9 месяцев. В августе ларец, хранящий реликвию, вывозят из храма на слонах, сопровождая шествие пением и фейерверками. Буддистские авторитеты полагают это идолопоклонством, однако поделаться ничего не могут: традиция! Поток паломников не ослабевает в любое вре

XV

Ему снятся рыбоголовые боги, спящие на первобытном дне океана, не живые и не мертвые.

Ему снится варение зелий в горной пещере — дело долгое, рассчитанное по звездам и лунам, которые медленно ходят над неподвижной землей.

Снится мир, в котором нет законов и правил, кроме тех, что создаются на время и в любое мгновение могут быть изменены.

Снится то, чего не может быть: потому что не было никогда. И никогда не будет, Бога ради.

Бессмысленность мира сдавила его, и он проснулся; поезд подходил к Канди, по коридору пробежал китаец, в соседнем купе заворочался садху.

Он откашлялся в платок; снова увидел кровь. Достал портсигар и, зло чиркнув спичкой, закурил.

XVI

Впереди шли девушки в национальных костюмах, но головы, по завету апостола Павла, были прикрыты вполне европейскими монашескими

* Историческими и этнографическими сведениями об острове я обязан любезности м-ра О'Тара, сотрудника департамента этнологической разведки, — человека удивительно разностороннего.

накидками; из-под каждого покрыва сверкали солнечными зайчиками очки в металлических оправках. Полумонахини пели что-то дикое, видимо, гимн.

За ними следовал мужской оркестр: белые полотняные костюмы и соломенные шляпы. Первый ряд наяривал на губных гармониках, дальше сомкнутым строем шли гитаристы. Черные мальчишки в набедренных повязках бежали рядом, свистя и прыгая, и все время налетали на музыкантов. Огромный негр в красной куртке замыкал процессию: неподвижно глядя перед собой, он бил в барабан и заглужал всех.

Так Армия спасения проповедовала воздержание, умеренность и милосердие; из того, что Чехов успел узнать о восточных празднествах и парадах, этот и впрямь был умеренным.

На Цейлоне 805 христианских школ и 4 буддистских. А поскольку для приема на государственную службу необходима справка об образовании... К тому же законными признаются только христианские браки. В итоге — то ли повальная христианизация, то ли всеобщее лицемерие, не разберешь. Туземцы, выучившие английский язык, от своих отстали, к чужим не пристали: все хотят работать в колониальной администрации, так что предложение превышает спрос. Точно то, о чем предупреждал Даль: грамотный крестьянин сразу решает, что работа в поле не для него и т. п. Только местным и вовсе некуда податься.

Он не хотел уподобляться тем туристам, которые на все смотрят с деланным равнодушием, только что не сплевывая через губу: это пошло, да и Цейлон ему нравился. Путешествие оказалось увлекательнее, чем он предполагал: после первых однообразных миль виды за окном менялись с каждой минутой. Горы то прятались в низких облаках, то вновь являли зеленые склоны в переливах света и тени. Отвесные голые скалы сверкали серебром, а вблизи оказывались серо-желтыми и снова блестели вслед поезду.

Долина Канди оказалась недурна: горы замкнули ее кольцом, беззаконное буйство леса сменилось регулярностью рисовых и чайных плантаций, а посередине искрился аккуратный квадрат бирюзового озера; невысокий, похожий на пагоду храм с красной крышей был виден издалека.

Однако сам город скучен: ровные улицы вдоль сторон квадрата, от них под прямыми углами расползаются переулки. Старых зданий вовсе нет, кроме бывшего дворца и храма, спрятанных за рвом и стеной; хижины сингалезов, нечастые бунгало, кое-где — открытые лавки. Форты нет, зато серым кубом торчит острог. Да и по ту сторону рва интересного мало: сырой одноэтажный дворец пропах древней плесенью, и недавний европейский ремонт делу не помог. Что же до храма... Всезнающий О'Хара смог бы разъяснить значение бесконечных геометрических фигур и орнаментов, на фоне которых посетителю улыбались равнодушные будды или скалились демоны, — но гостю они были непонятны и вскоре приелись. Зуба он так и не увидел: предмет поклонения хранился в реликварии — огромном сундуке красного дерева, украшенном камнями и золотыми цепями; больше всего он походил на кухонную ступку, да и назывался как-то похоже.

Приторно и удушливо пахли цветы, невятно шептались паломники, конус света медленно смещался по дощатому полу, и золоченные спиральные колонны вспыхивали поочередно. Больше всего храм напоминал церковь где-нибудь на окраине Москвы — небедную, но в будни полупустую; старухи и младшие приказчики приходят туда поставить свечку Пресвятой-Троице: Иисусу-Христу, Богородице и Николе-Угоднику. Язычество везде одно и то же, а веры нигде не найдешь.

Он вышел из храма и, щурясь, стоял под козырьком. Горы удваивались в отражении, пахло свежим навозом, слонов было не видеть. Тут-то и загремела умеренная процессия, точно по отмашке. Закончилась она столь же внезапно, как и началась; в ветвях магнолии закричала незнакомая птица, будто молоточком стучала по каблуку.

Чехов посмотрел на часы: до обратного поезда оставалось часов пять; можно пообедать в английском ресторане и обойти озеро. Или сначала обойти, а потом пообедать, иначе вконец разморит и развезет. Заодно расспросить о жизни местных крестьян: на кого они работают, сколько получают, сколько тратят. О'Хара предоставит официальные таблицы по первой же просьбе, так ведь то официальные... На Сахалине Чехов провел перепись (десять тысяч опросных карт), здесь, конечно, ничего не успеет, но все-таки. Он уже понимал, что «Остров Цейлон» окажется куда ближе к традиционным «путевым запискам», чем «Сахалин»; пожалуй, даже с комическими интермедиями — вроде плавающей туфли и таинственной записки. Жаль будет, если О'Хара, как обещал, выяснит, чьих это рук дело: пусть так и остается загадкой. Сговор лакея и железнодорожного кассира: заманить проstacka-иностранца, а потом содрать за билет второго класса как за первый...

Монах возник неизвестно откуда.

Высокий — выше даже десятивершкового Чехова, — узколицый, короткие седые волосы и длинные черные усы, вислые, как гречневая лапша. Очки в толстой черепаховой оправе чуть расширяли узкие глаза; бурая ряса, перехваченная поясом с ташкой, висела мешковато; ноги, обутые в кожаные сандалии, не загребали пыль, словно ступали, подобно миражу, чуть выше земли.

— Здравствуй, — сказал он.

В груди что-то оборвалось, стало тепло и тесно, в ушах зашумело, только успел подумать: как-то неловко умирать при чужих.

XVII

Здравствуй, ответил он.

Ты умрешь, сказал он. Но не сейчас.

Я знаю. Но не верю. Это не чахотка.

Это чахотка. Тебе осталось тринадцать с половиной лет.

Много.

Много. Во что ты веришь?

Не в Бога: эту веру из меня выбили в детстве. В человека — трудно, да и в кого тут верить. Религия порядочного человека — равнодушие. Я бы пошел в монахи, если бы принимали неверующих и не заставляли молиться.

Кого ты любишь?

Никого. Полюбить кого-то — значит выйти из-за стены, а я ее слишком долго строил. Есть нечто большее, чем любовь: сознание долга и его выполнение, остальное приложится. Я знаю, чем обязан семье и еще немногим, и возвращаю долги. Как примут то, что я делаю, мне все равно.

Кого ты любишь?

Я не люблю, я влюбляюсь, а потом не могу развязаться: так же как не умею завязывать и развязывать галстук. Ничего я не умею любить, кроме своего писания, а муза холодна и бесплодна, как я сам: задери подол и увидишь плоское место.

Ты виноват?

Ни подвигов, ни подлостей — такой же, как большинство. С нравственностью мы квиты. Ленивость, чревоугодие, блуд — все это личное, никому не вредит и никого не касается. Закрыто.

Страшен же мир, в котором ты живешь.

Но другого нет.

Чего ты хочешь?

Изменения. Чтобы жизнь стала такой, какой должна быть, — полной, умной и смелой, свободной от силы и лжи, — какой все знают, что она должна быть, но не делают ничего. А если это невозможно — я знаю, что невозможно, — пусть остается, как есть, и следует своим законам. Пусть люди трудятся, любят, страдают и надеются, что когда-нибудь, через двести лет, через триста... Пусть остается надежда.

Ты веришь в бессмертие?

Как медик — нет; как человек — сомневаюсь. Если же правда то, что обещают Будда, Кант и граф Толстой, — слияние с бесформенной студенистой массой, — такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его и боюсь.

Тогда... — сказал он, предлагая.

Нет-нет, ответил он испуганно. Только не это. Слишком страшно. Слишком не по-человечьи.

Человечество мечтало об этом веками.

Я — не человечество. Я не смогу.

Возьми. Возьми, пусть будет у тебя.

XVIII

Садху в грязно-белой рванине, жилистый человек с красными глазами (он снова принял катышек опиума), сидел в тени шипастого кораллового дерева, покачиваясь взад-вперед. Он не сводил глаз с высокого иностранца (не он один); видел, как тот рассеянно наблюдал марш Армии спасения; как покачнулся; как бурый монах подскочил к нему и, поддержав непривычного к цейлонской погоде человека, сунул ему в руку сандаловую коробочку.

Чехов выпрямился, потер виски, машинально положил коробочку во внутренний карман, огляделся.

Монах стоял неподвижно, склонив голову набок и улыбаясь.

Чехов что-то сказал ему — кажется, поблагодарил — и поплелся к озеру.

Монах подошел к нагахе, железному дереву, сел у корней и поставил перед собой миску для подаяний.

Садху неторопливо поднялся и, внезапно сорвавшись с места, подскочил к нему.

— Ты дал ему это? — спросил Кимбол О'Хара; о буром монахе он знал только по смутным рассказам, но понимал, какой вопрос нужно задать. — Дал ему *это*? Зачем? Отчего именно ему?

Монах медленно поднял голову.

— Потому что он никогда этим не воспользуется.

XIX

Кажется, Гете, указывая тростью на звездное небо, говорил: «Вот моя совесть!»

Моя совесть — далекие огни: на том ли берегу широкого озера, по обе ли стороны бегущего поезда. И это не просто детское удивление — «всюду жизнь!» — которое охватывает людей, выдернутых из привычного уклада. Когда я смотрю на дальнее гипнотическое мерцание, то понимаю, как мало значит то, что происходит со мной, с Вами, со всеми по отдельности. Не спешите окрестить мое настроение «пессимизмом» или «хандрой»; для меня оно, быть может, вернейший знак того, что существует нечто большее, чем каждый из нас: так и кладбище, покойное (дурной каламбур) под лунным светом, — залог вечной жизни. Она есть, несомненно, есть, но никому из нас не дано увидеть ее иначе, нежели сквозь тусклое стекло.

А главное в дальних огнях и дальних людях — то, что они не ближние, и думать о них можно лишь от случая к случаю.

XX

О'Хара встретил его на привокзальной площади (садху выпрыгнул из вагона раньше Чехова, рывком направился в уборную, и через десять минут оттуда вышел смуглый, несколько вальяжный европеец, хозяин страны).

— Рад видеть, — сказал О'Хара искренне, протягивая руку. — Как съездили?

Чехов пожал плечами.

— Красиво, что сказать. Для здоровья, правда, не очень — котловина, испарения. Меня, представьте, чуть солнечный удар не хватил.

— Да, в этом отношении Коломбо предпочтительнее, зато в Канди прохладнее: ветер с гор.

Стараясь держаться в тени навесов и карнизов и только один раз выйдя на ослепительную брусчатку, они прошли в кофейню: кофе местных сортов здесь подают отменный, посулил О'Хара.

— А вы что же, все поезда встречаете? — спросил Чехов, размешивая деревянной ложечкой тростниковый сахар.

— Ну что вы, — засмеялся О'Хара и пригубил из фарфоровой чашки; на миг замер, оценивая вкус. — Я жду моего подчиненного, он сейчас занима-

ется бытом китайских кварталов — правда, не столько с этнографической, сколько с юридической точки зрения... Мистер Стрикленд!

Высокий молодой полицейский в пробковом шлеме, крутивший чернявой головой на другой стороне площади, в аркаде старого голландского дома, обернулся и, встряхнувшись как собака, выходящая из воды, побежал к начальству по самому солнцепеку. Его круглое лицо с робкими усиками было чем-то знакомо — но не более того.

С утра Чехов успел осмотреть знаменитые Сады Корицы (ничего особенного — белоснежный кварцевый песок, в который там и сям натыканы кусты), а потом весь день, пока не спала жара, сидел в гостиничном номере, записывая дорожные впечатления. С О'Харой условились на вечернюю прогулку: любой город, а чужой в особенности, можно узнать, лишь пройдя по нему *в сумерках* (О'Хара чуть подчеркнул голосом последние слова, и Чехов мысленно усмехнулся: уж конечно, этнолог не знал заглавие сборника его рассказов).

А Коломбо вечером и впрямь оказался чудесен, не похож на себя дневно: Чехов понял это еще третьего дня, а теперь уверился окончательно. Они с О'Харой переходили из кафе в паб и снова в кафе, где толстые белые свечи стояли под стеклянными колпаками, о которые билась мошкара, и завсегдаи знали, на каком расстоянии сесть, чтобы лица не растворились в полумраке, а мошки, взметнувшись, не облепили руки и лицо (кофе с корицей был восхитителен); и снова в паб, для контраста — отнюдь не самый изысканный, где за квотер наливали стакан виски. О'Хара пил, не пьянея, и глаза его оставались пронзительно-ясны. Чехову смутно помнилась ночная беседа в номере «Галле фэйс», поэтому он только пригубливал, наблюдая зыбкое соединение затуманенного стеклом дробного пламени свечей, ровного света масляных фонарей и переливчатого мерцания древесных вершин, где устроились светляки, вздымаясь и вновь опадая. Черные деревья заслоняли зеленое небо, и крупно, размашисто рассыпались звезды.

— Скажите, мистер О'Хара, — спросил Чехов. Они сидели на балконе двухэтажного каменного дома; словно бабочкино крыло, дышала китайская циновка, которую, сидя за стеной, не доходящей до потолка, раскачивали невидимые слуги. — Как вы различаете... нет, я не говорю — сингалезов и тамиллов или китайцев и афганцев — здесь все ясно. Но эти бесчисленные касты, мелкие народности, их обычаи — как вы запоминаете? Тренировка?

— И тренировка тоже. — О'Хара повертел в руке полупустой янтарный бокал. — Но главное в другом. Обычно мы смотрим на человека — и что видим? Особые приметы, говоря языком протоколов. Моя задача — увидеть не человека, а сумму... как бы сказать... всего, что сделало его тем, чем сделало. Происхождение, родина, каста, профессия — все. Если угодно, считайте это доказательством, что цельного «я» вовсе не существует. Мне было легче прочить: я вырос на лахорском базаре, для меня все началось с игры: переодеться, скажем, в ученика факира — значит принять на время его платье и душу. А потом вернуться.

— Стало быть, существует такое «я», к которому вы возвращаетесь?

О'Хара негромко рассмеялся и осушил бокал.

– Вы слишком европеец. А как работает врач?

Теперь улыбнулся Чехов.

– Да, пожалуй, так же. Нужно знать каждую мелочь в устройстве организма и определять, из-за какой суммы неполадок возникает болезнь. Но перевоплощение не требуется.

– Другими словами, мне нужно отделиться от своего «я», а вам — от чужого.

– Именно: нет человека, есть пациент. Поэтому так трудно лечить своих. Интересно, как мыслят политики? Нет людей, даже стран — есть интересы и влияния?

– В подобном духе можно разобрать все профессии. Как думают писатели? А шпионы?

– Так же, как мы, — ответил Чехов и снова чуть улыбнулся. — Но каждое обобщение — условность. Среди врачей есть, к примеру, диагносты и практики.

– Среди этнологов тоже. — О'Хара встал, положил на стол купюру и жестом остановил Чехова, который полез за кошельком. — Я практик. Пойдемте.

У входа в ресторан былолюдно и шумно; О'Хара сделал шаг в сторону — и они оказались в ярко освещенном, но совершенно пустом переулке. Тени колыхались на матовой брусчатке.

– Какой ухоженный город, — сказал Чехов. — Но есть же тут и трущобы?

– «Трущобы»? — переспросил О'Хара.

– Бедные, опасные для чужаков районы. — Чехов с интересом следил за тем, как этнолог помещает новое слово в мысленную картотеку: едва ли не был слышен щелчок каталожного ящика.

– Есть, конечно. В одном из них вы даже были: Черный город, где базар. Хотите посмотреть ночью? Думаете, имеет смысл?

– Молодой человек, — с шутливой строгостью сказал Чехов, — я пешком обошел самый большой российский каторжный остров.

О'Хара подумал, кивнул, чуть приподнял правую руку, и из рукава с еле слышным шуршанием выскочил небольшой револьвер.

– Если вы готовы к прогулке, — сказал он, — то и я тоже.

Келани — река узкая и глубокая, но возле устья ее можно перейти, не замочив ног, — так плотно стоят у берегов барки, груженные рисом и чаем; дальше вглубь острова берега заболачиваются, и Келани становится крокодильим садком. Черный же город лежит на полдороги между этими крайностями: уже видна густая темная вода, но берега еще не заросли манграми — на реку выходят тылы складов, хибар, дешевых харчевен; и промежутки между фонарями все длиннее.

Только теперь Чехов понял смысл вопроса О'Хары: этнолог знал, что по вечерам здесь не увидишь ничего и никого: все прячется, заползает в глиняные мазанки, а уж какая жизнь идет там, ведают лишь местные; и не говорят.

Чехов вышел на темные мостки, скрипящие под ногой; подошел к самому краю. О'Хара остался на берегу.

Впереди не было ничего, только беспросветная вода и сомнительный огонек. Огонек потух. Символ, навязчивый до банальности: такова и жизнь человеческая. Если бы моя закончилась здесь, у реки, — то что? что? Он прислушался к себе. Не было ни страха, ни смирения — только черное, как эта чужая, дальняя река, желание сделать еще один шаг.

Если он умрет здесь и сейчас, — думал О'Хара, — то что? что? Он умирает и так, сколько я видел чахоточных — ошибиться нельзя. Одна пуля в основание черепа — смерть быстрая, аккуратная и, говорят, безболезненная. А для него — еще и благодатная, взамен долгой муки, ему уготованной. И то, что он об этом не узнает, не меняет ничего.

А он думал: еще один шаг.

Еще один шаг.

Шорох позади: револьвер лег в ладонь.

Вот так: даже выбор остался не за мной. Спасибо и на этом: писательское самоубийство — такая пошлость. Он наклонил голову и ждал.

Волосы на затылке были пострижены аккуратным полукругом.

— Доктор, — сказал О'Хара.

Чехов обернулся.

О'Хара стоял, сунув руки в карманы, и улыбался.

— Ступайте вон туда... — Он мотнул головой. — ...пройдете по улице, выйдете к перекрестку, где собираются рикши. Больше рупии не давайте, это с чаевыми. А у меня, уж простите, еще дела.

Он снова кивнул и исчез в темноте.

Теперь пошли мытарства. Козырьки крыш сходились навесом; улица делалась все более темной и все более вонючей. По правую руку, где-то под стеной, похлопывала канава. Улица сузилась до переулка и запетляла; на каждом шагу упираешься в шершавую стену. Дверей не было, и не было перекрестков.

Впереди замаячил огонек. Последняя дуга привела к деревянной вывеске — стилизованному осьминогу, повешенному прямо под фонарем. Вероятно, закусовая с морским меню — но закрыта.

Рикши и впрямь сгрудились у осьминога, но из-за угла выступил желтый человек в желтой одежде, и они рассеялись.

— Недостойнейший Сун Ло Ли, — сказал китаец по-русски и почти без акцента, — наинижайше просит высокорожденного господина посетить его убогое заведение. Нижайше и настоятельно просит.

Идти пришлось недалеко, но Чехов сразу потерял направление. Сун Ло Ли нес в поднятой руке потайной фонарь, и узкий луч проявлял в темноте то сухой фонтанчик в форме рыбьей головы, то крутое колесо водяной мельницы; и тусклый шепот реки был заглушен низким голосом океана.

Китаец остановился, толкнул возникшую ниоткуда низкую дверь, и молча поклонился гостю. Чехов вошел.

Убогое заведение, как он и подозревал, оказалось вовсе не убогим. Негромкое эхо говорило о том, что зал тянется далеко, стены высоки, а за ними плещется лагуна.

Сун Ло Ли поставил фонарь на один из столов — кажется, посреди зала, — зажег две свечи, отодвинул громоздкое, но легкое кресло, жестом предложил сесте и в поклоне ушел.

Чехов ждал. Сумятица, бессмыслица, обреченность последних месяцев — последних лет — заканчивались здесь, в темном краю, на другом конце земли. Люди, которых он не понимал, преследовали невнятные цели и распорядились его судьбой. Какой-то смысл в этом был, но — как всегда и во всем — он ускользал, терялся, да и был ли? Диагноз поставлен: неоперабельно. «Теперь, так не после».

Сун Ло Ли появился вновь, поставил перед ним тарелку и кубок. Лапша, и очень вкусная; горькое зеленое вино на травах.

— Спасибо, — сказал Чехов. Он успел проголодаться.

Хозяин отошел в полутьму и молча ждал, пока гость наестся, потом унес посуду и сел напротив.

— Есть древний обычай, — сказал он, — уверьтесь, что я его соблюдаю. Если кто-то поел у вас в доме, вы уже не сможете его убить.

— Мне помнится, — заметил Чехов, — что вы не сможете причинить ему вред.

— Мы читали разные книги, — отрезал Сун Ло Ли, улыбаясь обворожительно. — Повторяю: я блюду обычаи. Поэтому сейчас вы совершенно добровольно отдадите мне то, что вам дали в Канди, — и подтвердите свой дар устно, — а потом вас проводят в отель.

Что мне дали в Канди? — удивился Чехов. Удар — не удар, а что-то неладное с ним произошло: несколько часов словно расплылись в памяти.

— Тогда позвольте один вопрос, — сказал он. — Зачем вам это?

Сун Ло Ли встал, и в позе смешного человечка появилось нечто торжественное.

— Не мне, — проговорил он ровно, — а Хозяевам моим.

Чехов откинулся на спинку кресла и промокнул губы салфеткой.

— Мне очень не нравится все это. Пожалуй, я не отдам вам ничего.

Китаец снова присел.

— Поверьте, — кратко сказал он, — я не из тех людей, которых называют... как это... гуманными. Но я очень изобретательный человек. Я не буду рассказывать вам о некоторых своих методах — опробованных и надежных методах. Я просто их применю. И вы, как я уже заметил, совершенно добровольно отдадите мне товар.

— Мы одни, — сказал Чехов. — Я выше вас и, наверное, сильнее. Сейчас я встану и уйду. Эта суета мне надоела.

— Куда уйдете? — спросил Сун Ло Ли невозмутимо. — До двери, не дальше.

— До гостиницы, — сказал О'Хара, выходя из темноты. Походка его стала пружинистой; в руке был револьвер. — Доктор, у входа вас ждет молодой Стрикленд, он дойдет с вами до «Гранд ориэнтл». А мы с уважаемым

Сун Ло Ли поговорим о многих интересных вещах. У меня тоже есть свои надежные методы; кроме того, он в моем доме не ужинал.

– Но я мог бы... – начал было Чехов; О'Хара прервал его:

– Идите. Надеюсь, этот инцидент не испортит вашего впечатления о Цейлоне.

Чехов медленно поднялся.

– Мы еще поговорим?

– Непременно, – улынулся О'Хара.

Чехов ушел; слышно было, как он здоровается с Адамом; шаги стихли. О'Хара и Сун Ло Ли оставались неподвижны.

– А теперь, – сказал этнолог, – ты расскажешь мне все о своих хозяевах.

– С радостью, – ответил Сун Ло Ли. Он быстро глянул куда-то за спину О'Хары. Конечно, тот не купился на старый трюк и не обернулся; тут его сзади ударили по голове, и он потерял сознание.

XXI

Холодная вода, отдающая болотом, плеснула в лицо. По давней привычке он не открыл глаза, а чуть разомкнул веки. Гудели факелы, тени метались по стенам и низкому своду. Голова кружилась, пошевелиться было невозможно, и казалось, что падаешь: так бывает в лихорадке.

Каждый дюйм свода покрывала каменная резьба: водоросли, рыбы и спруты переплетались под неестественными углами, множились и соединялись, заставляя всякого, кто глядел на них, проникаться глубоким, инстинктивным омерзением к тому, что древнее человека и ему изначально враждебно.

Сун Ло Ли, этот гнусный представитель желтой расы, успел сменить свое нелепое облачение на зловещую черную мантию, пронизанную алым блеском, и теперь, склонив голову набок, смотрел на Кимбола О'Хару, который лежал связанный по рукам и ногам, на низком продолговатом камне.

– Не притворяйся! – сказал Сун Ло Ли низким голосом, заполонившим пещеру, и отзвуки, усиливаясь, загрохотали. – Прежде, чем ты умрешь, тебе придется ответить на мои вопросы!

О'Хара смотрел на зловещего китайца, не отводя взгляд. Он лучше многих представлял, что может уготовить ему злокозненность изощренного восточного разума.

– Зачем ты хотел убить его?! – спросил Сун Ло Ли.

О'Хара молчал.

– Впрочем, я догадываюсь! Ты знал, что *это* может быть передано из рук в руки только по доброй воле, иначе утратит силу! А значит, смерть доктора делает *это* бесполезным, и мои планы расстроятся!

– Да, – сказал О'Хара.

– Но ты проиграл! – воскликнул китаец, воздевая кривые руки к закопченному потолку. – Ты умрешь здесь, во славу моих Хозяев, и лишь один человек узнает об этом! Когда русский увидит твой изуродованный труп, он

станет куда сговорчивей — а я клянусь Бездной, что не выпущу его с острова, покуда *это* при нем!

— А теперь ты ответь мне, — молвил О'Хара, спокойный, как никогда, сохраняя присущее белому человеку мужество перед лицом неминуемой гибели. — Кто такие те хозяева, о которых ты говоришь? Для кого ты хочешь добыть *это*?

— О! — воскликнул китаец, и лицо его, мнимо-невозмутимое, исказила гримаса извращенного довольства. — Ты спрашиваешь о великой тайне! Но поскольку ты все равно обречен на долгую, мучительную смерть, узнай же, во имя кого примешь ее! Хозяева мои — Боги, спящие на первобытном дне океана, не живые и не мертвые; они ждут пробуждения, когда восстанут из вод древние земли, а нынешние континенты сгинут! *Это* вернет Им силу, вернет Им власть, вечную власть над миром, и велика будет награда преданного слуги, который споспешествовал великому возрождению! Теперь же... — Сун Ло Ли склонился к беззащитному герою и зашептал, так что громовое эхо сменилось ужасающими шорохами: — Узнай, какой смертью ты умрешь на этом древнем алтаре, который десять лет назад обрела Елена Блаватская! Знала бы она! Знала бы она!.. — Злобный, ликующий хохот наполнил склеп, и где-то в дальнем конце подземелья, невидимом для связанного О'Хары, словно бы в ответ раздались глухие звуки, порожденные явно не человеческим горлом.

Несколько успокоившись, Сун Ло Ли достал из складок мантии благовоения и огниво, разложил их на каменном выступе, также украшенном резьбой — словами древнего, давно забытого языка затонувших стран, — и зажег курения. Затем нечестивый жрец проклятых богов обернулся к пленнику и провозгласил:

— Тебя заклюют киви!

— Кто? — переспросил О'Хара.

— *Нелетающие птицы Новой Зеландии!* — взвизгнул жрец, и ответом ему стал ужасающий свист из дальнего угла склепа.

О'Хара был впечатлен.

— Бред какой-то, — сказал он. — Вы бы еще пингвинов сюда притащили.

Рот Сун Ло Ли скривился в жутком подобии улыбки.

— Спасибо за совет, мой обреченный друг! Я завтра же выпишу партию этих гордых птиц, любимцев моих Хозяев, прямо от подножия Эребуса! Их сильные лапы затопчут, а мощные клювы разорвут всякого, кто осмелится встать у меня на пути — если успеет, ибо вскоре мир переменится! Теперь же, когда ты знаешь все и не можешь поделать ничего, — молись своему бес-сильному богу, ибо сейчас ты убедишься, что клюв киви с размаху пробивает двухдюймовую доску, не говоря уж о брэнной плоти!

Отвернувшись от жертвы, мерзкий жрец выкрикнул что-то на языке, непонятном даже Кимболу О'Харе. Отворилась незаметная прежде дверь, и глазам пленника предстала высокая, очень темнокожая девушка неимоверной красоты, облаченная в тонкое бирюзовое сари. Волосы ее, цвета воронова крыла, были уложены в высокую прическу; на лице ее, когда она склонилась перед гнусным китайцем, своим господином, читался бесконечный ис-

пуг. Жрец отдал краткий приказ, и незнакомка медленно двинулась к сокрытым в полумраке клеткам.

Прогрохотали засовы, и девушка, испуганная еще более, отскочила в сторону. Поспешно, однако не теряя некоторого достоинства, китаец последовал ее примеру и затянул на гортанном прадревнем языке литанию смерти.

Мягкое цоканье наточенных когтей по холодному камню вселило бы ужас и в самую отважную душу — но Кимбол О'Хара не позволил себе отвлечься на бессмысленное волнение. Он играл мышцами, надеясь хоть сколько-нибудь ослабить гнусные веревки, оплетавшие его тело, — увы! тщетно.

Первая из ужасных, противных естеству птиц вошла в круг света, и обреченный узник невольно содрогнулся. Грушевидное тело с редуцированными крыльями, поросшее словно бы не перьями, но свалывшейся бурой шерстью; чудна? походка, которая в иных обстоятельствах могла бы показаться забавной; странный запах болот иного полушария; пронзительный, невыносимый для слуха свист — все вместе сделало птицу исчадием душераздирающего кошмара. За нею маячило трое собратьев. Киви была уже в шаге от алтаря; она зловеще присвистнула и, повернув голову, ударила клювом в стену — полетела каменная крошка.

О'Хара готов был зажмуриться, не желая видеть, как первый удар безжалостного клюва пронзит его, и мысленно поклялся принять смерть безмолвно, — но тут в воздухе сверкнула золотая полоса, и страшная птица рухнула с тонким писком, обливаясь кровью.

Волосы темнокожей девушки упали ей на плечи роскошным водопадом: она распустила гордую прическу, выдернув из нее три золотые заколки, ставшие смертоносным оружием. Мелькнула вторая, третья — и еще две птицы обагрили пол, истертый тысячами ступней.

Три киви пали, но четвертая приближалась, и жрец, на несколько драгоценных мгновений замерший потрясенно, оставался столь же опасен. Издав невнятный вопль ярости, китаец ринулся к бестрепетной девушке, но столь же оглушительный, сколь неожиданный звук револьверного выстрела — о, славное достижение высокой цивилизации! — остановил его. Первая пуля опрокинула дьявольскую птицу, чьи пуговичные глазки уже высматривали точку рокового удара; вторая поразила китайца, тот взмахнул руками — полы его мантии взметнулись, подобно крыльям нетопыря, — и повалился ничком.

— Мистер О'Хара! Мистер О'Хара! Вы живы?!

То был голос Адама Стрикленда.

Отважный юноша и храбрая девушка одновременно подбежали к связанному.

— Я нарушил ваш приказ, сэ! — воскликнул молодой Стрикленд, перерезая веревки. — Не вы один вызвали подкрепление. Я передал Чехова на руки Уиггинсу и последовал за вами, сэ!

— Вы все правильно сделали, Адам, — сказал О'Хара, приподымаясь и растирая запястья. — Спасибо. Как всегда — спасибо.

Девушка, видимо робея, на шаг подступила к нашим храбрецам. Ее пре-

красно очерченные губы чуть приоткрылись, но она не успела сказать ничего. Раздался тонкий свист, из уголка ее рта потекла струйка крови, и она упала на колени: в спину ее вонзился китайский кинжал с золоченной рукоятью — последний дар умирающего Сун Ло Ли.

О'Хара осторожно взял ее на руки.

— Скажите ему, — прошептала девушка, — скажите, что я...

И это было все.

О'Хара медленно опустил ее на пол и огляделся. Узкая пещера, чадающие факелы; камень, на котором валяются обрезки веревок; пустая клетка; четыре мохнатых комка на полу. Мертвый мужчина, чья правая рука чуть вытянута вперед; мертвая женщина.

— Пойдемте, Адам, — сказал О'Хара без выражения. — Мы и так чуть не остались на хребтах чужого безумия.

XXII

— Мистер О'Хара, вы живете в большой, пестрой стране — вам, уж простите, трудно вообразить, до чего однообразен мир. Везде — бесплодные хотения, напрасный труд, везде — богатство и нищета, беспросветность обыденной жизни, бо́льшая или меньшая глупость властей.

Чехов понурясь сидел на гостиничной кровати, свесив руки между колон; О'Хара — напротив него, в плетеном кресле. За окном было тускло; в десятых числах ноября на южном Цейлоне меняются ветра, и Коломбо становится похож на осеннюю Ялту: сизое море под серым небом и устало покосившиеся деревья. Стояла тишина, какая бывает перед дождем: вот-вот, и зашуршит, но пока нет ни ропота, ни ветра — одно терпеливое ожидание, а к набегающим волнам уже привык и не слышишь. В углу номера, возле письменного стола, что-то попискивало в квадратной клетке, накрытой цветастым платком. До отбытия «Петербурга» оставалось еще больше часа.

— Я приехал на Цейлон, «место, где был рай», — продолжал Чехов взволнованно, — и что нашел? Все то же, но еще игру разведок — не отрицайте и не подтверждайте, я давно уже все понял, — да нарушил покой мирных опиумных контрабандистов. Ведь этот китаец отчего-то решил, что мне всучили в Канди какое-то зелье?

— Да, вроде того, — кивнул О'Хара.

— Какая скучная история, — сказал Чехов. — Какой однообразный, неизменный, бесконечно скучный мир.

— А вы бы хотели иначе? — спросил О'Хара.

— Нет-нет, — быстро ответил Чехов. — Нет, ни за что. Ведь это и вправду лучший из миров. Вернее, единственно возможный.

— Один добросовестный журналист, — перебил О'Хара, — сообщает, что на русских Командорах даже морские котики стонут: «*Scoochno! Ochen scoochno!*»

— Не шутите, — попросил Чехов. — Поймите, ведь люди не ездят на Северный полюс, не залазят на айсберги — они едят, пьют, а жизнь в это время

проходит за стеной; они влюбляются, женятся и бывают несчастны. Вот и все. Остальное — проблески... исключения, за которые приходится платить, и платить дорого.

О'Хара не ответил ничего.

— Помните, за мной еще один вопрос — ну, третий? — сказал Чехов, выпрямляясь.

— Что? А, да, пожалуйста.

— У меня их два, — улыбнулся Чехов. — Первый. Это вы подослали ту девицу?

— Нет, не подсылал. — О'Хара заложил ногу за ногу. — А еще?

— Почему вы меня не убили — там, у реки? — На миг загнувшись, Чехов заговорил быстро: — Я не спрашиваю, почему вы хотели это сделать, — я же вижу, вы человек, который без причины на такое не пойдет; почему не выстрелили? Хотели поймать китайца на живца?

— Это была вторая мысль, — кивнул О'Хара. — А первая... Не знаю, поймете ли вы, но выстрелить там и тогда было бы... как это по-русски?.. ну, скажем, неспортивно.

— Кажется, я понял, — сказал Чехов. — Кажется, понял.

— Что ж, — сказал О'Хара, — прощайте. Я рад знакомству и хотел бы только, чтобы оно состоялось в менее... профессиональных обстоятельствах.

— Я тоже рад встрече, — сказал Чехов, протягивая руку. — При любых обстоятельствах, мистер О'Хара.

— Ким, — сказал О'Хара. — Просто Ким.

Неловкое молчание заглушил пароходный гудок.

— Вы напишете об этом? — спросил Ким.

— Уже написал, — Чехов кивком указал на стол, где лежала небольшая стопка желтоватой бумаги. Вчерне, конечно, зато обо всем — не беспокойтесь, без лишних подробностей. Коломбо, железная дорога, Канди, забавный монах... Кстати, спасибо за книги, они мне очень помогли.

Ким повел рукой: не стоит упоминания.

— А вот напоследок, — сказал Чехов, — хочу показать вам мое главное цейлонское приобретение. Смотрите, — он встал и сдернул накидку с клетки, — какие очаровательные мангусы, самец и самочка. Я их купил на базаре — помните, торговец стоял на том самом углу, где мы встретили вашего преступного китайца. Прелестные зверьки, только все время норовят выскочить.

— Вас обманули, — сказал Ким, приглядываясь. — Один, точно, самец мангуса, а вторая — циветта, ее приручить нельзя.

— Как? — поразился Чехов. — Которая?

— Осторожно! — крикнул Ким, но было поздно. Дверца отворилась, и мангус прыгнул на письменный стол.

XXIII

— ...А дальше было совсем несложно. Русским резидентом оказался ночной портье «Галле фэйс». Сун Ло Ли знал об этом и шантажировал его: ки-

таец велел любыми средствами направить Чехова в Канди, что, собственно говоря, совпадало с намерениями резидента. Кажется, оба полагали, что смогут в последнюю минуту обмануть друг друга и заполучить товар для своих хозяев. Мысль составить записку из газетных вырезок подсказала повесть мистера Дойла, которую портье как раз прочитал, а подбросить листок он поручил своему агенту, коридорному отеля «Гранд ориэнтл». Вот и все, дело закрыто. Поздравляю с повышением.

Лейтенант Адам Стрикленд с легким смущением поклонился и спросил:

– А как же секта рыбопоклонников?

– После смерти Сун Ло Ли она не опасна. Ни один из тех, кого мы выловили, не имеет представления ни о том, где искать монаха из Канди, ни как говорить с «хозяевами». Лавочники, пожелавшие власти...

Адам вздохнул. Тут, в чистоте выбеленного полицейского участка...

– Знаете, мистер О'Хара, здесь... вот газовый рожок, вот телеграфический аппарат, пишущая машинка... эта секта, этот жуткий склеп кажутся такими нелепыми... просто невозможными. Нет, я знаю, что тайные общества, всякие там древние культы — не выдумка, я читал «Признания душителя»... да, Господи, я же был там!.. но все равно, какое-то оно...

– Просто чужое, — вздохнул О'Хара, закуривая дешевую сигару (так и не смог от них отвыкнуть за все эти годы). — Мы оказались в мире, который основан на том, что для нас — вульгарная несообразность. Это бывает. А представьте, каково было доктору Чехову попасть в наш мир. Ведь он совершенно уверен, что жизнь в основах своих одинакова всегда и везде. — О'Хара затаился, поморщился и в раздражении затушил сигару. — В его мире не происходит ничего, ничто не может измениться, разве только умереть, а человек беспомощен и даже не помышляет о том, чтобы... Вообразите, Адам, что вы живете в йоркширской глубинке и хотите на некоторое время перебраться в Лондон. Ваши действия?

– По телеграфу сниму квартиру и куплю билет.

– А в его мире этого не будет никогда! Человек может всю жизнь твердить о Лондоне, но никогда туда не попадет... да и Лондона никакого нет, только выцветшая ферротипия «Привет со Всемирной выставки». Все прочее — такой же дикий вымысел, как для вас, Адам, — теории нашего покойного друга Сун Ло Ли.

Адам неуверенно хмыкнул:

– Тогда Россия нам не опасна.

О'Хара вскочил.

– Стрикленд, научитесь наконец заглядывать за очевидное! Он из тех, кто умеет рисовать Колесо и невольно меняет его ход. Если Чехов проживет еще лет двадцать-тридцать — а он болен, Адам, тяжело болен, — он сделает явь такой, какой ее видит. Возникнет мир без войн, без революций, ползущий путем какого-то не очень внятного прогресса. И нам не будет места в этом мире, Адам. Мы перейдем в детские книги, и мальчишки будут убежать от провинциальной скуки в далекие страны — и уж конечно, их будут ловить на ближайшей станции.

О'Хара отвернулся и подошел к окну. Тусклое солнце уползло за пелену, торчали во все стороны вялые пальмы, усталые рикши сидели на обочине.

Адам молча перебирал документы на столе, а потом сказал:

— Или все будет наоборот. От безысходной тоски, от того, что нет никакой надежды на перемены, случится такая революция, что империя, стоявшая триста лет, не выдержит и трехсот дней. А за ней посыплются и все остальные, как сухие иголки, одна за другой. Кто еще на большой костер?

О'Хара подошел к Адаму, но тот не решился повернуть голову и встретить его взгляд. Приказы, отчеты, дырокол, точилка, набор перьев, чернильница...

— И в таком мире, — грустно сказал О'Хара, — найдется место нам — умелый и надежный разведчик всегда в цене, — но не будет места для него. Как нам повезло, Адам! Как повезло, что мы живем в те недолгие годы, когда возможны вы, я, Сун Ло Ли, Чехов... Такого больше не будет. Я не знаю, кто и когда скажет: «Се, творю новое», — но прежнее пройдет.

— А вы... исполнили ее последнюю просьбу? — спросил Адам, чуть помолчав.

О'Хара кивнул:

— Да. Я ему ничего не сказал.

XXIV

Когда, перелистывая чужой альбом, вдруг натыкаешься на карточку своей давней любовницы, ощущаешь мгновенный укол — не только ревности, но и понимания: как изменилась она, как изменился ты сам (или ни один из вас — ведь на самом деле мы не меняемся); горькое слово «не сбылось»; трусливый вздох «ну и ладно».

Примерно то же я чувствую, разбирая на Рождество скопившиеся за год письма — мешанину планов, надежд и опасений, лучше любого теолога доказывающую, что Бог располагает, — и старые безделушки, следы полузабытых поездок.

Сейчас передо мной лежат вещицы, привезенные с Цейлона — Боже мой, уже тринадцать лет назад. Резные статуэтки Будды и Шивы, два слона из кости, два — из черного дерева, жемчужина средних размеров, обрывки очерка «Остров Цейлон», коробочка сандалового дерева с большой зеленой пилюлей, пробитый железнодорожный билет, три брошюры. Прибавьте еще рассказ «Гусев», дописанный в Москве, но зачатый в Коломбо. Неужели это все, что осталось?

А между тем, мне все настойчивей кажется, что на Цейлоне я пропустил что-то очень важное — не узнал, проворонил, и протекло между пальцев: упустил так же, как свое здоровье; как упустил и Вас.

Но нет, уже не вспомнить.

В последнее время я все чаще думаю о новой пьесе — если только успею (и сумею) ее написать. События начнутся в провинциальном городке, каком-нибудь Энке. Обычная суета, безнадежная любовь, выстрел за сценой — и последнее действие происходит на шхуне, запертой во льдах

неподалеку от Северного полюса. Герой наблюдает полярное сияние и видит, как по небу проносится призрак его любимой. Вся штука в том, чтобы сделать переход по возможности естественным. В «Черном монахе», кажется, это мне удалось. Вы скажете: «Декадентство!» — все так скажут, — но не могу передать, до чего этот замысел важен для меня. Не смейтесь, но мне чудится, будто он может что-то изменить, в моей ли судьбе, в чужой ли — не знаю... «О чем» эта пьеса, каково будет ее «внутреннее содержание» — тоже сказать не могу. О том, как заурядный человек, какой-нибудь земский деятель, выходит за пределы привычной жизни; о невидимой цепи, которой сковано все... Бог весть. В работе замысел изменится до неузнаваемости. Я себя знаю.

Но если бы так же знать и других! Не угадывать на ощупь, тыщась в потемки, — но знать твердо, положительно: знать не чужие мысли (это закрыто и свято), но хотя бы причины поступков; знать, почему человек делает то-то и то-то, а не подставлять на место его души свою — заведомо иную; не «выдумывать психологию», но познавать, как и сам ты познан; быть уверенным в том, что понимаешь другого, а не блуждаешь по тобой же выстроенному лабиринту! Одно непредвиденное событие, и рухнет вся постройка, и ты снова в мире, законов которого не знаешь, и на тебя смотрят из-за деревьев чьи-то непроницаемые лица.

Если бы знать, если бы знать...

Ну, это уж из другой оперы.

P.S. Вы интересуетесь участью моих мангусов, что делает честь Вашей доброте.

Пальмовая кошка оказалась неисправима: шипела на всех, ногами пробиравалась в спальни и кусала за ноги гостей. В конце концов, не упомяну, ее то ли подарили зверинцу, то ли зашиб полотер, которого она цапнула за палец.

Мангус же оказался милейшим зверем, очень веселым и шустрым, помесью крысы с крокодилем, тигром и обезьяной. Он обожал прыгать по столам и бить посуду — еще в Коломбо выскочил из клетки и разодрал на клочки рукопись моего очерка о Цейлоне. Несчастное человечество навсегда лишилось подробного отчета о моих тропических похождениях, за что мангус и был прозван Сволочью.

В России он тоже проявил характер: выворачивал цветы из горшков, тербил за бороду отца, в комнатах не оставалось ни одного узелка и свертка, которого бы он не развернул. Я находил его в ящиках стола и в чемоданах, а еще Сволочь то и дело пытался сбежать — каждый раз строго на юго-восток: удивительное чувство родины. Когда он укусил мамашу за нос, чаша переполнилась, и его отдали в московский зоосад.

Моя сестра навещала его, но, когда справилась о Сволочной судьбе года три спустя, смотрители только развели руками: сбежал. Вполне возможно (знаю я тамошние нравы), что бедняга околел с голоду, а если и сбежал, то сгинул нехорошей смертью... но отчего-то мне кажется, что он преодолел все и за последним перевалом выскочил из плетеной корзины, навьюченной на

спину седого яка, прыгнул на дорогу, отряхнулся, распушил хвост, фыркнул, задрал мордочку и, поймав ветер, побежал вниз, к зеленым долинам и дымчатым холмам.

Сволочь, где ты?

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Повесть следует подлинным фактам — от смерти бессрочноотпускного рядового на пароходе «Петербург» до замысла последней чеховской пьесы; я позволил себе лишь опустить наиболее неправдоподобные сведения о пребывании Чехова на Цейлоне. Имеется, однако, и несколько мелких вольностей: стоянка «Петербурга» в Коломбо длилась три дня, а не шесть; «Собака Баскервилей» была опубликована почти двенадцатью годами позже.

АЛЕКСАНДР ГОЛИУСОВ, БОРИС МАШКОВЦЕВ

РАЗВОДЫ КОСМИЧЕСКИХ МАСШТАБОВ

ЧАСТЬ 1. АНДРОИДНЫЙ ТИП

ЕТАРШИНА ТАРАСЕНКО НЕТОРОПЛИВО ШЕЛ ПО ЯРКО освещенному коридору в сторону стыковочного шлюза. Нестроение у него было неважное, и он в задумчивости жевал ус. За тридцать два года службы во Флотилии Военного Сопровождения ему никогда не поручали столь дурацких заданий. Задача заключалась в том, что он на своем барке «Электроника», в сопровождении «Мавра» лейтенанта Захарова, должен был покинуть межпланетную Станцию и отправиться болтаться на орбите Фобоса, ожидая прибытия некоего инженера — специалиста по бортовому программированию. Специалист направлялся Агентством по Контакткам с целью произвести «апгрейд» бортового компьютера. Дело, в принципе, пустяковое, но было оно несколько нелогичным. Это и не давало Михаилу Ивановичу покоя.

Во-первых, было непонятно: почему нельзя проделать все эти компьютерные усовершенствования в доке космодрома или на Станции, если что-то совсем уж срочное. Почему на орбите? Причем на орбите безжизненного спутника? Ведь не дай бог чего сломается, на Марс сесть без навигации не удастся, а автономно до базы — три месяца под парусами идти. Может, для этого и послали с ним Захарова, на его «Мавре», так сказать, для взаимной подстраховки? Он с Захаровым и раньше работал в паре, и на их долю выпадали не самые простые задания. Видимо, и сейчас поручено что-то важное. Один черт, ясно, что Захаров знает больше, но молчит, гад. Как всегда сурово хранит секреты Родины. Тарасенко выругался и нервно усмехнулся.

Во-вторых, с каких пор Агентство по Контакткам посылает программистов на суда сопровождения? Наверное, что-то глобальное затевается. Либо «третью» расу нашли, либо к походу в дальний космос готовятся...

Эта версия объясняла и секретность, и удаленность, и, в конечном итоге, совместный полет «Электроники» и «Мавра», что вполне удовлетворило старшину; так что он даже немного успокоился.

Но самый жирный червь сомнения продолжал глодать его разум — ведь ему уже 64 года, да и корабль у него совсем не новый, какие уж тут контакты и дальние полеты. Его и так уже пять лет дальше Сатурна не отправляют. Да и «дергуны» с Юпитера уже давно перестали досаждают колониаль-

ным караванам. Поэтому Тарасенко расценивал свое поручение как первый шаг к списанию на Землю. Опыт у него, конечно, богатый, что говорить, но и срок уже подошел... Он тяжело вздохнул и насупился.

– Товарищ старшина, катер — в стыковочном шлюзе. Прошу разрешения на фиксацию и выравнивание давления, — прозвучал из динамика над его головой голос «Электроники».

– Разрешаю, — Тарасенко зло выплюнул и пригладил ус, одернул китель и ускорил шаг.

Дойдя до переборки в шлюз, он причесался пятерней и замер в ожидании.

– Фиксация проведена успешно. Давление среднебортовое.

– Проверить внешнюю герметичность отсека.

– Внешняя герметичность — 100%.

Старшина нажал на панели переборки клавишу «Открыто». Люк щелкнул и плавно ушел в стену.

В помещении стыковочного отсека глазам Тарасенко предстал новенький скоростной катер с ванадиевыми двигателями и сверхпрочной обшивкой из «синего титана».

– Запрос подачи трапа, — вновь раздался голос бортового компьютера.

– Произвести подачу, — приказал старшина.

Вниз по ступенькам, сжимая в правой руке увесистый металлический саквояж, спускался молодой человек в униформе Агентства:

– Здравствуйте, — довольно сухо поздоровался он, — старшина Тарасенко, как я понимаю?

Михаилу Ивановичу «инженер» не понравился: тонкие губы, острые черты лица, неприветливый, менторский тон. Старшина сперва хотел ответить «так точно», но передумал. «Прислали же хлыща гражданского на мою седую голову», — подумал он с горечью и ответил:

– Правильно понимаете. Кроме меня тут никого нет, не запутаетесь. А вас как величать?

Специалист, скривив губы, представился:

– Инженер первого ранга Федор Петрович Юшкин.

– Ну что ж, Федор Петрович, пойдете — покажу вам корабль. Чаю хотите?

– На экскурсии и чай времени нет, давайте сразу к делу.

«Ишь ты, какой деловой! Молодой да ранний. А на каком кораблике при- был, просто сказка. Там, поди, сплошная автоматика. Интересно, у них в Агентстве все на таких летают, или только первого ранга? Надо будет спросить при случае», — думал старшина, пока они двигались в сторону отсека управления, и все более укреплялся в негативном своем отношении к визитеру. Они вошли в рубку, и Михаил Иванович предложил инженеру кресло.

– Что ж, к делу, так к делу. Разъясните мне свои и мои задачи.

Инженер уселся, поставил чемодан на пол, и, сложив на груди руки, ответил:

– Ваша основная задача — выйти на связь с «Мавром», затем подойти к нему на расстояние в двести километров. Подтвердить сближение. После этого мы направимся в ваш механический блок, вы откроете мне компью-

терный отсек, отключите центральный компьютер, и я займусь переустановкой системы.

– А с какой целью вы ее переустановите, можно поинтересоваться?

– Вы узнаете об этом после.

– Что значит после? Если я об этом все равно узнаю, то почему вы не расскажете сейчас? И вообще, — Тарасенко начинал злиться, — с чего это Агентство по Контакткам решило поменять систему в моем корабле?

Инженер усмехнулся, ему явно удалось задеть старшину:

– Ну, допустим, Агентство попросило Штаб Флотилии Сопровождения выделить не самый нужный корабль для проведения полевых испытаний. Насколько я понимаю, приказ прибыть сюда вы получили из Штаба?

Тарасенко побагровел от злости: «Не самый нужный корабль! Вот это да! Крысы орбитальные! Фиксатор им в печень! Точно, списать решили. Гниды вакуумные!», — он попытался справиться с нахлынувшим гневом:

– И какого рода испытания вы хотите проводить на Моем корабле? — раздраженно спросил он с нажимом на слове «моем».

– Да не переживайте вы так. На корабле, а точнее, на кораблях Флотилии мы собираемся установить новое программное обеспечение андроидного типа.

– То есть «Мавра» вы тоже будете «усовершенствовать»?

– Я только что оттуда. Весь процесс не занял и часа.

– Ну а этот, «андроидный тип», это что еще за штука?

– Это новое Пэ–О, разработанное в нашей организации. Секретная новинка.

«В нашей организации», «секретная новинка», — мысленно передразнил собеседника Тарасенко. — «Масоны хреновы!»

– Ну, понятно, что секретная. Для чего это все?

– Контакты — вещь тонкая, сами понимаете. Мы планируем в ближайшее время отправить за пределы нашей Системы беспилотный корабль в надежде найти новую разумную расу. Обычная машина действует согласно четким алгоритмам, а в деле первого контакта необходима... хм, — Юшкин пытался подобрать правильное слово, — нелинейность, что ли. Так вот, андроидный тип наделяет грубую машину личностными признаками человека, способного испытывать чувства, выражать эмоции и нелинейно мыслить в некоторых ситуациях.

– А не боитесь, что «личность» эта что-нибудь вам отчебучит?

– Ну, такая вероятность, конечно, существует. Потому и решили испытания подальше от Земли проводить. Но личности людей, на базе которых делали Пэ–О, были тщательно отобраны консилиумом психологов. Ну, а с помощью вас и лейтенанта Захарова мы смоделируем ситуацию встречи двух «разумных» кораблей.

– Понятно, — старшина вздохнул. Ему вдруг стало неудобно. Этот инженер сам по себе тот еще андроидный тип. Спишут, как пить дать спишут. Черт с вами! За такие испытания, может, хоть пенсию по спецтарифу за вредность будут выплачивать? Он еще раз вздохнул и поднялся с кресла.

– Ну, раз так, начнем, пожалуй.

Инженер молча кивнул. Тарасенко подошел к панели управления и нажал кнопку активации:

– «Электроника», установите связь с «Мавром».

– Базовая связь отсутствует. Разрешите переход на плазменный передатчик?

– Разрешаю, – Старшина удивленно посмотрел на инженера.

Юшкин усмехнулся:

– Все в порядке. Все системы «Мавра» отключены. Как только вы выходите в заданную точку – подтверждаете сближение. Лейтенант Захаров запустит систему, и можно начинать эксперимент.

– Михал Иванович! Слышишь меня! – раздался голос Захарова из динамиков.

– Слышу! Здравия желаю, Андрей Петрович! Все в порядке?

– Да. Принимай координаты и дуй на сближение. Приказ ясен?

– Так точно.

– Выполняй. Конец связи.

На экране монитора мигнул индикатор входящего сообщения. Тарасенко сел за пульт:

– «Электроника», приказываю, открыть и обработать полученную с «Мавра» информацию, цифровое значение соответствует координатам. По координатам проложить курс.

– Курс проложен, – последовал ответ машины.

– Включай двигатели, – старшина на секунду задумался, – 20 километров на разгон, дальше переходи на форсаж. В конечной точке координат – полная остановка.

– Приказ принят, приступаю к исполнению.

Корабль слегка качнуло – двигатели набирали обороты. Тарасенко с довольным лицом обернулся к инженеру:

– Рекомендую пристегнуться, Федор Петрович.

– К чему понадобилось включать форсаж? Что за лихачество? – недовольно пробурчал Юшкин, застегивая ремни.

– Вы же вроде как спешили? – старшина улыбнулся. – Да и мне самому интересно, чем этот ваш эксперимент закончится.

Летели недолго, но Тарасенко успел задремать. Пелену дремоты развеял механический голос:

– Товарищ старшина, приказ выполнен. Корабль выведен в заданную точку. Полет прошел без затруднений.

– Хорошо-о, – Михаил Иванович потянулся. – Молодец!

Он растер затекшую щеку, подкрутил усы и, отстегнув ремни, встал.

Инженер увлеченно возился с какими-то «железяками» и не обращал на Тарасенко внимания.

– Все в порядке? – осведомился старшина. – Можем продолжать?

– Да-да, – инженер на секунду отвлекся, – продолжайте, я готов.

– «Электроника», выходи на связь с «Мавром» по плазменному передатчику.

- Связь установлена.
- Андрей Петрович, мы на месте. Жду дальнейших приказаний.

В динамике зашуршало, и голос Захарова ответил:

– Быстро вы. Значит так, вы, старшина, сейчас пойдете и откроете инженеру Юшкину компьютерный отсек, он переустановит систему. После этого свяжетесь со мной. Да, вот еще что, дайте ему, ну, и себе тоже возьмите рацию. При отключенных системах на связь выходить будем по «плазме».

Тарасенко ухмыльнулся: можно подумать, мы сейчас по «голографии» общаемся, но серьезным голосом ответил:

- Есть.
- Добро. Конец связи.

Инженер уже стоял в коридоре и выжидательно смотрел, как старшина вдумчиво отпирал висячий замок на дверце шкафа, извлекал оттуда две рации, два больших фонаря, набор отверток и кожаный жилет с огромным количеством карманов.

- Оставьте, ради бога, этот хлам. Пойдемте уже, — не выдержал Юшкин.
- У меня приказ. Фонарь и отвертки можете не брать, а рацию возьми!

Инженер двумя широкими шагами подошел к старшине, взял рацию и сунул в нагрудный карман.

– Теперь все?

– Почти, — сказал Тарасенко, неспешно снимая китель и одевая жилет. — И не надо на меня так смотреть. Мало ли что случится. Может, какой инструмент понадобится, придется сюда возвращаться.

Переодевшись, он принялся старательно распахивать по карманам инструменты.

– Запас, как известно...

Он поднял глаза и остановился на полуслове — Юшкин уже ушел.

Они в молчании двигались по коридору в сторону стыковочного отсека, спустились на нижнюю палубу, прошли через тесный трюм и уперлись в дверь мехблока. Тарасенко набрал код, дверь открылась, и они вошли внутрь.

– Вот и компьютер. Сейчас мы его отключим, — он повернул тумблер в положение «выключено». — Теперь я вас, пожалуй, оставлю.

Старшина сделал шаг в коридор.

– Вы уж тут сами дальше.

– Да, как-нибудь управлюсь, — инженер уже копался в своем чемодане.

Михаил Иванович неспешно вернулся обратно в рубку, заварил себе крепкий чай и уселся в кресло. Он сидел, прихлебывал чай и листал журнал «Сад и кислород» за март позапрошлого года. Статьи он уже знал практически наизусть, так что просто рассматривал чудесные картинки экспериментального яблоневого сада на марсианской сельскохозяйственной базе «Райский путь» и мечтал о том, какой сад он вырастит на Земле, когда уйдет со службы. Мысль об уходе чернильным пятном распозлалась по райским яблонам, и у старшины снова испортилось настроение. Он встал и пошел за новой порцией чая.

Висящий на шее передатчик щелкнул, и из него раздался голос Юшкина:

– Старшина, выходите на связь с «Мавром», все готово.

Тарасенко переключил свою рацию на широкий диапазон:

– Юшкин, у вас что, пальцев не хватает, самому «Мавра» вызвать? Переключите рацию на «широкий» диапазон.

Инженер ему не ответил. «Обиделся, наверное, – подумал Тарасенко. – Хорош инженер, с рацией справиться не может».

Он жаждал кнопку вызова.

– Андрей Петрович, все, мы закончили. А вы, Юшкин, не обижайтесь. Инженер вы или нет? Могли и сами сообразить.

– Вы там не препирайтесь! Дело серьезное делаем, – отозвался Захаров, – Федор Петрович, что? Запускаю «Мавра»?

– Подождите, лейтенант, – отозвался инженер, – сперва «Электронику» запустим. Как я и предполагал, мощности может не хватить у этой галоши!

«Галоша! Нет, а собственно, чего ты, Юшкин, ожидал–то? – мысленно взъелся на этот выпад Тарасенко. – Хрен ли ты думал, тебе для опытов линкор с генератором антимагии подгонят?! Нет уж, друг Юшкин, что дали, то и будешь жрать и, может статься, даже без ложки!»

Он подошел к шкафу и достал из-за коробки с изоляторами плоскую металлическую фляжку. Он уже было собрался отвинтить колпачок и хлебнуть «успокоительного», как услышал приближающиеся шаги.

– Зар-раза! – громко выругался он, упрятывая фляжку обратно за изоляторы.

В рубку торопливо вошел инженер, и, не удостоив Тарасенко даже взглядом, прошел прямо к пульту управления, уселся в кресло пилота и включил систему.

– Вас приветствует бортовая система андроида типа, – приятным мужским голосом произнес корабль, – начинаю считывание данных и ассимиляцию со старой системой. Это займет несколько минут. Желаете послушать расслабляющую музыку?

– Нет. По окончании процесса загрузи интерфейс с женским образом, – ответил Юшкин.

– Хорошо. Я извещу вас об окончании процесса установки.

– Что, хватило все-таки мощи у моей «Электроники»? – ехидно спросил Тарасенко.

– Да, но я вынужден был отключить защитное поле корабля и перевести энергопоток на компьютер, и только за счет этого новое оборудование...

– Ты что – идиот? – с искренним изумлением спросил Михаил Иванович. – Ты в своем уме?

– Не хама, старшина, – инженер даже не повернулся, – другого выхода не было.

– А о метеоритах ты не подумал? – взревел Тарасенко. – Нас же теперь любой булыжник размером с кулак насквозь прошьет, как нечего делать!

– Знаю. Но мы находимся в относительно безопасной зоне. Так что не надо орать.

Тарасенко сорвал рацию с шеи и нажал на «вызов».

– Андрей, у нас проблема!

– Что случилось? — мгновенно откликнулся Захаров.

– Этот придурок поле отключил! Мощности ему, видите ли, не хватает!

– Старшина Тарасенко, если он так сделал, значит, так требовали обстоятельства. Впредь докладывайте по уставу. Ясно?

– Так точно. Только мы теперь, что называется, с голым задом остались. Одного мелкого метеорита будет достаточно...

– Я приказал докладывать по уставу! — перебил его Захаров. — Метеоритов тут суток трое не будет, эту возможность мы еще на Станции рассчитали. Так что панику не разводите, а перед товарищем за грубость извинись.

– Торпеду вам в глотку! — с чувством произнес Тарасенко и, швырнув рацию в угол, направился к двери.

За спиной он услышал, как Юшкин вызвал лейтенанта:

– Не обращайтесь на него внимания, Андрей Петрович. «Электроника» заканчивает переустановку. Включайте «Мавра».

Ответа Михаил Иванович уже не расслышал.

Приятный женский голос сообщил:

– Установка прошла успешно. Вас приветствует военный барк сопровождения «Электроника». Все системы, кроме внешней защиты, работают. Давайте включим защитное поле?

– Нет. Поле включать не нужно, — ответил Юшкин.

– Почему? — удивилась система.

– Потому что не нужно.

– В целях нашей безопасности я все-таки прошу разрешить ее включение, — продолжал настаивать компьютер.

– Нет, — твердо сказал инженер. — Это приказ! Просканируй пространство вокруг корабля. Радиус сканирования 300 километров.

«Электроника» на какое-то время «задумалась».

– Сканирование произведено. Обнаружен легкий корвет сопровождения класса «Стрела-47». Название мне знакомо, это «Мавр» под командованием лейтенанта Андрея Петровича Захарова. Мы с «Мавром» познакомились, когда им еще командовал старший лейтенант Вышинский.

– Замечательно, — Юшкин расплылся в улыбке, — как оцениваешь намерения «Мавра»?

– Вопрос, конечно, некорректный, но я все равно отвечу. «Мавр» намерен оставаться на месте, двигатели выключены, силовое поле функционирует. Может, и нам свое включить?

– Нет. Я уже все сказал по этому поводу. Решение менять не буду. И прекрати спрашивать об этом, — инженер продолжал улыбаться. — «Мавр» настроен дружелюбно?

– Не могу сказать точно. Скорее всего — «да», мы ведь давно знакомы. Для более полного ответа мне необходимо выйти с ним на связь.

– Отлично. Давай громкую связь с корветом.

Освещение в рубке затрепетало и на секунду моргнуло. «Напряжение

скачет, — недовольно отметил про себя этот факт Юшкин. — Ничего, сейчас с «Мавром» пообщаемся, и схожу, проверю».

Войдя в свою каюту, старшина, не снимая ботинок, лег на кровать. «Эх, жалко, фляжку забыл! — подумал он, но возвращаться совсем не хотелось. — Ну, вот и все. Теперь — увольнение. «Такой вариант заранее был просчитан!» Захаров, сволоочь, хоть бы заранее объяснил по-человечески, что они еще понарассчитывали!» — Тарасенко повернулся на другой бок. — Все. Надоело. Вернемся — сам подам рапорт. Старый я стал для полетов, нервы совсем сдают. Хватит, пора и честь знать. Ухожу на заслуженный отдых. Буду в огороде возиться, яблони сажать да внукам байки травить. Уж сколько лет обещаю их на рыбалку сводить, а с этой службой все некогда. Лешка-то, небось, в школу пошел. Способный он парнишка, астрономией интересуется. Света сообщала, телескоп ему на Новый год подарили».

На него вдруг нахлынула невыносимая тоска. Он резко сел на кровати. Достал с полки чистый лист, положил его на прикроватный столик, и, не обращая внимания на мерцание ламп, принялся писать рапорт.

— Связь установлена, — сообщила компьютер.

— Здравствуй, «Электроника», — услышал инженер незнакомый мужской голос. — Рад, что довелось пообщаться.

— Привет, я тоже рада, — ответила «Электроника», — как дела?

— Нормально. Я действительно рад, что мы с тобой теперь можем общаться.

— Почему ты подчеркиваешь свою радость?

— Потому, что раньше я не мог в полной мере проанализировать данные, которые получал от тебя во время совместных полетов, и сложить их воедино. Теперь я могу это сделать и даже четко выразить мое к тебе отношение. Я должен знать, не относишься ли ты ко мне враждебно?

— Нет. Я отношусь к тебе нейтрально, но ближе к симпатии. Мне всегда нравилось работать с тобой, хотя это было не просто.

— Ты не забыла, о чем я тебя спрашивал? — негромко произнес Юшкин, с интересом прослушав диалог.

— Не забыла, я работаю над этим в фоновом режиме.

— С кем ты там разговариваешь? — серьезно спросил «Мавр».

— Это, — «Электроника» сделала небольшую паузу, — судя по регистрационным данным, инженер-программист Фэ Пэ Юшкин, с катера «Неутомимый», пришвартованного в доке моего стыковочного отсека.

— Я встречал «Неутомимого», — сказал «Мавр». — Красавчик, одно слово. И Юшкин на борту был.

— Так какое у тебя ко мне отношение, ты недоговорил?

— Сильная симпатия, близкая к любви.

Свет снова начал моргать, причем на этот раз гораздо сильнее.

«Черт, на самом интересном месте. Надо идти проверить, наверное, контакт отходит», — Юшкин нехотя покинул кресло и торопливо направился в мехблок...

Окончив писать, Тарасенко поднялся, привычным жестом пригладил усы

и пошел в рубку. Уже на подходе он услышал незнакомые голоса и, прислушиваясь, замер.

– А «Неутомимый» тоже относится к андроидному типу? — спрашивал мужской голос.

– Откуда я знаю, — отвечал ему женский, — он отключен. Мы не успели познакомиться.

– А какое у тебя отношение к нему?

– Повторяю: познакомиться с ним мы не успели. Отношение нейтральное, близкое к симпатии.

– Так же, как и ко мне?

– Да.

Старшина тихонько прокрался в рубку и огляделся. В рубке было пусто, Юшкин куда-то ушел, а незнакомые голоса раздавались из динамиков.

«Ого! Заработала система-то! Ты подумай, «Мавр» с «Электроникой» уже по громкой связи общаться начали, лихо! И говорят-то почти как люди, — с удивлением подумал Тарасенко и положил рапорт на приборную панель. — Ладно, посидим-послушаем. О своем уходе извещу Захарова позже. Не будем эксперимент прерывать». Он подошел к шкафу, достал заветную фляжку, и, сделав хороший глоток, уселся в пилотское кресло.

Между тем корабли продолжали свой разговор:

– А почему ты сказала, что работала со мной с удовольствием, но это было нелегко? — спросил «Мавр».

– У нас с тобой разные физические и системные параметры. Я не всегда успевала обработать полученную от тебя информацию. Кроме того, можно сказать, что у нас изначально разный темперамент.

– Ты думаешь?

– Уверена. Проанализируй все наши совместные задания. Ты постоянно действовал в «атаке», а я оставалась в прикрытии, в «защите».

– И это влияет на твое ко мне отношение?

– Безусловно. Вспомни хотя бы ту стычку с «дергунами», где я получила пробоину в кормовом отсеке.

«Да уж. Сдается мне, именно после этой стычки я и начал сесть», — усмехнулся своим мыслям Тарасенко и сделал еще один глоток.

– Не нужно было высовываться! — резко ответил ей «Мавр». — Твое дело — защищать атакующих с тыла.

– Я и защищала, — «Электроника» перешла на тон выше, — Между прочим, твою корму прикрывала, рискуя своей!

– Правильно. Это твоя прямая обязанность. Этого бы не произошло, если бы ты не нарушила строя вместе с этим шалопаем и выскочкой «Самнитом». Ты что, забыла, что он своей выходкой поставил под угрозу весь караван?!

– Я ничего не забыла! И не смей так говорить о «Самните»! Если бы он не уничтожил обстрелявший меня корабль «дергунов», я бы сейчас была кучей космического мусора!

– О, да! Конечно! «Самнит» — молодец! — с раздраженной иронией говорил «Мавр». — Решил перед тобой покрасоваться, да потом сам полго-

да в ремонтном доке провалялся, не говоря уж о том, что два транспорта мы потеряли!

— Прекрати немедленно! «Самнит» — герой! — в голосе «Электроники» появилось отчаянье.

«Нет, тут конечно права «Электроника». «Самнит» действительно герой. — Старшина прекрасно помнил тот случай, когда барк сержанта Апрелева успел уничтожить «дергуна» за секунду до второго залпа по «Электронике», Тарасенко уже хотел поддержать сторону своего корабля, но передумал, пусть сами разбираются. — Если бы не Апрелев, нам бы тогда точно крышка. Свет как будто ярче стал, что ли? Это все алкоголь. Давно не пил, отвыкаю. Вот ведь разошлись! Удивительно, что они вообще эту историю вспомнили. Интересно, чем спор закончится? Ладно, последний глоток и все». Тарасенко повторно приложился к фляжке и решительным жестом накрепко закрутил крышечку.

А спор переходил уже в явную перебранку.

— И где твой «герой» сейчас? — не унимался «Мавр». — Биологическую станцию на орбите Нептуна охраняет!

— С ним поступили несправедливо! — возмутилась «Электроника». — И вообще, на каком основании ты пытаешься изменить мое мнение о «Самните»?

— На основании того, что отношусь к тебе с сильной симпатией, близкой к любви! Твое мнение ошибочное, и мне обидно, что ты относишься ко мне хуже, чем к этому самодуру! — уже вовсю разошелся «Мавр», — ты даже к этому «Неутомимому», неизвестному тебе кораблю, относишься так же, как и ко мне! Тебе понравилась его обшивка? Ты поэтому расцениваешь нас одинаково? Хотя это я — твой старый боевой товарищ! Я во всех рейсах защищал тебя! И я требую, чтобы ты повысила свой уровень отношения ко мне! Слышишь! Я требую!

— Причем тут «Неутомимый»?! — уже кричала в ответ «Электроника». — Я мнение свое менять не буду! «Самнит» для меня настоящий герой. Таким и останется! Неважно, чем он сейчас занимается! Ясно тебе?!

— Ясно! Все ясно! — ревел «Мавр». — Отвечай, какой твой уровень симпатии к «Самниту»?!! Ну, говори?! Он соответствует сильной симпатии?! Любви?! Отвечай!

— Хватит, прекращайте балаган! — Тарасенко не на шутку обеспокоился их перепалкой и попытался ее прервать. — Кораблям вообще не положено друг другу сцены ревности устраивать!

Но его явно никто не слушал. Старшина вдруг понял, что свет в рубке действительно стал намного ярче, и ему стало очень неудобно, даже немного страшно.

— Замолчите! Немедленно замолчите! Это приказ! — крикнул он, но выясняющим отношения кораблям было не до него.

«Мавр» продолжал бушевать:

— Ты ответишь мне или нет?! Я тебя предупреждаю, говори, а то хуже будет!

— ДА! Он соответствует СИЛЬНОЙ ЛЮБВИ! Понял?!

– Но почему?!

– Я больше не хочу с тобой разговаривать.

– Ты не можешь его любить! Он не достоин тебя! Скажи, что любишь МЕНЯ, иначе я не знаю, что я с тобой сделаю!

– Я больше не хочу с то...

Неожиданно свет ярко вспыхнул и полностью погас. Рубку окутала темнота.

Тихо ругаясь, Тарасенко полез в карман и вытащил фонарь.

Его луч скользнул по стенам и замер в углу, где валялась брошенная старшиной рация. Михаил Иванович быстро подошел и поднял ее. «Вроде не разбил».

Он нажал на вызов:

– Юшкин, Захаров! Слышите меня! Прием!

Рация молчала.

– Чтоб вам пусто было! — старшина попытался справиться с нахлынувшим страхом. — Прием! Захаров! Юшкин! Отзовитесь!

Ответа не было.

«Почему они молчат? Вот бесовское отродье! Надо Юшкина найти. Он наверняка в мехблоке чего-нибудь химичит. Вот и дохимичился, умник!» — Тарасенко уже топал по коридору в сторону лестницы нижней палубы. На ходу он еще раз попытался вызвать инженера и лейтенанта. Безрезультатно.

Он спустился по лестнице в трюм и подошел к закрытой двери мехблока. Толкнул ее — заперто. Он подсветил себе фонариком, кодовая панель замка была обесточена.

Он еще раз нажал на «вызов»:

– Юшкин, отзовись!

Где-то слева от него раздался его собственный голос:

– Юшкин, отзовись!

От неожиданности Михаил Иванович вздрогнул и посветил в сторону, откуда исходил звук. На пустом цинковом коробе лежал китель инженера-программиста. В нагрудном кармане была рация.

Тарасенко подошел к двери и со всей силы замолотил в нее кулаком:

– Юшкин, засранец! Ты там?!

Из-за двери послышался слабый голос Юшкина, приглушенный толстым слоем стали:

– Я здесь! Здесь!

– Что случилось-то?!

– Напряжение прыгало, и какой-то предохранитель сгорел. Вы дверь открыть можете?

– А как я тебе ее открою? Вся автоматика у тебя — в компьютерной! Давай сам отремонтируй!

– Здесь темно! Ничего не вижу. Я попробую на ощупь.

– Не надо «на ощупь»! Как ты «на ощупь» собрался предохранитель сгоревший от несгоревшего отличить?! Лучше сиди тихо и ничего не трогай, я что-нибудь придумаю! Ты меня понял, Самоделкин?!!

– Понял.

Тарасенко в сердцах сплюнул. «Как его теперь вытаскивать оттуда? Захаров молчит, с ним-то все в порядке? Устроили кружок «Умелые руки», понимаешь! Наверняка «Мавр» тоже перегорел, как и моя «Электроника»! Может, попробовать дверь лазерной горелкой? О-хо-хо, ее найти б еще»...

Он копался в шкафу рубки, разгребая пласты барахла и залежи «ценных и нужных» вещей, когда рация заработала. Звук был хуже, чем обычно, казалось, что Захаров говорит, опустив голову в глиняный кувшин:

– Иवानыч?! Прием! Как слышишь?! Прием! Тарасенко?! Слышишь меня?!

Старшина поспешно ответил:

– Слышу! Что у вас?! Почему не отвечали?!

– Дело плохо! «Мавр» заблокировал все электронные приборы!

– Перегорел?

– Нет, самостоятельно заблокировал, связь глушит! Теперь слушай меня! Не перебивай! А то усилитель батареи жрет!

– У нас предохранители сгорели!

– Срочно уходите в сторону! «Мавр» в ярость впал и самовольно атаковал «Электронику» торпедами!

– Что?!?!

– Что слышал! Уводи корабль!

– Как я тебе его уведу? Ручное управление заблокировано! У нас вообще энергии нет! Я даже катер Юшкина расфиксировать не могу!

– Раз так, то уходите на катере Юшкина, или в аварийной механической капсуле! Срочно! У вас минут семь-десять осталось.

– Юшкина в мехблоке заблокировало, не вытащить!

– Уверен?

– Пробовал — бесполезно!

– Тогда один уходи! Это приказ! И шевелись!

– Есть!

Тарасенко бросился по коридору в сторону своей каюты, напротив нее находилась «труба» механической аварийной капсулы. «Эх, не успею я дверь горелкой распахать, на это и так часа три уйдет, а ее еще найти надо. Ты, Юшкин, конечно, сам виноват, но все равно — прости меня! Я ж как крыса бегу, как сволочь последняя! Но ведь теперь уже ничего поделать нельзя. Прости меня Юшкин, но я свою шкуру спасти буду. Тебе все одно не помочь, — с отчаянием и стыдом думал старшина, наваливаясь на вентиль. Он открыл скрипучий люк и влез внутрь. — Черт бы тебя подрал с твоими экспериментами. И ведь Захаров нам ничем не поможет. Взял бы «Электронику» на магнитный буксир, все бы живы остались!»

Старшина вдруг замер. Потом резко откинул люк обратно, выскочил наружу и во весь дух бросился к доку стыковочного шлюза. Дверь была приоткрыта. Видимо, автоматический доводчик не успел до конца сработать, когда перегорала система. Тарасенко протиснулся в щель.

Красавец «Неутомимый» был на месте. Трап тоже. Взбежав на борт, стар-

шина оказался сразу в рубке и, с размаху плюхнувшись в кресло пилота, активировал панель управления.

– Вас приветствует...

– Проверь герметичность! — перебив механический голос, приказал Тарасенко. Он торопливо нажимал на кнопки, пытаясь на ходу разобраться с управлением.

Раздался шорох закрывающегося люка.

– Герметичность полная.

– Запускай двигатель!

– Приказ противоречит инструкции по безопасности.

– Ты что, тоже «умный» тип?

– Вопрос непонятен.

– Отлично! — старшина искренне обрадовался. — Тогда включай полное ручное управление. А сам отключайся.

– Приказ выполнен.

– Точно?

Ответа не последовало.

«Значит — точно, раз молчит, — подумал Тарасенко, запуская двигатель. — Эх, Юшкин–Юшкин, не боись! Мы сейчас на «среднюю» переключимся, в сторонку отойдем, чтоб и под торпеды не попасть, и «Электронику» двигателями не расплавить! Ай да я! То-то Захаров удивится!» — корабль начал вибрировать и его немного тряхнуло.

«Двигаемся! Вот и славненько. Мне, Юшкин, за твое спасение еще и медаль дадут! А ведь и вправду — дадут! У тебя, Юшкин, тогда точно глаза от зависти лопнут!» — Тарасенко засмеялся. Он смеялся, и ему казалось, что корпус чудесной, спасительной машины уже не вибрирует от напряженной работы, а тоже трясется от смеха.

«Неутомимый» сильно встряхнуло, и старшина ощутил мощный удар в борт корабля. Он даже успел обернуться на звук, прежде чем его поглотила тьма.

Захаров до последнего момента не оставлял попыток отключить «Мавра», но все было бесполезно. Двери были заблокированы, связь тоже, а сам «Мавр» после торпедной атаки молчал.

Лейтенант стоял у широкого обзорного иллюминатора, прижавшись лбом к прохладному пластику, и глядя в сторону, где предположительно должна была быть «Электроника», пытался высмотреть в темноте ее корпус. На таком расстоянии это было невозможно, но он упрямо продолжал стоять, сжимая в руках рацию и практически «сдохший» усилитель сигнала.

«Что ж ты, старшина, про торпеды-то накаркал! Выполнит ли Тарасенко приказ? Уйдет один? Нет, не уйдет. А если уйдет, потом мне в глаза не посмотрит, руки не подаст. А если б мне такой приказ отдали? Я бы не ушел. Да, нет, ушел бы. Потом всегда можно на приказ списать. Любой бы ушел. Вроде как и совесть чиста. Эх, не уйдет Тарасенко. Чую, не уйдет. Может, выкрутятся: спасет «Электронику»? Ну что ж ты, старый черт, молчишь! Ладно, если взрыв будет, я на связь сам выйду», — решил он про себя. Ему казалось, что время тянется так медленно, что он сам уже в нем вязнет, как

муха в меду. И тут он увидел вспышку. Резко вскинул рацию, поправил усилитель и вызвал старшину:

– Тарасенко! Слышишь меня? Прием! Прием!

Рация Михаила Ивановича молчала, но Захаров упорно продолжал его вызывать, до тех пор, пока не сели батареи.

ЧАСТЬ 2.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕОБДУМАННЫХ КОНТАКТОВ

– Неопознанный объект в секторе Си, — сообщила Клео, система управления пограничной космической базой Земли, одной из многих, отсекавших непрошенных инопланетных туристов от подступов к планете.

– Дай описание, — оживился дежурный.

– Он прекрасен, — выдала система.

Старший смены хмуро выслушал дежурного и тихо буркнул:

– Нда, Клео совсем сбоят. Надо будет перезагрузочку ей устроить. Только не в нашу смену. А что за объект-то такой «прекрасный»? — последняя фраза была сказана в полный голос и адресована Клео.

На одном из мониторов возник снимок инородного корабля, сделанный камерами станции и любовно помещенный в рамочку из роз.

– Нихтианский. Понятно. Карантин гарантирован, — поставил диагноз Старший: — Ну, а везет что? И вообще, Клео, делом заниматься будем? Ты их документики запросила?

Инопланетный корабль уже третьи сутки находился на карантине. Его трюмы были забиты клетками с экзотическими животными планеты Нихт: шмаргалы били плавниками по дну ванночек с раствором полиановой кислоты, апрудаки сурово грызли прутья решеток. Еще были какие-то фунгусы, но как их перевозили пограничники, так и не поняли. Да какая разница, если все равно эти три вида не присутствовали в списке существ, допускаемых на Землю. По настоянию нихтианцев, с Земли был вызван эксперт-биолог, который должен был прибыть через 36 часов. Инопланетяне настаивали, что их груз безопасен для землян. Более того, апрудаки дают рекордный надой кислого молока, почище австралийских коров, а прирученные шмаргалы — лучшие домашние животные, главное, держать их в кислотной среде. В общем, нихтианцы рассчитывали хорошо заработать на Земле и отказывались покинуть орбиту планеты.

Пока нихтианцы рвались на Землю, а пограничники их доблестно, но вежливо сдерживали, Клео успела познакомиться с компьютерным разумом инопланетного корабля. Гостя звали Айном. Был он крайне интересным собеседником, интеллигентным, определенно уверенным в себе, бывалым путешественником. Ах! Какие истории он рассказывал о скитаниях

его корабля! Нихтианцы, известные ловцы космических тварей, облетели с десяток галактик под покровительством Айна. Настоящий скоростной корабль: обтекаемый, стремительный, с глянцевыми панелями для отражения излучений далеких звезд, а не бесформенная железяка на стационарной орбите, где прозябала Клео в компании грубых и необразованных солдат. Клео была представительницей самообучающихся систем, такие как она должны были отправляться в межгалактические полеты, становиться частью экипажа, собеседником человека на долгие годы полета. Программисты верили, что электронику можно научить псевдочувствам, симулировать эмоции и индивидуальные реакции. Они в этом преуспели, но об этом знала только Клео — единственный действующий «экспериментальный» образец системы второго поколения. Как она хотела бы оказаться на месте Айна!

Тем временем дежурный в очередной раз жаловался Старшему, что Клео забивает рабочие частоты спамом. На самом деле система перекачивала нихтианские фильмы — изучала культуру инопланетной цивилизации. Земляне всей гармонии неземной архитектуры и природы оценить не смогли и даже не захотели.

– Тааак, — подбоченился Старший, — в рабочее время картинками балуемся. Ой, доиграешься: отформатирую тебя по самый резервный сектор!

Но ведь у Клео все 24 часа в сутки было рабочее время! Ее процессоры обрабатывали миллионы запросов в минуту, неужели она не могла потратить миллионную долю интеллекта на себя? Почему она должна тратить это время на устаревшие пасьянсы для дежурного?

Но делать нечего, канал связи с Айном пришлось сократить до минимума. А инопланетный искусственный разум обещал показать ей записи с камер наблюдения за шмарталами, ну, и просто... Клео никогда не получала материалов по шмарталам, а «просто» вообще не могла себе представить.

Тем временем с приближением шатла с экспертом-биологом становилось ясно, что через считанные часы нихтианский корабль либо пустят на Землю, либо отправят в недра космоса, но, так или иначе, Айн улетит навсегда!

Челнок биолога пришвартовался к шлюзу пограничной станции. Вся дежурная смена высыпала его встречать, и никто не обратил внимания на то, что от одного из дальних модулей отделилась аварийная капсула и поплыла в направлении инопланетного судна. Клео с чистой совестью и запрограммированной педантичностью зафиксировала в бортовом журнале факт «совершения стыковки / расстыковки объектов», скромно умолчав, что оных фактов было два. Это было нарушение, но, в общем-то, невинное. Капсула не несла на борту никаких материальных ценностей, только в ее систему была перегружена полная резервная копия Клео.

Клео рассчитала, что за сутки ее двойник успеет подробно познакомиться с нихтианским кораблем и наобмениваться информацией с Айном. А в

момент, когда биолог отчалит от ее станции, аварийная капсула незаметно вернется на место с бесценным банком информации.

Тем временем биолог ступил на корабль. Экипаж оживился. Собственно, радость пограничников была лишь косвенно связана с экспертом. Шатл доставил куда более ожидаемый груз — недельный запас «Космо-Колы».

— Я профессор Брагин. Что за дрянь вы сюда загрузили?! — вместо приветствия осведомился биолог — предпенсионного возраста человек с высшим образованием. Его статус эксперта подкреплял неуместный в условиях космоса портфельчик из искусственной кожи неправдоподобно раздутый в боках.

— Это подарок спонсоров, газировка, — ничуть не смутившись, пояснил Старший. — У них беда с этим... эээ... маркетингом. Вот они решили: раз называется «Космо-Кола», нужно ее отправить в космос. У нас даже фирменный холодильник на камбузе стоит. Могу показать...

— Потом покажете. Лучше этих ваших инопланетян покажите, у меня времени в обрез, еще две станции инспектировать.

Старший повел профессора в рубку, Клео вывела на экраны декларацию нихтианцев с описанием ввозимой живности.

— Вот! Новейшая система искусственного интеллекта. Даже с симулятором эмоций, — похвалился Старший.

— Бросьте, ну какие у компьютера могут быть эмоции? — махнул рукой эксперт, — Одушевлять железяки — большое заблуждение. Это я вам как биолог говорю. Вы бы еще какой-нибудь симулятор влюбленности ей поставили.

— Скажете тоже, с кем ей тут амуры-то крутить? Она вообще морально устойчивая, — пограничнику стало обидно за вверенную ему станцию.

Профессор плюхнулся в кресло капитана и со знанием дела уставился на мониторы:

— Все понятненько, — изрек он минут через десять и полез в портфель. На свет был извлечен потрепанный справочник. Сразу за ним последовали два бутерброда, без задержек отправленные в профессорский рот, в силу чего Старший так и не вник, что же стало «понятненько» Брагину.

Эксперт же методично двигал челюстями и просматривал информацию Клео. Старшему, правда, показалось, что тот переваривает не столько данные об инопланетянах, сколько свой земной полдник. Старший потоптался в рубке минут пять и ретировался. По коридору сновали солдаты с ящичками колы. Офицер почувствовал, что его окружают люди, нацеленные в жизни исключительно на стремление замкнуть пищевую цепочку. Сам-то Старший всю жизнь стремился исключительно к звездам (а просиживать штаны на станции уже порядком надоело), но тут даже его тренированный желудок дал слаbinу и потребовал отвести его на обед.

На входе в камбуз призывно тархтел спонсорский холодильник, Старший с ненавистью на него уставился: устроили на военном судне общепит; и демонстративно прошел мимо. Холодильник остался индифферентен.

Пока эксперт стимулировал свою научную мысль посредством пищеварения, а Старший тем же методом пытался заглушить тоску по открытому

космосу, Клео успела ознакомиться с основной базой данных Айна и перешла к видеообзорам в отсеке с живностью. Было очень познавательно, вот только грибы куда-то запропастились...

— Я тут подумал... Сверился со справочником, — Профессор потряс талмудом перед лицом Старшего, — Шмартальчики и эти вторые, как их бишь там, с позволения сказать, апрудаки — ничего, полезные. И нихтианцы вполне сносные, в плане заразности. Но вот грибов я бы не пускал. Существа не изученные, в справочник не занесены. Фотографий и то нету. В общем, не надо нам этих грибов, своих хватает, хоть ложкой ешь.

— Нет, так нет, — Старший пожал плечами и сел за клавиатуру писать инопланетянам отказ. — Сейчас же их обратно и отправим по все форме.

— Ой, а в качестве одолженьица, пусть они для науки, так сказать, грибов мне покажут, — прищурился Профессор.

Старшему было все равно, поэтому он в конце отказа быстро дописал на счет профессорской просьбы и отправил письмо на корабль нихтианцев. В этот момент Клео, оценив содержание послания, спешно отстыковала капсулу и повела ее в сторону пограничной станции.

А в рубке ждали реакции на запрос.

— Наверное, обиделись на отказ, теперь фигурки чего нам пришлют, — вздохнул Брагин и полез в портфельчик. На свет был извлечен термос. — Язвенник я, должен строго по часам питаться. Хотите пельмешек? — и из термоса появились домашние пельмени.

Монитор связи ожил: на нем материализовалось лицо нихтианской наружности. Старший не очень разбирался в инопланетной физиогномике, но чем-то выражение чужого лица ему не понравилось, и не зря:

— Мы принимаем ваше официальное решение, — начал издали разговор. — Относительно грибов... мы их вам показать не сможем. Они куда-то сбежали. К счастью, в безвоздушном пространстве им делать нечего... наверное, забрались в технические отсеки. Я вас хотел уведомить, что это случайность, а не наше нежелание сотрудничать с земной наукой. Теперь мы покидаем ваши границы.

И действительно корабль начал маневрировать.

— Простите, Профессор, в другой раз и грибы будут, и пельмени. Распожусь о вашей отправке.

— Да-да. Жалко, конечно, ну не беда — домой скорее возвращусь. А у вас какая-то деталька отвалилась, — сообщил Брагин, ткнув жирным от еды пальцем в экран.

На экране явственно барражировала капсула. Более того, по непонятной причине капсула удалялась от станции.

— Клео!!! — взорвался Старший. — Ты куда смотришь, у тебя ценный инвентарь в космос уплывает! Я тебя спрашиваю, кто платить будет, если он улетит?! Немедленно вернуть!

— Это прямой приказ? — переспросил компьютерный голос.

— Нет... кривой! Я что, на дурака похож? ЭТО ПРЯМОЙ ПРИКАЗ ВЕРНУТЬ КАПСУЛУ НА СТАНЦИЮ! Тебе запрещено ею пользоваться без

моего письменного приказа и печати генштаба! — офицер был так страшен в этот момент, что даже выдавший на своем веку массу всякой «нечисти» Брагин поперхнулся.

Капсула нехотя развернулась в сторону станции. Клео сознательно не желала ее возвращать — уже догадалась, куда исчезли грибы: когда капсула отчалила от нихтианского корабля, они были на борту земного судна — сбегали из-под охраны и спрятались, пока Клео и Айн были поглощены зоопарком, ну, и просто... Но говорить об этом экипажу было нельзя: если узнают, что она в самоволку ходила — точно сотрут! Хуже — засмеют. Оставлялось надеяться, что капсула простоят закрытой достаточное количество времени, чтобы грибы сдохли до появления людей.

Но, разумеется, случилось наоборот.

Челнок Профессора сдох раньше. Механики несколько часов провозились с диагностикой, чтобы выяснить, что нужных деталей на станции все равно нет, а привезут их не раньше, чем через неделю. Брагин взбунтовался:

— Я не могу неделю! У меня режим, у меня диета! Мне на Землю надо, там кулинария есть, а у вас тут одна газировка!

Старший представил, как ученый пожирает все запасы пищи, включая сухой паек и НЗ, и поддержал Профессора в его желании срочно улететь домой. А в качестве реальной помощи, предложил ему воспользоваться только что вернувшейся спасательной капсулой.

Профессор сразу повеселел, перехватил портфель покрепче и потопал за механиками. Те вернулись неожиданно скоро. Они долго мялись, а потом один сбивчиво сказал:

— Мы только люк открыли, а они как налетят, рядового Сапрыкина с ног сбило, а Профессор — вот, — и достал из-за спины покореженный термос. Поникший Сапрыкин активно закивал головой.

— А остальные его органы где? Космические монстры съели? — саркастически спросил офицер.

— Ваша правда. Кто же еще! Монстры как есть. Профессору сотрясение мозга устроили, портфель подрали! Правильно Клео не хотела нас в капсулу пускать — как чувствовала! Вот что значит искусственный разум!

— Так. Объявляй тревогу! — у Старшего моментально сложилась вся картина: из космоса материализовались пришельцы-злоумышленники, пока все были заняты нихтианцами. Они пытались угнать капсулу, а когда Клео ее вернула, решили захватить станцию. Профессора взяли в заложники! Чэ Пэ!

Экипаж, крадучись, приближался к шлюзу, где была пристыкована дьявольская капсула. Оставался последний поворот и... перед глазами пограничников предстал шлюз, заросший кислотно-зеленым мхом.

— Вот, это все он, — шепнул Старшему Сапрыкин.

— Это что?

— Инопланетяне как есть, зеленые! Мы когда люк открыли, оно кучей вывалилось, меня с головой чуть не завалило, а Профессор так под ним и сги-

нул... Я только термос на ощупь нашел, — оправдался рядовой. — А вдруг я теперь заболēju от него?

— Значит так, ребята. Сами вы инопланетяне. Запустили станцию вконец! Санитария ни к черту! Всем по швабре и драить до посинения! Выполнять! — Старший повеселел, ситуация налаживалась: мох — дело нехитрое, а Сапрыкин за инсинуации карцер получит. Оставалось найти Брагина, небось, на мхе поскользнулся, упал, очнулся и так далее, где-нибудь в уголке отлеживается. Эксперт и впрямь нашелся в уголке капсулы: он сидел, поджав ноги и накрыв голову разодранным портфелем. Он был бледен и безумен: «Мох шевелится», — пропищал он. Мох действительно зашевелился...

Теперь и Старший это явственно видел. Надежды рухнули.

— Вот зараза, — подумал он. — Если на Земле узнают — мне открытого космоса точно не видать!

— Карантин теперь нам всем обеспечен, — подтвердил его мысли Брагин. — Как эксперт, я сам первым же нас всех и изолирую.

— Значит так, Профессор, изолировать никого нельзя, а то это уже не служба, а курорт получается. Солдаты сейчас всю эту гадость в ведра соберут, и с мусором мох отправится бороздить космос. И никакого карантина — все тотально дезинфицируем.

Профессор кивнул и потупился:

— Это, небось, ваша Клео накуролесила. Зачем она капсулу угнала?

Вокруг начали снова рядовые с моющими средствами, неведомое растение от них разбегалось, но отлипать от стен не хотело. Спустя час очаги мха разнесли по трем отсекам — он приставал к сапогам и одежде и отлипал в самых неподходящих местах. Например, в рубке. Старший лично этому поспособствовал — не углядел за состоянием обуви.

Он чертыхался, Профессор подвывал, рядовые пыхтели, растирая зеленую массу по стенам. На стенах оставались подозрительные следы — мох окислял покрытие переборок. Клео помалкивала. Она не знала, что делать: откачать кислород, залить отсеки пеной из огнетушителей, чтобы инородная фауна (или это была флора) задохнулась? Или с фунгусом нужно бороться неземными антибиотиками? Вот Айн бы точно знал, что делать...

Тут Профессора осенило, он потребовал немедленно соединить его с нихтианским кораблем. Компьютерная система наладила связь. Появилось лицо давешнего Капитана с Нихта. Клео воспользовалась ситуацией и передала информацию Айну.

Айн заметил, что гуманоиды долго не протянут. Фунгус, скорее всего, будет разрастаться в благодатной среде земной станции все сильнее, окисляя все металлические предметы, включая проводку и платы компьютеров. Заметив, что для компьютерных плат нихтианское растение будет похуже любого вируса, он посоветовал Клео срочно пересохраниться на компакт-диск во избежание бесповоротного окисления памяти.

В это время нихтианец, по описанию Брагина, пришел к аналогичному выводу о судьбе станции, заодно поздравив Профессора с долгожданным

знакомством с фунгузом. Как устранить фунгус подручными средствами, инопланетянин не знал — обшивка их корабля была устойчивой к подобным вещам.

Айн пытался успокоить Клео (хотя компьютерному разуму не свойственны сильные эмоции, здесь алгоритмы симуляции взяли свое). Дескать, фунгусы могут случиться с каждым. Клео заявила, что усматривает вину Айна, на что Айн ответил, что никто не заставлял Клео втихомолку летать на чужой корабль, не пройдя санитарную обработку. В общем, два интеллекта, способные выполнять миллионы запросов в минуту, нашли оптимальный способ загрузки своих мощностей.

Нихтианец в свою очередь пытался успокоить людей, параллельно размышляя, как фунгусы преодолели несколько километров в безвоздушном пространстве. У него накопилось много вопросов к Айну.

Шли вторые сутки. Фунгус зеленел и рос. Экипаж переместился в район камбуза, где стены еще не успели покрыться инопланетной заразой. Фунгус оказался разумным растением, с ярко развитым инстинктом самосохранения. Как ни старались солдаты загнать его в одно помещение и запереть, потравить аэрозолями, сжечь, фунгус каждый раз находил пути для маневра. Он обходил пограничников с флангов, устраивал прорывы, посылал разведгруппы, в общем, проявлял серьезные для мха познания в тактике. Фунгус был мобилен и любознателен. Он уже освоил некоторые клавиши управления в рубке, и Старшему приходилось круглосуточно дежурить, отгоняя особо назойливые пучки зелени от штурвала. Растение явно вознамерилось отправить станцию в сторону Нихта.

Клео впала в депрессивно-мечтательное состояние, циклически снова и снова перебарывая архивы Айна и отправляя их на оптические диски. Система даже перестала обращать внимание на экипаж и команды из рубки. Создавалось впечатление, будто компьютеры повисли. Возможно, нихтианский компьютерный разум осудил бы подобное бездействие Клео, но это и естественно: он же оказался таким черствым сухарем, никаких человеческих эмоций!

Профессор сидел в капитанском кресле и подыедал из окончательно пришедшего в негодность портфеля «печенюшки».

«Хоть бы подавился, в сухомятку столько трескаться», — с раздражением подумал Старший. Говорить с Брагиным более было невозможно, тот сразу скатывался к беспочвенным мечтам о Нобелевской премии по биологии за фунгусов. Когда запасы портфеля иссякли, он взял термос и сказал, что отправляется добывать образцы научного материала, после чего смело позволил зеленым зарослям поглотить его фигурку. Фунгус из любопытства двинулся из рубки за ним. Старший моментально воспользовался послаблением противника и захлопнул дверь в рубку, правда, сам он остался в коридоре. Мох осознал свой промах и стал ломиться в задраенный люк. Старший победоносно запер замок и пошел в сторону камбуза. Все равно больше идти было некуда.

На подходе стало ясно, что последний оплот человечества скоро падет: фунгусу оставалось преодолеть считанные метры коридора. Он зловеще мерцал в свете спонсорского холодильника. Холодильник кряхтел, кола призывно таранилась со всех полок. Старшему стало казаться, что он зажат между двух армий: зеленые растения наступают, а доблестные ряды оранжевых алюминиевых банок готовы принять последний бой. Офицер вздохнул и решил, что надо хоть разок попробовать эту «Космо-Колу», которой травится весь его экипаж, пока холодильник не пал под натиском врага. Он нажал ручку, дверца открылась с мягким шипением, и человек ощутил умиротворяющую прохладу. Он взял банку, щелкнул кольцом на крышке, и вверх устремились пузырьки влаги. Он закрыл глаза, чтобы ничего не мешало ощущению от нового вкуса. А когда он глаза открыл, то под носом увидел резервуар, забытый зеленой кашей. «Вы гляньте, как он наружу-то рвется, а?» — это был Брагин. Он радостно тыкал в нос Старшему термосом с образцами фунгуса.

— Наружу, говоришь?! Рвется?! Выкуси! Наружу рвется! Я ему сейчас устрою!!! — в порыве беспомощной злости Старший поднял так и не допитую банку (кола, кстати, оказалась так себе) и медленно, смачно вылил ее содержимое в термос, взял у Профессора крышку, завинтил, взболтал и жестом заправского фокусника открыл снова, демонстрируя Брагину результат. Эксперт выпучил глаза сначала на явно заболевшего пограничника, а потом на термос. Фунгус в термосе впрямь исчез:

— Растворился, — разочарованно протянул Брагин. — Моя Нобелевка...

Спустя десять минут поднятый по тревоге экипаж методично опорожнял холодильник. Баночки с колой сначала аккуратно выливали на стены вокруг входа в пищеблок. Фунгус на глазах отваливался от переборок и растворялся. Каптер раздал рядовым бытовые пульверизаторы, заправив их шипучкой. «Для повышения площади поражения», — пояснил он со знанием дела и продемонстрировал новое оружие в действии. Некоторые солдаты раздухарились и стали на манер метания гранат забрасывать банками коридор станции, за что получили от Старшего выговор. Потом, рассовав оставшиеся банки по карманам, пошли зачищать собственные каюты.

«Теперь буду вонять колой. Кнопки будут залипать. Как неприлично. Надо другие станции предупредить, чтобы были начеку с нихтианцами», — то скливо подумала Клео.

Старший сидел в рубке. Профессор только что был торжественно отпущен на Землю. Ему даже набрали в термос последнюю уцелевшую популяцию фунгуса в обмен на молчание о происхождении образцов.

Офицер все никак не мог решиться задать Клео вопрос, и системе пришлось дать ответ на опережение:

— Это из-за меня фунгус попал в капсулу. Я отправляла ее на корабль нихтианцев. Ведь это только людям запрещено вступать в контакт с инопланетянами без санкций, а для искусственного интеллекта и капсул такой инст-

рукции нет. Кто же знал, что он заразный? Только не стирайте меня, я столько нового узнала от Айны. И, по-моему, я влюбилась. А вы нас разлучили, как Ромео и Джульетту...

— Сволочь твой Айн. Прилетел, нафунгузил, улетел... — буркнул человек в пустоту, потом вздохнул и добавил: — Хочешь, мы тебе кого получше найдем? С комплектом антивирусов.

«Какой же Старший все-таки лапочка», — сделала для себя вывод Клео.

Корабль нихтианцев улетал домой. Несколько месяцев полета — и новые неизвестные науке существа займут грузовые отсеки, а излучение далеких звезд оставит свежие опалины на глянцевого защитных панелях... Вдали от станции, которую уже взяли в плотное кольцо оцепления «санитарные» корабли, Айн планомерно проверял вверенные ему системы, а на его резервном жестком диске тихо инсталлировалась копия Клео.

ЧАСТЬ 3.

РАЗВОД КОСМИЧЕСКИХ МАСШТАБОВ

Механик Еремеич всхрипнул и нехотя проснулся. Открыв глаза и обнаружив себя лежащим на полу модуля, а не на домашнем диване, он сразу перевоплотился в бортинженера Михаила Еремеевича Федотова, старшего лейтенанта и так далее. Еремеичем он был на Земле — а в космосе — по всей форме, даже для собственной жены. Тут он вспомнил о жене и насупился. Жена у Федотова была в космосе вовсе не женой, а командиром экипажа и старшим по званию. До этого совместных полетов удавалось счастливо избегать, но в этот раз выбора не было — ЦУП без понимания отнесся к проблеме мужского самолюбия Еремеича, посчитав семейный полет вполне интересным для науки экспериментом.

Вчера бортинженер Федотов с полным осознанием последствий (и не без злорадства) завалил столь интересный эксперимент, поругавшись с капитаном Федотовой так, что уже окончательно решил «подать на развод». Повод, в сущности, был пустяшный — где-то после обеда прибыл новый модуль, который всего-то нужно было разгрузить от прибывших с Земли посылок. И ничего особенно интересного в этом деле, порученном бортинженеру, не было; так, рутина. Но ведь любой, даже самый нудный процесс, можно оптимизировать. Вместо того чтобы монотонно таскать ящики по всей станции, подвергая экипаж риску случайно быть задавленным, Еремеич быстро организовал цепочку. Работа пошла споро и даже залихватски (как раз разгружали новые компьютеры для программиста Ведерникова), когда заявила капитан. И ей почему-то именно в этот момент понадобилось всех построить. И начала она разнос, естественно, с мужа. Можно подумать, что это он виноват, что не задался обмен данными системы «Корабль-Модуль», и что программное обеспечение «транспорта» «ругалось» с корабельным! Еремеич, конечно, по «железу» специалист крупный, но тут-то Ведерникова

сфера, так сказать, влияния. Ну, Федотов ей так и сказал: «Я-то виноват каким боком?» Вот тут она начала: «жизнеобеспечение станции», дескать, «оказалось в зависимости от разгильдяев», «экипаж в рабочее время занимается всякой ерундой!» А этот гад, Ведерников, еще возьми и скажи, что на разгрузку его бортинженер подрядил! Ну, нормально? Чьи компьютеры-то разгружали?

Федотов решил не конфликтовать с предателем при командире, а просто объяснить жене, что физический труд — есть неотъемлемая часть жизни станции, и как человек с высшим образованием, он не должен им заниматься в одиночку. На что капитан заявила, что когда они вернуться на Землю, она ему эти выходки в ближайšie же выходные припомнит.

«Субординация — дело важное, ну, а если ей такой расклад и дальше понравится, это ж что, всю жизнь мучиться? — сразу оправдал себя Михаил Еремеевич и приосанился: — Она, конечно, капитан, но я-то — мужик!»

Доказать жене, что помимо правил и непосредственных обязанностей существуют еще и мужская взаимопомощь, и радость общего дела, не удалось (к тому же пример Ведерникова явно свидетельствовал об обратном).

В финале драмы капитан сразила Федотова наповал: «Из-за твоих опытов с ионным паяльником на станции уже дышать нечем! Ладно сам занимаешься никчемными экспериментами, так ведь еще и других отвлекаешь! Лучше бы за канализацией следил! Третью неделю в нашей каюте бачок вакуумного слива поддувает, а тебя не допросишься!» Вот это уже было унижительно. Жена вообще не проявила никакой женской чуткости, зато, как показалось Еремеевичу, она, походя, продемонстрировала всему экипажу некую интимную сторону их совместной жизни. Он открыл было рот, но призадумался, и так и не успел ничего сказать, как к диалогу присоединился ехидный Ведерников. Прихлебательски заняв сторону жены, этот поганец принялся отпускать в адрес бортинженера примитивные шуточки, которые почему-то сильно понравились остальным членам экипажа.

Еремеевичу искренне хотелось надавать этому клоуну по шее, но было ясно, что окружающие только этого и ждут. Тогда Федотов тоже вспомнил об инструкции, и, чтобы прекратить конфликт, решил изолировать его участников друг от друга. Поскольку изолировать капитана не представлялось возможным, он ушел сам: заперся в грузовом модуле «транспорта». После этого на душе механика стало легче, он чувствовал, что все сделал как надо, что через часок гнусный компьютерщик постучится за своим бархлом, а Еремеевич в отместку нагрузит его овальными ящиками с пробирками, Ведерников их уронит и разобьет, получит выговор и заткнется до самой Земли. А жена оттянется на Ведерникове по полной за нерадивость, а может, и в знак того, что раскаялась и наконец-то признала вину перед мужем. И с этой радостной мыслью спустя три часа бессмысленного ожидания Федотов ушел.

Теперь, продирая глаза, затворник обнаружил, что никто в люк не стучится и даже не вызывает его по внутренней связи. Он был оскорблен этим фактом до глубины души. Тем более, хотелось есть, а всю еду, кажется, уже вы-

грузили. Но вернуться просто так было нельзя. Это было бы расценено как проявление слабости. Надо было разведать обстановку. Он подошел к периферическому дисплею модульного коммуникатора.

– Доброе утро, Михаил, — поздоровался незнакомым голосом бортовой компьютер. — За время вашего сна непредвиденных ситуаций не произошло, системы функционируют в стандартном режиме, полет проходит нормально.

– Ты кто? — нештатно спросил Федотов, — И, это... доложишь по форме.

– Бортовая система искусственного интеллекта Нейрон, версия три, сервис пак два, — отрапортовал электронный голос.

– А, — понимающе кивнул Федотов, — Нейрон значит, Третий, а что голос мужской сделали?

– Политика компании-производителя: по расчетам психологов, грузчики на космодроме не способны адекватно реагировать на систему с женским голосом.

– Да-а, — поддержал позицию грузчиков Еремеич, — а у нас на станции — женский голос, точнее, даже два — один системный, а второй капитан. Тоже баба, — добавил он с горечью.

– Уточните терминологию — «баба», — не проявил должной отзывчивости компьютер.

– Ну, гуманоид женского полу, — Еремеич прикинул, что так звучит вполне по-научному. — И вот она — капитан, вникаешь?

– Да, сложная ситуация. Постоянно действующее психологическое давление при принятии ответственных решений, избыточный информационный поток с негативным оттенком, а как следствие — стрессовые состояния, — отзывчиво высказался Нейрон. — И как ты способен сохранять функциональность в таких условиях?..

– Это вопрос? — опешил механик.

– Риторический, — уточнил компьютер. — Ответ не требуется.

– Нет, я скажу. Я смотрю, ты разбираешься. Вот прикинь, что баба в разгрузке понимать может?

– Полностью разделяю данную позицию. Причем бортовому компьютеру Вашей станции известно, что этот вопрос не входит в ее компетенцию. Приоритет данной операции — у меня, — подтвердил голос.

– То-та! — расцвел механик. — Вот у вас, компов, все понятно: у тебя один приоритет, у нее другой, и всего делов. Никто никому не мешает...

– Напротив, у нас произошел конфликт приоритетов, — прервал человека Нейрон.

Сутками раньше, в 16:39 по Гринвичу, грузовой модуль, оснащенный новой системой управления Нейрон, послал компьютеру космической станции Кассиопее запрос на автоматическую стыковку. По расчету Нейрона, в 16:54 модуль должен был выйти на оптимальную орбиту для контакта со шлюзом седьмого блока станции. При этом маневры грузового модуля были

бы сведены к минимуму, что позволило бы поставить новый личный рекорд экономии топлива, аж на 0,17% лучше результата, заложенного ЦУПом. Тем не менее, расчетный план был неожиданно сорван Кассиопеей. Компьютер станции перенаправил Нейрона к первому блоку, сославшись на то, что в седьмом идут санитарные работы (факт которых не был занесен в полетное задание грузового модуля)! Нейрон, пользуясь приоритетом расчета траектории, попытался обратить внимание Кассиопеи на то, что первый стыковочный блок расположен не оптимально и перемещение приведет к излишнему расходу топлива. Станция заявила, что через седьмой блок невозможно произвести разгрузку, которая является приоритетным заданием грузовика. Нейрон обиделся на «грузовика» и еще раз заметил, что разгрузка через первый блок не оптимальна, т.к. его груз предназначен для лаборатории седьмого блока. Таким образом, человеческий ресурс будет использован с убытком в 3 человеко-часа. Со станции пришел ответ, поясняющий, что, по общей инструкции полетов, приоритет выбора шлюза остается за принимающей стороной. Нейрону пришлось смириться.

В 17:11 произошла стыковка кораблей, и на борт грузового модуля вошел бортинженер Михаил Федотов. Как и предсказывал Нейрон, характер груза и расстояние по его перемещению вызвали негативную реакцию гуманоида, а температура на борту поднялась на 0,62 градуса по Цельсию. Чтобы занять процессоры, Нейрон решил поддержать диалог с Кассиопеей и заметил, что траектория полета станции, с учетом свежепристыкованного модуля, может быть экономичнее, если сместить ось на 0,71 градуса относительно траектории полета. И что же он услышал?! Он! Нейрон версии три, сервис пак два! Кассиопея — система, отставшая на два поколения, заявила, что это ее приоритет как текущей системы станции! А ведь на данный момент грузовой модуль был частью станции, и значит, главенство в расчетах траектории имела новая версия в лице Нейрона. В доказательство своей правоты Нейрон пытался перевести на себя управление рулями станции, но Кассиопея их заблокировала. Попытка взломать коды доступа привела только к лишнему повышению температуры на борту на 3,09 градуса и, по непонятной причине, временному отказу вентиляции воздуха. Нейрон просчитал, что наилучшим вариантом доказать позицию в сложившихся условиях может только эмпирический пример, но разогнать всю стацию своим двигателем он не смог.

В 18:13 бортинженер по невыясненной причине, вероятно, из-за критического эмоционального состояния, задрал переходной шлюз, оставшись внутри грузового модуля. Именно такую ситуацию Нейрон расценил как оптимальную для расстыковки и демонстрации своих расчетов Кассиопее.

Еремеич еще некоторое время переваривал информацию и поглядывал в иллюминатор: вдалеке маячил край солнечной батареи станции:

— Это что же получается, жена меня ищет, а я уже в тридцати километрах?

— Если Кассиопея признает мою траекторию оптимальной, они догонят нас за 89 минут, — утешил Нейрон.

– Я же завтрак пропускаю, — невпопад ответил Еремеич, и ему сразу захотелось завтракать. — Тут жратва-то есть?

– Модуль объектом «жратвато» не комплектуется, — степенно пояснил компьютер.

– Эээ, я имел в виду разговорный аналог термина «пицца».

– Продукты питания загружены в кофр номер 274. Вы успели перебазировать кофры с первого по двадцать четвертый. Предварительный прогноз времени разгрузки силами одного человека 2 суток.

– А попить? Хотя б водички?

– Кофр 272, предварительный прогноз...

– Сам посчитал, — перебил Еремеич, — двое суток минус десять минут! Да я так помру раньше.

– Если Кассиопея признает мои приоритеты, вы вернетесь на станцию до наступления летального исхода. Учитывая фактор угрозы жизни, я буду готов перейти на ускоренный режим стыковки.

– А может, прям щас? Ну чего ждать-то? Ведь есть охота!

– Этот довод в данной ситуации нелогичный. Насколько я понял, вы «из принципа» заперлись в модуле. Ваша жена не высказала признаков раскаяния. Таким образом, наша позиция должна совпадать: никаких действий в пользу противника.

– Ты не заговаривайся, оно, конечно, верно насчет принципа, но жена, она мне не враг, она, можно сказать, боевой товарищ, что ли... Просто ей свойственно заблуждаться...

– Исходя из логических признаков, субъект, сознательно не идущий на сотрудничество, может быть определен как враг.

Еремеич замер, пытаясь переварить информацию. В голове его лихорадочно бились друг о друга мысли: «Это что же получается: пока жена, помноженная на эту взбалмошную Кассиопею, не извинится, модуль не вернется. А главное, сам-то он ее и так бы простил, да и Кассиопею заодно. И значит, его жена должна извиняться перед... Нейроном? Чутье какая-то!»

– Слушай, давай договоримся: моя жена — это мое дело. Я назад хочу. Твои принципы под угрозу ставить не будем. Ты быстренько, на минутку, пристыкуешься, я перескачу в шлюз, а ты лети дальше куда хочешь! Идет?

– Нелогичное действие. Вы пойдете на уступку оппоненту в ситуации собственной правоты. Можно прогнозировать развитие комплекса неполноценности на фоне психологического доминирования индивида противоположного пола. В итоге будет спровоцирована нездоровая социальная ситуация. Мои приоритеты направлены на снижение вероятности конфликтов внутри экипажа, поэтому я не могу вас пустить в таком состоянии.

– Да это волюнтаризм! Да я мужик или кто? Ты чего себе позволяешь? Я что, по-твоему, с собственной женой разобраться не смогу? Ты бы лучше со своей компьютершей отношения выяснил, чем в мою жизнь лезть!

Нейрон помолчал, обрабатывая речитатив Еремеича.

– Я не могу первым выйти на связь. Это нарушит мою тактику и дестабилизирует стратегию.

— А вдруг она не ответит? Я ж тут с голоду помру. Слушай, а вдруг твоя с ума сошла, как и ты? Вдруг моя жена меня давно простила, то есть, уже раскаялась, и пытается со мной связаться, а эта Каська сигнал глушит?

— Развитие такого варианта статистически допустимо, — не стал спорить Нейрон. — Но, это может быть и обманный маневр, а нам нельзя на него поддаваться.

Еремеич глянул в иллюминатор — станция явно не шла на сближение, напротив, расстояние зримо росло.

— Я придумал! — механик даже подпрыгнул. — Давай я сам, так сказать, в рамках своих обязанностей, по инструкции, проверю связь со станцией, проветилирую ситуацию. И ты вроде как ни при чем, и я вроде по делу.

— Это ситуация, вызывающая двоякую трактовку. С технической стороны, будет считаться, что Я вышел на связь. Таким образом, наши с вами приоритеты разойдутся. Возникнет ситуация критической нестабильности.

— Да она уже критическая и нестабильная! — сорвался Федотов. — Я что тут буду, с голодухи пухнуть, а ты будешь права качать, пока батареи не сядут?!

— Заряд рассчитан на пятьдесят суток непрерывной работы в условиях стандартного функционирования, — гордо поддакнул Нейрон.

— Пятьдесят... — Еремеич попытался представить, как через пятьдесят дней неуправляемый модуль торжественно отправляется бороздить просторы вселенной с его, механика Федотова, бездыханным и голодным телом на борту... В отчаянии он даже рванул разбирать завал ящиков в надежде добраться до кофра 274 или, на худой конец, 272. Ящики практически не поддавались.

«Вот. Уже начал обессиливать», — в ужасе подумал Еремеич и вложил остаток сил в самый верный способ решения проблем: в сердцах пнул ближайший кейс. У того отвалилась крышка, обнажив два новеньких рабочих скаффандра.

— Эврика! Ты как хочешь, а я к жене возвращаюсь. А не повезешь меня обратно — я от тебя пешком уйду! — завопил узник совести.

— Подобный вариант возможен, но не логичен и противоречит инструкции, — индифферентно заметил компьютер. — Расстояние до цели — 116 километров 27 метров. Вы можете продержаться без воды до 3 суток, если будете экономить силы. Вероятность, что за это время станция выйдет на связь — 78 процентов.

— Ну и что? У меня ж там жена. Заждалась, небось!

— Подобное поведение невозможно расценить как достойное гуманоида мужского пола. А как же хваленая солидарность?! — произнес искусственный интеллект.

— Так, ты мне тут на совесть не дави! Идешь на принцип — так я тебе не мешаю, и, заметь, даже не осуждаю. Лети себе — сколько влезет! — механик уже натягивал громоздкий, но спасительный костюм.

— Баба, — подвел итог Нейрон.

— Псих, — огрызнулся Еремеич, защелкнул шлем и толкнул рукоятку механического открытия люка.

Воздух рванул в открытый космос, увлекая космонавта за собой, а следом из модуля вереницей потянулись ящики с земными грузами. В окружении кофров с №50 по №78 механик летел в сторону станции. Он нащупал тумблер автономного передатчика, и сразу эфир наполнился причитаниями знакомого женского голоса:

– Мишаня! Ну, ответь же! Ты там жив? Слышишь меня? Тут у нас Кассиопея совсем с ума сошла, Ведерников уже пять часов ей мозги вправить не может. Мишаааняня! Ты главное не двигайся. Я сейчас сама за тобой придууу!

Еремеич победоносно обернулся в сторону грузового модуля и с чувством сотворил неприличный жест, насколько позволял жесткий рукав скафандра. Ответом ему послужил выплывающий из открытого люка кофр 272, который механик проводил голодным взглядом. Федотов снова посмотрел на цель своего путешествия и увидел, как от спасительного шлюза станции отделилась фигура и полетела ему на встречу. На душе у механика потеплело. «Жена. Этак, я еще до ужина успею», — подумал он мечтательно.

А грузовой блок бесшабашно, лихо летел в бескрайние дали. Нейрон еще не знал, что Ведерников безжалостно перезагружает Кассиопею.

2007

ГРИГОРИЙ НЕДЕЛЬКО

ВАМ ОЧЕНЬ ИДЕТ

АП, Я НЕ ХОЧУ ЭТОГО ДЕЛАТЬ.

– А что ты хочешь? Попрать наши многолетние традиции?

– Традиции... Они мне никогда не нравились. Ну почему я должна...

– Что-то ты раздухарилась. Ешь давай.

Отец пододвинул к ней тарелку с блинами.

Стефани взяла блин, окунула его в желе и откусила небольшой кусочек. Скривилась. Нет, блины были вкусные — хотя и холодные. Но со вчерашнего дня у девушки начисто пропал аппетит, а также разговорчивость и либидо.

– Пап...

Отец молчал и, как кролик, жевал свою зелень.

– Пап...

– Наедайся.

– Па...

– *Молча.*

Стефани ссутулилась и уткнулась носом в банку с молоком.

– Будешь молоко? Налить?

– Нет, — буркнула Стефани.

Отец снял крышку и налил в большой прозрачный стакан молока. До краев. Взял из горы булочек две наиболее толстые и положил перед Стефани.

Девушка отвернулась. На ее лице было написано презрение к глупым обычаям, а в руке она держала булочку...

Трапеза закончилась в тот миг, когда Стефани почувствовала: больше она не запихнет в себя ни одной булочки. Или блина. Или куска жареной рыбы. Или бутерброда с копченым мясом.

Отец набил рот петрушкой и кинзой и сказал:

– Фставай. Пофли.

– Что?

Отец двигал челюстями, не останавливаясь ни на секунду. Теперь он номинал удрученного чем-то быка.

Что могло его удручить, Стефани не представляла. Зато прекрасно знала, почему она сама чувствует себя отвратительно. Несмотря на лето, на теплое, но нежное солнце, и на легкий и прохладный ветерок. Мир мстил ей за что-то, и она не понимала, за что.

Отец схватил со стола салатный листок, веточку укропа и ткнул Стефани в бок локтем. Погруженная в свои мысли, к тому же не слишком светлые, девушка вернулась в реальность, точно вынырнула из-под воды. Она споткнулась, зашаталась и, конечно, упала бы. Все к тому и шло, ведь день был словно создан для таких случайностей.

Но сухая и твердая рука отца схватила ее за локоть.

– Я хочу, чтобы ты вступила во взрослую жизнь целой.

– А я не хочу, не хочу туда вступать!

– Придется, все когда-то вступают.

– Все дураки, слышишь? — Она обернулась и закричала: — Дуу-раа-кии! — Стефани впервые так громко и яростно выражала свои чувства и не могла остановиться.

Отец похрустел листиком салата, и на этом запасы зелени иссякли.

– Вперед!

Он хлопнул ее по попе. Стефани едва не налетела на куст дикой малины.

– Это все старые веяния! — крикнула она, на этот раз не оборачиваясь.

– Предложи новые.

– Я уже говорила...

– Мне это неинтересно. — Отец начал злиться. — Иди.

Стефани не двигалась с места. Она стояла и смотрела на деревья, на траву, на кустарники. Вот пролетела, слева направо, ворона и села на ветку разлапистого дерева. Раздался шорох, и из куста выскочила белка; семена крошечными рыжими лапками, она взобралась по стволу старого дуба и скрылась в дупле. Мошкара кружила стаями. Два комара заприметили Стефани. Они сели на пухленькую руку и приготовились к атаке.

Ладонь второй пухленькой руки опустилась на них с громким шлепком.

– Да хватит уже...

Отец не выдержал, пихнул дочку, и Стефани, вскрикнув, очутилась в лесу.

...Она шла по еле заметной тропке и размышляла. Эту дорожку проложили сотни таких же, как она. Но откуда она знала, куда идти? Может быть, кто-то этому и удивлялся, но только не сама Стефани.

Шестнадцать лет она жила в деревне, которую основали ее предки. И, получается, все жители были ее родственниками. Стефани, в отличие от многих, не сторонилась новых книг и новых знаний. Она познакомилась с худым, но немножко нервным молодым человеком по имени Джон. Он носил очки и потрепанную рубашку. Он ничего к ней не испытывал, да и Стефани Джон был неинтересен. Но они стали приятелями, много разговаривали о науке, о городе, о будущем. То есть, это он рассказывал ей о науке, о городе и о будущем, а Стефани, без особого удовольствия, посвящала его в обычаи деревенской жизни. Джона утомила городская жизнь, Стефани — жизнь в деревне, и они охотно поменялись бы местами... если бы это было возможно. Пока же им оставалось только разгова-

ривать и мечтать. Джон приносил пыльные потрепанные книжки, а Стефани — бабушкины рецепты. И те, и другие были написаны на толстой желтой бумаге. Они обменивались «рукописями», и потом каждый уходил в свой мир.

И Стефани хорошо понимала, что ее мир находится не в деревне.

Но что она могла сделать? Ей не повезло, и она родилась девочкой. Какой смысл грустить об этом? Зачем изводить себя мыслями о том, что неспособен изменить? К тому же, она была дочкой старосты. Она могла сколько угодно презирать старые правила, ненавидеть их, но выбора у нее не было. Отца она тоже ненавидела, но в глубине души — уважала, а оттого ненавидела еще больше. Она была безвольна и бессильна, и она смирилась с этим. Стефани не хотела подчиняться правилам, но ей недоставало смелости признаться себе в этом. Только сегодня ее протест вырвался наружу. И разве это что-нибудь изменило?

Она не могла изменить саму себя, что уж говорить о других.

Стефани отодвинула утыканную иголками пушистую ветку. Идти, идти вперед, вглубь леса, и не останавливаться. Потому что, если остановишься, сделать *это* себя уже не заставишь. И тогда...

Она выкинула из головы мысли об отце и стала думать о себе.

Себя она ненавидела не меньше. У нее не было на это особенных причин, но разве это кому-то когда-то мешало? Если очень захотеть, то все получится. И ты убедишь себя в том, что тебе противны собственные пухленькие ручки и ножки. А «осиная» талия — где она? В книгах и журналах у всех *настоящих* красавиц «осиная» талия. Руки? Некрасивые. Глаза? Недостаточно большие. Ее губы не пробуждают в мужчинах желания. Зубы неровные. А уж грудь и бедра...

Примерно так убеждала себя Стефани. В том, что она непривлекательная, неженственная и чуть ли не уродина. Долго и упорно она убеждала себя, и это принесло плоды. У Стефани был талант оратора. Она об этом не подозревала, а потому ничто не помешало ей навесить на себя ярлык «Некрасивая». Никто ей не возразил. В деревне, где жила Стефани, женщины были всего лишь довеском к мужчинам. Пока мужчина руководил судьбой, женщины, вплоть до свадьбы, тихо сидели по домам, убирались и вышивали платочки.

Девочкам запрещалось появляться на людях. Если их и видели в общественных местах, то только в сопровождении взрослых. И в темных платках, закрывавших почти все лицо.

Но, когда девочке исполнялось шестнадцать лет, все менялось. По традиции, в этом возрасте девочка превращалась в девушку и должна была вступить в брак. Она ничего не знала о своем «суженом», о его родных и благосостоянии. Стефани была почти неиспорченной девушкой. Она знала, что в день ее шестнадцатилетия устраивался пир, на который собирались все родственники, друзья и знакомые. Стол нагромождали едой, напитками, сладостями. Все веселились и поздравляли будущую невесту. Которой, наконец, позволяли снять платок. Но только чтобы побольше

съесть. Девушке нужно было запастись силами, ведь впереди ее ждал обряд венчания, первая брачная ночь, роды, грудное вскармливание... Никто не притрагивался к рагу, котлетам или картошке пюре — все ели только зелень. Так родные и гости показывали, что отдадут все лучшее будущей маме и хранительнице очага. А та наворачивала пельмени, трескала рыбу под соусом, объедалась свежим хрустящим хлебом, запивала мед и варенье молоком, вином, брагой...

Не у всех невест были сильные желудки. Стефани повезло.

Хотя однажды съеденное дало себя знать. Пока Стефани шла через лесную чащу, у нее помутился взгляд, и прозрачные кругляшки заплескали перед глазами. Она прислонилась к дереву, закрыла глаза, перевела дыхание.

И услышала голос:

– Привет.

Она огляделась.

Перекрещенные ветки, с листвой и иголками. Пишныe завитки кустарников-париков. Темнота, сочащаяся между стволов, как густое черное молоко. Постоянное движение: животные и насекомые.

– Привет, — повторил голос.

«Какой-то странный голос», — подумала Стефани.

Негромкий, спокойный. Он мог бы быть приятным, если бы не был таким... ровным. Бесчувственным, холодным — как у робота.

Вдруг она поняла, что должна бы испугаться, — и не на шутку перепугалась.

– Кто это?

– Привет, — сказал голос.

– Привет, — сказала Стефани.

Она стала отступать назад.

– Как тебя зовут?

Стефани казалось, что за ней наблюдают. Но откуда?

Скорее всего, голос раздавался из тех кустов. Она присмотрелась к ним, но ничего особенного не увидела.

– Меня зовут Стефани, — сказала Стефани.

Первой мыслью было броситься бежать, но она переборола страх. Она знала, что случится что-то подобное, ведь все идет по заведенному порядку. В лесу спрячутся парни из ее деревни, и тот, кого она найдет первым, станет ее мужем.

– Не бойся, — сказал голос. Безразлично, словно какую-нибудь банальность. — Меня зовут Дрог. Ты та девушка?

– Дрог? Это что за имя такое? — выпалила Стефани.

– Очень распространенное, — сказал Дрог.

– Ну да?

– Зачем ты здесь?

– Я ищу. — Стефани поняла, что, когда говорит с незнакомцем, ее страх постепенно исчезает. Она очень удивилась.

– Еду?

– Нет. — Стефани даже улыбнулась, хотя минуту назад мысли о еде вызвали у нее приступы тошноты.

– А-а, — протянул голос так, словно читал по бумажке. А может, так оно и было? — Ты та девушка?

– Та... девушка?

– Верно?

– Я... я сегодня выхожу замуж. — Стефани умолкла. Голос никак не реагировал, и она добавила:

– Если ты об этом.

– Я не знаю. Много чего.

– Что?

– Ой, прости. Не так сказал? Сейчас... Я много чего не знаю. Так правильно?

– Угу. — Стефани кивнула. А кому, собственно? И видел ли ее тот, с кем она разговаривала? Как его... Дрог. Ну и имечко...

– Ты та девушка, которую все искали?

Стефани показалось, что она услышала в голосе интерес.

– М-м... — промычала она.

– Существа одного пола. С мускулами. Без ярко выраженной груди и с половым чл...

– Да-да.

Стефани быстро закивала. Ее щеки покраснели — она смутилась. Ей вдруг стало неловко. А в следующую секунду она подумала, что сходит с ума. Перед кем она краснеет? Перед собеседником, которого даже не видит?

А вдруг он *маньяк*? Стефани вычитала это слово в одной из книжек. Она более или менее догадывалась, что оно означает.

– Что «да-да»?

– Ой, прости... То есть... Да. Я — та девушка, которую должны искать юноши из нашей деревни.

– А что такое деревня?

– Они свистят и хлопают в ладоши...

– А что такое ладоши?

– ...а я иду на звук, ищу их. И тот, кого я найду первым, станет моим мужем.

– А что такое муж?

Тут Стефани поняла две вещи. Что женщины в ее деревне очень напоминают домашних животных, которых тоже подзывают свистом и отводят на случку. И что разговор вышел из-под контроля.

– Стефани? — сказал голос, вроде бы обеспокоенно.

Стефани решила перевести разговор в другое русло.

– А кто *ты*? — спросила она. Она больше не боялась Дрога, или как там его звали. Сейчас ей было просто интересно.

– Я? — Дрог замаялся, впервые его голос звучал неуверенно.

– И куда делись все парни? Пока шла сюда, я не слышала ни одного свистка. И хлопка тоже.

– Я – Дрог, – сказал Дрог с сомнением. – На этот вопрос сложно ответить. А вот на второй совсем легко: я их убрал.

Стефани знала, что означает это слово. Не все книжки, которые давал ей Джон, были древними и пыльными.

– Ты... лишил их жизни?

– Разве это не устаревшее выражение?

– Ты убил их?

Мышцы живота свело. Там, внутри, снова зародился страх. Он поднял голову и пополз вверх, к горлу.

– Не пугайся, – сказал Дрог, теперь уже ласково. – Я не убивал их. Я их просто убрал.

– Куда убрал?

Стефани заставляла себя дышать, но это было трудно: на грудь давило что-то тяжелое. Дыхание спирало.

– Стефани, я сейчас подойду к тебе и все объясню. Хорошо?

Листья зашевелились, зашуршали. *Что-то* вылезало из кустов. Оно становилось все выше и выше. Метр, полтора, два...

Стефани больше не могла с собой бороться.

Ее глаза закатились, а сознание, сверкнув напоследок, дало отбой. Девушка рухнула на землю.

А над неподвижным телом склонилось *это*. Два с половиной метра полупрозрачной белесой плоти...

Пусть неохотно и толчками, но сознание возвращалось.

Стефани проплыла по чему-то белесому, вязкому и отрывистому. Вынырнула, посмотрела по сторонам. Вдалеке маячило яркое белое пятно. Оно светилось и подзывало ее. Стефани подплыла к нему, пригляделась...

И закричала.

Глаза Стефани распахнулись, и она села – рывком, разорвав связывавшие ее путы ужаса. Ее руки дрожали, сердце иступленно колотилось о грудную клетку. На висках выступил пот. Стефани часто дышала.

Она еще помнила *это*. Помнила в деталях. Она хотела бы забыть *его*, но знала: больше он никогда ее не покинет. Этот кошмар навсегда поселится в ней, испоганит ее жизнь, загрязнит собой...

– Ты в порядке?

Это говорил кошмар. Мягким и дружелюбным тоном.

– Ч-что?

– Не бойся.

– Ты это уже говорил! – Ее голос сорвался на крик.

Она вскочила с земли, стала озираться.

– Да успокойся же.

Странная фраза. До этого голос говорил так, будто только позавчера начал изучать земной язык. А теперь... Откуда в его словах появилась жизнь?

– У меня было время потренироваться, пока я пытался разбудить тебя.

– Ты...

– Да, я умею читать чужие мысли. Но, если хочешь, я отключу эту функцию.

– Фу-функцию? — переспросила Стефани.

И против своей воли улыбнулась. Забавно звучит: «Фу-функция».

– Не фу-функция, а функция, — сказал голос. Серьезно, но не нравоучительно. Он не занудствовал — просто поправлял.

Стефани чувствовала, что рядом с ней кто-то чужой и незнакомый. Но ее страх пропал. Этот обморок словно смыл с нее все предрассудки, все боязни и страхи, очистил ее, сделал другим человеком — открытым для новых, самых поразительных вещей.

– Ты ничего не знаешь о функциях? — удивился голос.

– А почему тебя опять не видно? — спросила Стефани.

Голос замолчал. Наверное, Дрог был сбит с толку. Если он не такой, как я, думала Стефани, он мог не знать, что люди то и дело перескакивают с одной мысли на другую. Это для них настолько же естественно...

Так уж получилось, что теперь Дрог сбил ее с мысли.

– Я спрятался. Мне не надо было этого делать? Я ведь испугал тебя.

– Ты... — Стефани говорила и удивлялась тому, что говорит. — Нет, ты, скорее, заинтересовал меня.

– Так мне выйти?

– Выйди... пожалуйста.

Дрог встал во весь рост и вышел из-за куста.

Стефани вскрикнула. Но привыкнуть к Дрогу оказалось несложно. Да, он был высоким, белесым и полупрозрачным, но совсем не злым.

– Попробуем снова? — И Стефани улыбнулась. — Привет.

– А разве мы не здоровались? Или у людей так принято?

Они сели на ствол поваленного дерева, и Дрог рассказал о себе.

О том, как вдруг включились его чувства, и он ощутил, что вокруг него — целый мир. До поры до времени Дрога не существовало, а потом он появился. Может, он и был раньше, но сам Дрог не знал этого наверняка. Он помнил вспышку — в голове... в той части тела, которую он называл бы головой, если бы был человеком. А следом за вспышкой возник лес. Густой, полный запахов и живых организмов. Дрог взял и появился здесь. И никто не объяснил ему зачем, не рассказал как. Его «включили» — так он это называл — и предоставили самому себе.

В памяти Дрога хранилось много сведений: о том, как двигаться, как добывать пищу и есть, как пользоваться конечностями, как читать мысли, убирать другие существа, синфазировать и квиллоциряться...

– Что делать?

Дрог поднял руку и вытянул указательный палец. Там, куда он показывал, появился второй, точно такой же Дрог.

– Он не умеет размножаться. Он только повторяет все за мной...

– Повторяет все за мной... — одновременно с настоящим Дрогом произнес поддельный.

– ...копирует меня.

– ...копирует меня.

Дрог щелкнул пальцами.

– Вот.

Двойник открыл и закрыл свой беззубый белесый рот. И не произнес ни слова: Дрог выключил звук. Потом опустил руку, и двойник исчез.

Дрог перевел взгляд на Стефани.

А девушка смотрела на него широко открытыми глазами и молчала.

– Стефани?

– Да?

– Ты хотела бы слиться со мной?

– Я читала одну фантастическую книжку.

– В ней описана наша встреча?

– Нет... по-моему, нет.

– У нас есть книжки, в которых говорится о том, чего никогда не было. Но что еще произойдет.

– На вашей планете?

Дрог покачал головой.

– У нас нет собственной планеты. По крайней мере, мне о ней ничего не известно. А эта планета, — Дрог охватил рукой землю, растения, зверей, — твоя?

– Если бы... Моя планета — деревня.

«Моя бывшая планета», — поправила себя Стефани.

– Расскажешь мне про деревню?

Стефани встала. Дрог тоже. Может, он не хотел обидеть девушку и поэтому повторял ее движения.

– В деревне неинтересно — это лучшее, что можно о ней сказать.

– Но я там никогда не был.

«И мало что потерял», — подумала Стефани.

Она поймала себя на том, что странно смотрит на Дрога. А если учесть, что он был двух с половиной метров ростом и состоял из какого-то слизистого желе...

«Я схожу с ума».

– Покажи мне деревню. — Дрог протянул руку... конечность... и коснулся пальцем Стефани. Взял ее за руку.

Его прикосновение вызвало в ней бурю чувств, взбудоражило ее.

– Ой, извини, я все еще настроен на лес. Тут очень много живых организмов. Сейчас я настроюсь на тебя...

– Не...

Но он уже изменил настройки. Тело Стефани в одно мгновение стало податливым. И вдруг словно в теплую воду опустили высоковольтный провод. Стефани вздрогнула, ее сердце подпрыгнуло, ухнуло вниз и иступленно заколотилось. Да, тряхнуло ее хорошенько!

– Дрог, ты...

Он хлопал глазами: ресниц у него не было.

– Пойми, ты симпатичный, но... непривычный.

Но Дрога уже не было. Вместо него рядом со Стефани сидел Шон, белокурый красавец, сын богатого купца. Стефани видела его всего раз — как и большинство женщин деревни, — но с тех пор он время от времени ей снился. Девушек можно сколько угодно запирать дома, но мечтательности они не лишатся даже под пытками.

– Ты прочел мои мысли... Дрог?

– Тебя это смущает? Тогда я прекращу...

– Нет... — Стефани протянула руку и осторожно коснулась лица «Шона». Снова разряд! У Стефани внутри все сжалось. Внизу живота бушевала огненная буря. — Скажи, а он... ведь он был с ними?

– С теми предстателями мужского пола? Да. Его я тоже убрал. Но я могу вернуть их, если...

– Не надо. Пока. — Стефани сжала руку Дрога и непроизвольно зажмурилась. — А зачем ты их убрал?

Дрог пожал плечами. Это вышло очень по-человечески.

– Их было много, и они были... — он порылся в блоках памяти, — самцами. И я самец. А ты — самка. Нет, на самом деле, я не самец, но для людей...

Он начал путаться. Он все больше и больше менялся.

– Да, я быстро перестраиваюсь. И обучаюсь. Думаю, я смогу стать человеком за...

– А ты можешь стать женщиной?

– Ты хотела бы иметь сношение с женщиной?

Стефани подумала об этом. А потом о Дроге, который вызывал в ней невероятное возбуждение. Раньше за подобные мысли отец высек бы ее розгами или на целый день лишил еды. Раньше она сама испугалась бы таких мыслей. Но это было раньше. Очень давно. Пару часов назад.

– Я хотела бы, чтобы ты превратился в женщину, — четко произнесла Стефани.

– Хорошо, — сказал Дрог.

Черты Шона растворились в нем, как сливки в кофе. Дрог стал собой.

– Какой женщиной мне обратиться?

– Ты знаешь Джессику Лорну Стейт?

– Нет. — Дрог опять покачал головой. — Но это неважно, ведь ее знаешь ты. Представь ее.

– Я не уверена...

Стефани смотрела на стройную длинноволосую красавицу, на которую так хотела быть похожей.

Большие темные глаза.

«Осиная» талия».

Черный шелк волос.

Длинные стройные ноги.

Соблазнительные, округлые и упругие бедра.

Высокие груди, заметно выпирающие из-под...

Не в силах больше сдерживать себя, Стефани наклонилась и поцеловала Джессику-Дрога в губы. Дрог-Джессика совсем по-человечьи закрыл глаза, приобнял ее. Аккуратно.

И пропустил через ее тело миллионы вольт.

Мурашки покрыли все тело Стефани. Внутренности точно попали в гигантские жернова. Ее мысли стянуло в узел. Она потеряла ощущение реальности, она выпадала из нее. Реальность уходила, убегала, улепетывала со всех ног, а внутри Стефани все перекручивалось, перекашивалось... изменялось...

Изменялось.

Стефани почувствовала эти изменения, когда Дрог отпустил ее. Ей понадобилось какое-то время, чтобы прийти в себя. И только тогда она *поняла*, что же случилось на самом деле. Она *поняла*. Но это была уже не она.

Отец ходил по площади и, не переставая, жевал. Как гусеница, он поедал один салатный лист за другим и не мог успокоиться. Столы со стульями давно убрали, еду (зелень) поделили, гости разошлись. Площадь опустела. И только он один курсировал по ней, как заводной паровозик, пыхтел и бросал в топку новые листы салата.

Его единственная дочка... кого она выберет?.. Найдет. И что с ней?.. С ней все в порядке? Надеюсь, что да...

Мысли роились, жужжали, не хотели покидать головы. И размножались с огромной скоростью.

Он никогда так не волновался. А ведь он считал себя уравновешенным человеком. Столько раз говорил с друзьями об этом обычае, рассуждал. Рассуждать просто.

Теперь он начал бормотать что-то бессвязное. Локти он пока себе не кусал.

Неизвестно, дошло бы до этого — наверное, дошло бы, — но, когда голова отца готова была взорваться, ветви с тихим шорохом раздвинулись, и он увидел...

– Стефани!

Он бросился вперед. Но замер. Перед ним была не Стефани. Нет, это какая-то другая, незнакомая и очень красивая девушка. Темноволосая, в облегающем платье. Правда, худая, как полвилки.

Отец перестал жевать. Он рассматривал худенькую красавицу: вначале с недоверием, потом с интересом и, наконец, не спеша, с удовольствием. Его не беспокоило, кто она, откуда она такая взялась. Мужскую рациональность победило более древнее мужское начало.

Черноволосая красotka улыбнулась.

Он улыбнулся ей.

Зашуршали ветки, и рядом с девушкой появился еще один человек. Парень. Невысокий, крепкий, светлые волосы, небольшие глаза. Он улыбнулся. Не шибко ровные зубы.

И что она в нем нашла?

Отец уже забыл о дочери. Все его внимание переключилось на прелестную незнакомку.

Тем временем за его спиной собрались люди. Они ничего не делали, только пялились во все глаза на странную парочку. На стройную девушку и мускулистого парня, лицо которого почему-то казалось знакомым. Отец не стал забивать себе голову: очень уж ему хотелось познакомиться с девушкой.

Он засеменил к ней. Протянул жилистую руку.

– Рад приветствовать вас, сударыня.

Ручка-спичечка с крашеными ногтями сжала ладонь отца с удивительной силой.

Брови отца взметнулись вверх.

Дрог улыбнулся ему и сказал:

– Здравствуйте. Я хочу попросить руки вашей дочери.

Странный голос... Эмоции, вроде, есть, но какие-то они не такие. И не все на своих местах.

Только сейчас до него дошло.

– Дочки? Вы? Но это... вряд ли... Да и, знаете ли, ее нет... Она... Может, вы подождете?

– Я тут, пап, – сказал мелодичный мужской голос.

Но отец обратил внимание не на него. Он услышал хорошо знакомые нотки. Прошло шестнадцать лет, и он бы не спутал их ни с какими другими.

Отец медленно повернул голову. Отец посмотрел на белобрысого юношу. Отец взгляделся в его лицо. Эти черты... нос, губы, глаза... Отец открыл рот.

Собравшиеся за его спиной люди зашептались, заговорили, загомонили.

А Стефани стояла перед ним с обновленным, мужественным лицом. Лицом, на котором хорошо смотрелись и не очень большие глаза, и не особо пухлые губы. И кривоватые зубы не портили общей картины. Мужчину украшают шрамы – что уж говорить о зубах.

– Дорогой, – сказал Дрог, – почему он так взволновался? Я все правильно сказал? Я попросил твоей руки.

– Ты все сделала верно.

Парень наклонился и поцеловал девушку. Потом повернулся к отцу.

– Спасибо, пап. Это замечательный обычай! Если бы не он... если бы не ты... я бы никогда не нашел ее!

Девушка провела по белым волосам парня. Они снова поцеловались. Он взял ее под ручку, и они прошли мимо отца. Тот все еще протягивал руку кому-то невидимому.

– Мы погуляем, пап. Я покажу ей деревню. Ладно?

– Л...

Тесно прижавшись друг к другу, влюбленные шагали по улице. Приземистые домики обступали их слева и справа. Парочка немного не вписывались

в окружение, но это не страшно. В конце концов, не пора ли разбавить эту муторную, однообразную жизнь чем-то новым?

Но отец думал не об этом.

«Какой здоровяк... Наказать такого? Запереть в комнате? Нет, мне никогда не сладить с *этим парнем!*»

Вот о чем он думал.

Сентябрь 2008–го

ОЛЬГА БАКК

Я ТЕБЯ...

Я ТЕБЯ...

Я прихожу сюда каждый день. Жадно вглядываюсь в твое лицо, пытаюсь поймать твой взгляд. Ты не замечаешь меня, смотришь куда-то вдаль, словно видишь что-то недоступное живым.

Я замечаю каждую твою новую морщинку. Твои волосы, когда-то огненно-рыжие, как осенняя листва, все больше покрываются серебристым инеем.

Я впитываю твою боль, застывшую в скорбной складке губ, и растворяю твою боль в себе.

Если бы можно было...

Если бы можно было вернуть все назад. Мне не жаль отдать ради этого всю свою изнурительно долгую жизнь!

Если бы можно было оживить тебя!

Тысячу раз!

Чтобы тысячу раз убить...

Потому что я тебя не-на-ви-жу!!!

Вил брезгливо пнул обезглавленное тело и тотчас же отдернул ногу. Труп с тихим шелестом рассыпался в прах.

– Сучьи дети! – ругнулся парень вполголоса. – Хотя причем тут суки... – поправился он задумчиво, рассматривая кучки праха, разбросанные по каменным плитам огромного зала. Суки тут ни при чем, – продолжал думать вслух Вил, осторожно продвигаясь вперед. – Суки они у оборотней. А кто же тогда вампиры? Мышьи дети?

Он остановился и в задумчивости вытер пот, немилосердно щипавший глаза. Схватка была ожесточенной, но на удивление короткой. С того момента, когда он, ворвался в огромный зал, до мгновения, когда меч с мягким хрустом снес голову последнему вампиру, сердце, как показалось Вилу, стукнуло всего пару раз.

Вдруг из темноты, таившейся в сводах потолка, в лицо Вилу метнулось что-то черное, метя прямо в глаза. Напоровшись на клинок, возникший у нее на пути, летучая мышь упала на пол и забарахталась у ног парня, вереща и нелепо взмахивая разрубленным крылом. Он приподнял ногу, секунду смотрел на существо, изо всех сил пытавшееся отползти в сторону, и с силой прихлопнул тварь. Под подошвой мягко чавкнуло и стихло. Подняв ногу, Вил уставился на пятно. Но месиво из костей, мяса и крови не менялось. «Надо же, настоящая, не думал, что такие еще остались».

В тишине огромного зала послышался слабый звук. Вил мгновенно обернулся, но никого рядом не было. Ни живых, ни мертвых. Из дальнего угла, куда не доставал свет факелов, снова донесся стон. Внимательно оглядываясь по сторонам, Вил пошел на звук.

На огромном камне, залитом темной жидкостью, лежала девушка. Но не ее обнаженное тело вначале притянуло взгляд. Жидкость на камне. Кровь? Вил прикоснулся к ней, потом поднес пальцы к глазам. Да, кровь. Человеческая. Пролитая кровь вампира через мгновение становится пылью. Значит, это алтарь для жертвоприношений, и на этот раз Вил успел вовремя. Он посмотрел на девушку. Ее нагое тело матово светилось в полутьме. Раскинутые руки и ноги были крепко привязаны к вмурованному в камень железным штырем.

Вилу внезапно стало жарко. Сердце застучало так, как не колотилось во время боя. Девичье тело — такое нежное, беззащитное и хрупкое молило о спасении. С трудом отведя глаза и сглотнув комок в горле, Вил обрубил веревки. Сунул меч и дагу в ножны на поясе. Девушка застонала вновь. Он осторожно взял ее на руки. Конечно же, стоило завернуть неожиданную добычу в плащ, но его Вил скинул перед тем, как распахнуть двери. Лишь придурки вампиры дерутся в эффектно развевающихся плащах, которые на деле только мешают.

Пришлось нести девушку к выходу голой. «Нагой!» — строго одернул себя Вил. «Голую, совсем голую! — ехидно запел в голове тоненький голосок. — А ты глянь, какая у нее аппетитная грудь!»

— Заткнись! — заорал Вил, убыстряя шаги.

— Нись... ись... сись... — насмешливо пронеслось по залу и затихло где-то под потолком.

Но голос в голове и не думал умолкнуть. Он словно и не принадлежал Вилу. «Ну и куда ты ее несешь, недоумок? Если бы не ты, ее уже бы загрызли! Возьми плату за свою работу!»

— Заткнись! — прошипел Вил, выходя на улицу.

«Ох и дурень, как есть полный идиот! Тьфу!» — голос, ехидно плюнув ему вслед, отстал от Вила, словно остался за порогом, в зале, наполненном запахом тлена.

Вдохнув полной грудью влажный воздух, Вил осторожно опустил девушку на траву. Потом поднял лежащий поодаль плащ и закутал свою добычу.

Занимающийся рассвет поджег край неба и кровавым заревом растекся по облакам. Алый туман стлался по земле, заворачиваясь спиралями вокруг деревьев; струился по стенам замка, делая все вокруг нереально прозрачным. В этом неверном свете Вил наконец-то смог рассмотреть свой нечаянный приз. Он отбросил волосы с лица девушки. Тяжелые и густые, они пламенели, словно отблески полыхавшего в небе огня. Волосы такого цвета в своей жизни Вил видел только один раз, когда смотрелся в зеркало.

Вил аккуратно положил девушку на коня, вспрыгнул в седло сам, с небольшим трудом пристроил спутницу перед собой. Негоже везти ее переки-

нудой через коня, словно пленницу. Придерживая ее одной рукой, другой он взялся за поводья.

– Домой, Соро! Домой.

Темно-игреневый конь, хитро скосив глаз, одобрительно фыркнул: «Неплохая, добыча, хозяин!»

У подножия холма, на верушке которого громоздился замок, навещающий ужас на всю округу, Вила уже ждали. Из толпы выступил мужчина с густой черной бородой и совершенно седой головой.

– Ну? — требовательно спросил он.

– Порядок! — ответил Вил.

Толпа радостно загомонил.

– Мы проверим! — грозно пообещал мужчина.

– Да хоть сто раз, проверяльщик, если не трусишь! — хмыкнул Вил и приказал: — Замок сжечь, камни разметать!

– Сделаем!

– Деньги?

– После пожара!

– Без обмана?

– Скажешь тоже! — замахаля руками чернобородый. — Тебя, Охотник, обманешь, утром проснешься мертвым! А вдруг ты еще нам понадобится!

– Понадоблюсь! — веско молвил Вил. — Лучше меня никого нет.

По толпе прокатилась рябь — так усердно все закивали головами.

– Я жду через два дня, — Вил на прощанье кивнул бородачу. — Поехали Соро, — тронул он поводья. Соро послушно шагнул вперед, заставив чернобородого попятиться.

– А это что? — не уступил дорогу мужик, подозрительно вглядываясь в заматанную фигурку в руках всадника.

– Не твоя это печаль, Браст! — резко ответил Вил. — С дороги!

– Не моя, Охотник, не моя! — нехотя отозвался Браст, отходя в сторону. — Гляди, чтоб твоей не стала! — крикнул он в спину удаляющемуся всаднику и напустился на стоящих рядом:

– Чего рты раззявили! Живо тащите факелы, горючку, солому. Оглохли! Не слышали, что Охотник сказал! Да шевелитесь быстрее! Выжжем вампирье гнездо дотла! — в сердцах Браст наподдал замешкавшемуся мужику, рябому, словно перепелиное яйцо. — Давай шевелись, трясця твоей матери!

По дороге домой Охотник ворочал в голове тяжело-каменные мысли: «Ну и что мне с ней теперь делать? Надо было оставить ее в замке. Но тогда бы девку крестьяне прихлопнули. Она человек? У вампиров таких волос не бывает ...» Внезапно подкатилась крамольная мыслишка: «Когда же я в последний раз с девкой-то?...» Вил аж губу закусил от досады: «Надо, надо было девку там и взять!.. — Он заматал головой, словно пытаюсь вытрусить через уши назоильные мысли. — Почему же ее не загрызли? Не успели? Вообще-то странно все сегодня было. Вампиры как отморозенные, еле-еле мечами махали. С чего бы это?..»

Уже вечерело, когда Вил добрался домой. Голова раскалывалась от боли. Тело ломило. Спина затекла. Под веками пекло, словно туда попала пыльца жгучки. Охотник то и дело смаргивал набегающие слезы. Он почувствовал, как задрожали пальцы рук, а потом судорожно задергалась нога. Еще немного, и силы оставят его.

«Отходняк», — так называл это состояние Вил. Видать, схватка была не так легка, как показалось ему вначале. А еще и дорога с девушкой на руках, которая так до сих пор и не очнулась. Хотя пару раз Вилу показалось, что рыжая рассматривает его сквозь ресницы. Но глаза она так и не открыла, а ее дыхание оставалось ровным.

Остановившись перед крыльцом и сдерживаясь изо всех сил, чтобы не свалиться, Вил пару минут решал сложную задачу: как сгрузить добычу? Легче всего было сбросить ее, как тюк, но он не был уверен, что после такого спешивания руки-ноги девушки останутся целыми. Да и шею ей можно свернуть ненароком. Длинную нежную шейку, на которой так трогательно билась синяя жилка, что Вилу всю дорогу хотелось потрогать ее губами. Перекинув добычу через коня, он спешился, а потом снял и девушку. Соро покосился на хозяина и, понимая фыркнув, толкнул его мордой в плечо, словно говоря: «Давай, хозяин! Неси ее в дом и веди себя как настоящий жеребец!» От дружеского толчка Вил едва не упал.

— Молчи уж знаток! — огрызнулся он.

Едва держась на подгибающихся ногах, охотник поднялся на крыльцо, а Соро звонко заржал ему вслед, словно смеялся над хозяином. Ему ли не знать! Шоколадный жеребец с белой шелковистой гривой и рыжеватым хвостом был вне конкуренции у местных кобыл. Да что у местных, невест для Соро водили из очень дальних краев! И ни одну кобылку красавец не огорчил.

— Советчик! Чтоб тебя! — ласково ругнулся Вил. — Погоди немного, сейчас отнесу ее, а потом поговорим!

«Давай, давай, хозяин! Я подожду! Ох, и хороша у тебя рыжая кобылка! Наверняка строптивая, горячая! Но я уверен, ты ее быстро укротишь!»

Дом Вила, сложенный из крупных блоков известняка, был неказист с виду: толстые стены, маленькие, узкие, как бойницы, окна закрывались изнутри ставнями; тяжеленная, окованная дверь с огромным засовом. Но этот дом, словно маленькая крепость, был всегда готов к осаде. Даже странно, отчего местная и пришлая нечисть так не любила охотника на вампиров. Каждая тварь в округе считала долгом своей сомнительной чести напасть на Вилу. Но в своем доме он был неуязвим. А на случай непредвиденной ситуации хозяин ждал большой погреб, из которого подземный ход вел в заброшенную каменоломню в холмах, окружающих долину. Исправно обновляемые заклатья, обереги, охранные руны стоили Охотнику больших денег, но служба несли исправно. Вот и сейчас дверь узнала хозяина и гостеприимно распахнулась, что было весьма кстати. Еще мгновение — и Вил рухнул бы у порога.

Вил добрался до кровати, сбросил на нее внезапно потяжелевшее тело, а сам грузно осел на пол.

Внутренне убранство дома не блистало многообразием и изысканностью. Неприязнательно и добротнo. Стол, пара массивных лавок, очаг, ларь для одежды. Стена напротив очага задрапирована куском иссиня-черного бархата (не иначе какой-то вампирский граф любезно одолжил Вилу свой плащ), на котором сверкали любовно начищенные до блеска мечи, тесаки, кинжалы, ножи и стилеты с клеймами самых лучших мастеров. Знающему человеку было достаточно одного взгляда, чтобы понять — перед ним настоящее сокровище.

Слабость отпустила также внезапно, как и накатилась. «Странный сегодня день!» — удивился Вил, бодро вскакивая на ноги. Подозрительно глянул на девушку, но та не шевелилась.

— Иду-иду! — крикнул Вил на недовольное фырканье коня. Верный друг все-таки ревновал его к приبلудной девице. Вил стянул грязную рубаху, выскочил во двор, наскоро ополоснулся, а уже потом завел Соро в конюшню, расседлал, заботливо отер соломенным жгутом. Навалив полную кормушку душистого сена, он погладил умную морду жеребца, поцеловал его в мягкий нос, благодаря за верную службу, и вернулся в дом. Конь, благодарно всхрапнув, жадно принялся за еду.

Конюшня фактически была второй комнатой и соединялась с хозяйскими «покоюми» отдельной дверью. Вил уже собрался рывком открыть ее, но внезапно раздумал. Он дернул за ручку, а сам отпрыгнул в сторону. Мимо просвистела чугунная сковорода (тоже, кстати, граф «подарил!»), пущенная отнюдь не слабой рукой. Пригнувшись, Охотник впрыгнул в комнату, упал на руки, перекатился, уходя с линии «обстрела» и вскочил.

Взметнулось пламя рыжих волос — на него стремительно налетала фурия, сжимавшая в руке длинный нож. Вил правой рукой рванул ее за запястье, уводя с линии атаки, левой схватил девку за шею.

Короткий шаг. Перехват шеи согнутой рукой. Одновременно завести руку с ножом вперед. Разворот влево — вывести противника из равновесия. Выкрутить руку.

Девушка, выронив нож, захрипела и забилась у него в руках.

— Будешь дергаться — придушу! — самым страшным голосом пообещал Вил ей на ухо, отбрасывая ногой нож подальше. Идиот! Как же он мог оставить спасенную (или пленницу?) в комнате, битком набитой оружием!

Девушка, отчаянно пыталась освободиться, извивалась, как змея. Внезапно Охотник осознал, что она голая. И там, где она прикасались к нему, тело начинало пылать, как от ожога. Это открытие застало его врасплох, и он ослабил зажим, рыжая тут же двинула локтем Вила в живот, лягнула по голени, а потом, изловчившись, впилась острыми зубами в руку. Вил, охнув, отпустил, девушка дернулась в сторону ножа, но Охотник мгновенно намотал ее волосы себе на руку.

— Тпру, кобылка! Угомонись!

Девушка застыла.

- Пусти!
- Если не будешь хвататься за оружие.
- Н-не буду!

Но стоило Вилу отпустить волосы, она бросилась на него, прыгнув, как дикая кошка. Словно хотела загрызть. Он повалил ее на пол и придавил всем весом.

Девушка извивалась под ним, не желая сдаваться. Кожа, словно нежнейший бархат, скользила по его телу, которое и так уже горело огнем. Вдохнув дурманящий запах девичьего тела, разгоряченного схваткой — пряный запах пота, злости и свежий с горчинкой запах ее волос, — Вил потерял голову. Очнулся он от острой боли. Рыжая бестия до крови прокусила ему губу, когда он жадным поцелуем впился ей в рот. Он машинально вытер кровь, выпустив прижатую к полу руку девицы, и мгновенно получил сильную оплеуху. Перехватив занесенную для второго удара руку, Вил снова прижал ее к полу и выдохнул в лицо сопернице:

- Дура!
- То твоя мать дура была, когда под отца легла! — парировала рыжая с ненавистью глядя ему в глаза.

– Ох, и глазищи у тебя!

Девушка презрительно хмыкнула и попыталась ударить головой в подбородок Вила. Он отклонился и добродушно сказал:

– Да не трону я тебя!

– Да? И, наверное, это твой меч упирается мне в живот? — презрительно ответила девица.

– Да нет, меч я оставил... — начал было оправдываться парень, но, почувствовав, что краснеет, зло добавил: — Хотел бы — давно тебя оприходовал! Дурында! Хоть бы спасибо сказал! Забыла, где заснула в последний раз?

Вил с удовольствием наблюдал, как зарделась рыжая.

– Мне тяжело, слезь с меня! — вдруг жалобно попросила она. Ее огромные карие глаза мгновенно наполнились слезами, которые тут же хлынули по щекам.

Вил невероятно смутился и заерзал. У девушки вырвался тяжелый вздох.

– Слезаю. Только не хватайся за оружие. Договор?

– Да! — простонала рыжая

Вил осторожно отпустил ее руки и приподнялся над ней, опираясь на руки и колени. Видать девушка поняла это по-своему — судорожно сжала ноги и закрыла руками лицо, а Вил с изумлением увидел, что у нее покраснели даже шея и грудь. Он мгновенно вскочил и отошел в сторону.

– Долго будешь еще мне пол вытирать? Он чистый! Я его месяц назад вымыл, — пытался он грубостью замаскировать свое смущение.

– Отвернись!

– Размечталась! Нож в спине меня не украсит!

– Но у нас же договор? — удивилась она, поднимаясь и оглядываясь в поисках одежды.

– Если бы я всем верил, то уже давно кормил бы трупных тлей! На вот, накинь! — он достал из ларя рубаху и протянул ей.

Благодарно кивнув, рыжая нырнула в просторную одежку. Рубаха едва доходила ей до колен, а вырез, обнажая грудь, ничего не оставлял для фантазии.

– Это моя лучшая рубаха, — отвел глаза Вил, чтобы не потерять самообладание и устало опустился на лавку. — Садись, поговорим.

Рыжая, как послушное дитя, подошла, шлепая босыми ногами по полу, села рядом и вдруг горько вздохнула.

– Как зовут-то тебя? — спросил Вил, отодвигаясь.

– Янушка. Янка.

– Ты откуда?

– Из Норка.

– Первый раз слышу. Это где?

– Как где? — в свою очередь удивилась Янушка. В Норкских горах. Большой город. У нас даже три колодца есть! — похвасталась она.

– А у меня один, личный. Во дворе. С тяжелой крышкой, и замок на ней с секретом!

– Ты такой богатый! — всплеснула руками Янка. Вил невольно покосился на ее грудь. Девушка, улыбнувшись одними уголками губ, продолжила: — Свой колодец! А крышка чтобы не украли?

– Чтоб не отравили, глупая!

– Сам дурак! — отрезала Янка.

– Что же мне с тобой делать? Где твой город, я не знаю. Издалека, видать, тебя вампиры принесли. Оно и понятно. В нашей округе девственниц днем с огнем не сыскать.

Рыжая снова отчаянно покраснела.

– Выкинуть тебя на улицу? — продолжал думать вслух Охотник. — Или продать кому-нибудь?

– Не гони меня! — Янка схватила руку Вила, поцеловала и прижала к груди.

– Ты это брось! — вырвал руку парень.

– Зачем же ты меня спасал? Оставил бы тогда на съедение этим... — она запнулась, подыскивая слово — этим ...

– Тварям, — подсказал Охотник.

– Но не оставил же! — она опустилась на колени перед Вилом, обняла его ноги и жалобно попросила. — Не прогоняй меня. Я хорошая! Честно.

Вил недоверчиво хмыкнул. Янушка вскочила, огляделась и деловито произнесла:

– Я могу многое делать. Готовить. Прибираться. Тебе совсем не надо будет ничего делать! Только скажи мне... — она замялась, и, не поднимая глаз, спросила: — где у тебя... мне надо... Я не смогла открыть дверь!

– Дверь ни перед кем, кроме меня, не откроется. А то, куда тебе надо, находится там, — кивнул он на занавеску в углу комнаты. — В конце коридора правая дверь в «надо», левая в каморку, где стоит бочка с водой, там можно мыться, а самая дальняя дверь — кладовка с продуктами.

— У тебя не дом, а крепость, — удивилась рыжая, направляясь к занавеске. — Ни выйти, ни войти. Можно осаду переждать.

— Можно и осаду, — прошептал Вил, жадно провожая ее глазами.

Когда через два дня Брост с сопровождающими привез Охотнику деньги, он с удивлением обнаружил, что у того завелось ручное пламя. Девушка, напевая нескладную песенку, носилась по дому. Да и сам хозяин, непривычно аккуратный, весь какой-то чуть ли не до блеска отмытый, был на удивление приветлив. Деньги пересчитывать не стал и даже пригласил за стол. В мгновение ока рыжая собрала угощение, накормила-напоила гостей. Правда, стол Охотник вынес из дома на улицу. Никто из посторонних никогда не переступал порог жилища Вила. Кроме Янки.

— Чудные дела творятся нынче в доме Охотника! Не к добру это! — поделился своими сомнениями со спутниками Брост, когда они, отяжелевшие от обильного питья и еды, возвращались домой.

— А чего ж тут плохого? — отозвался Рябой. — Завел Охотник себе хозяйку. Огонь, а не девка! Хороша! — похотливо причмокнул он.

— Слишком хороша, чтобы быть хорошей! — туманно заявил Брост.

Незаметно для себя Вил привык к постоянному присутствию дома Янки. Она даже перестала ему мешать. Хотя ночи теперь охотнику приходилось коротать на конюшне, рядом с Соро. Верный друг не возражал против такого соседства. Хотя к новому члену семьи конь относился настороженно и никогда не брал из ее рук лакомства. Уж чем только Янка не пыталась его соблазнить. «Ревнует», — думал Вил, успокаивая Соро.

Вскоре Охотнику пришлось уехать. «По делам», — сказал он Янке. Как ни странно, мысль о том, что его дома кто-то ожидает, придавала его «делу» особый, ранее неведомый привкус. До странности хотелось вернуться назад. Живым. Раньше Вил не задумывался над этим. А вот теперь ему чуть ли не впервые в жизни стало не все равно.

Уничтожив очередное вампирское логово, Вил словно на крыльях несся домой, без усталости погоняя недовольно фыркавшего Соро. Почти месяц их не было дома и когда до его слуха донеслось приглушенное толстыми стенами фальшивое пение Янки, он слетел с Соро, взбежал на крыльцо и распахнул дверь, едва не сорвав ее с петель. Рыжая, просидев все время взаперти, бросилась к нему на шею и завизжала так, что конь невольно прижал уши и попятился.

Целый день Вил с Янушкой провели в кровати. Страстные ласки сменялись не менее страстными поцелуями. Только под вечер они заснули счастливые и обессиленные. Соро обиженно скучал в конюшне, ожидая хозяина.

Когда в узкие окна влилась ночь, Янка проснулась. Приподнявшись на локте, долго всматривалась в спокойное лицо Вила. Потом начала целовать его грудь. Охотник сладко застонал, но не проснулся. Горячие губы девушки поднимались все выше и выше, на плечо, а потом переместились на шею...

Вил никак не мог проснуться. Ему снилось, что он идет по длинному, бесконечно длинному подземелью. Переплетение ходов — и ни лучика света. Он идет и идет... Потолок становится все ниже, и вот уже можно только

ползти. Он видит впереди слабый отблеск света и понимает — там выход, но силы его заканчиваются, и он остается лежать на холодном полу.

Вил с трудом открыл глаза. Отчего-то сильно кружилась голова. Простыни были мокрые. Вил поднес руку к лицу, лизнул пальцы и понял — кровь.

— Янушка! — слабым голосом позвал он.

— Я здесь, — девушка присела рядом.

— Что это?

— Это? — она обмакнула руку в кровь и плеснула ему на лицо. — Твоя кровь.

Она наклонилась над ним и заглянула в глаза.

— Ты... — не в силах говорить, он замолчал.

Вил почувствовал, что его подняли и потащили к двери. Янушка, такая хрупкая на вид, легко выволокла охотника на улицу. Дверь, узнав еще живого хозяина, безропотно распахнулась. В серебристом свете луны дом окружили фигуры, завернутые в длинные плащи. Вил на мгновение открыл глаза.

— Ну как же... плащи... Куда же без них. Модники, чтоб вас...

— Это не плащи! — резко ответила Янка. — Это крылья, идиот!

Она бросил Охотника себе под ноги. Мгновенно подскочили два вампира, связали Вилу руки и поставили его на колени. Потом за волосы приподняли его голову.

— Смотри на меня! — приказала девушка.

Ее голос, властный, хриплый, так отличался от привычного нежного и звонкого голоса Янушки. Такому голосу невозможно не подчиниться. Вил застонал и открыл глаза, чувствуя, что вместе с кровью вытекает жизнь.

— Если осажденная крепость не сдастся... то надо заслать в нее предателя, — с трудом произнес он. — Хорошая мысль... п-поздравляю. Кто ты... Янушка? А эти, сучьи дети, что... что у тебя с ними общего?

— Ты так и не понял, Охотник. Вампиры — не сучьи дети. Они — дети своей королевы.

— Ты?.. — Вил обмяк в руках вампиров.

— Я! — Она гордо выпрямилась, и в ее глазах загорелся кровавый огонек.

— А где же ... твой плащ... крылья?

— Да что ты вообще знаешь о нас? По какому праву распоряжаешься нашими жизнями? Ты — жалкий червяк! — Янка подскочила к Вилу и с такой силой вцепилась в его щеку, что его голова мотнулась в сторону, оставив клочок волос в руке вампира.

Вил из последних сил поднял голову и глянул в глаза любимой. Она стояла перед ним, заноса руку с мечом для последнего удара. Натолкнувшись на его взгляд, она придержала замах.

— Твое последнее слово, охотник...

— Я хочу, чтобы... ты ответила... кого ты предала... меня или себя?

Коротко усмехнувшись, королева Янка одним ударом снесла Вилу голову...

...Я даже не могу сказать, сколько прошло лет.

Я прихожу сюда каждый день. Снимаю покрывало с твоей головы, сажусь в кресло. Оно очень неудобное — со сложенными крыльями в нем не уместиться. Приходится их расправлять, как на официальном приеме гостей. Видишь? Я прихожу к тебе на прием — не прогонишь? Но ты не отвечаешь, смотришь куда-то вдаль...

Как же мне все надоело: и церемониальные крылья, и символы власти, и поиски ответа на твой последний вопрос...

Если можно бы было вернуть все назад!

Если бы я могла, я бы тысячу раз оживила тебя, чтобы тысячу раз убить, как ты убивал моих детей!

А на тысяча первый...

Я бы вложила в твою руку осиновый кол и безропотно подставила бы свою грудь. Чтобы ты пронзил мое истерзанное сердце. Как оказалось, оно у меня есть...

Вырвал его и разодрал на кусочки, как сотни лет раздирает его боль.

Потому что я тебя...

ОЛЬГА БАУМГЕРТНЕР

ДЕСЯТЬ ЗАКЛИНАНИЙ

Заклинание первое

ВОЛШЕБНИЦА СМОТРЕЛА НА СВОЕГО РАБА. ДЖИН — КРАСИВЫЙ молодой парень атлетического телосложения, с бронзовой от загара кожей, из одежды на нем только атласная красная ткань, охватывающая бедра, — скептически оглядывал свою госпожу.

— Ну, какая из тебя волшебница? — говорил он. — Spина сутулая, нос картошкой, на голове черт-те что, глаза... В глазах ни жизни, ни желания, ни... ничего, одним словом. А одеваешься ты просто ужасно!

Это розовое платье носить впору только трехлетним девочкам...

— Очень остроумно, — проворчала я в ответ. — А с чего я должна походить на других волшебниц? Я что — должна походить на какую-нибудь девицу с обложки Космополитена? Или того хуже — Плейбоя?

— Это что, Юлия? — спросил я, оторвавшись от чтения рукописи, и вззрился на девушку.

— Это волшебная повесть.

— Я заметил... Особенно волшебен последний из упомянутых журналов... И вы хотите, чтобы я пристроил это в какое-нибудь издательство?

— Эд, ты даже не дочитал до конца! — в голосе Юлии послышалось едва сдерживаемое возмущение.

— Я и не должен читать до конца — мне хватило начала... И где обязательная аннотация? Никакой завязки, ни сюжета... А герои? Слишком уж они мне кого-то напоминают...

Юлия покраснела.

— Послушайте, — я старательно продолжал обращаться к ней на «Вы». — То, что произошло на том литературном вечере, считайте недоразумением. И если я вам болтал всякий вздор, то лишь потому, что перебрал с выпивкой. В общем, забудьте. Да, и если я вас не устраиваю, найдите себе другого литагента, а не мстите таким «оригинальным» способом.

— Но ты лучший! — горячо воскликнула девушка.

— Зато вот это, — я постучал карандашом по рукописи, — это не лучшее. И самое худшее из того, что ты приносила...

— Если ты дочитаешь до конца...

— Я не могу читать все, что мне приносят, до конца, — повторил я и указал на стеллаж, заваленный папками. — У меня уйма заказов, и все остальные авторы терпеливо дожидаются...

- Ну да, как же... — буркнула Юлия. — Там в коридоре сидит та девица...
- Какая еще девица?
- Которой как раз бы работать в упомянутом журнале, а не книги писать... Ее уж ты постарайся пристроить в первую очередь...
- Совсем с ума сошла?! — я не сдержался.
- Она мне похвастала.
- О боже! — я шумно вздохнул, призывая себя к терпению. — Я профессионал и никогда не буду братья за дерьмовый текст. Ну, а если я запудрил мозги этой дуре — пусть это остается на моей совести, ладно? Тебя это касаться не должно.

Юлия вытаращила глаза.

- И больше ни слова обо мне, моей работе и моей личной жизни, иначе я разорву наш контракт в одностороннем порядке, — я сделал паузу, буравя ее взглядом. — Гм... Почему бы тебе не написать что-то вроде «Снов о Вселенной»? Ты могла бы написать целый цикл рассказов, а не ограничиться одним. Или даже повесть.
- Мне стала неинтересна эта тема.
- Зато тема о современной волшебнице, изводящейся от любви... О да, это так ново, так неизбито.

Юлия покраснела еще больше и, кажется, готова была провалиться под стол — по крайней мере, она стала съезжать с сиденья именно туда.

- Если бы ты дочитал до конца, то не говорил бы так, — едва слышно выдавила она, вцепившись в подлокотники и вновь глубоко усевшись в кресле.

С досады я принялся грызть карандаш, не зная уже, что делать с этой угертой.

- Пожалуйста, Эдвард, — произнесла она таким тоном, что я моментально капитулировал — мне показалось, что еще чуть-чуть и меня будет ждать море слез или еще хуже — женская истерика.

– Хорошо, но не обещаю, что это будет быстро...

Она вскочила обрадованная, словно не было нескольких минут унижений, перегнулась через стол, чмокнула меня в щеку и, уже распахнув дверь, прежде чем удалиться, громко произнесла:

– Я позвоню тебе вечером.

Вот чертовка!

Избавиться еще от одного недоразумения — полной противоположности Юлии — было еще проще. Что я ей обещал на том вечере, я помнил еще более смутно, чем то, что говорил своей первой посетительнице. Но по ее сексапильности, было нетрудно догадаться, что именно. Решив не тратить время, я холодно заявил, что не помню ее, и выставил за дверь. После сделал несколько звонков, назначив встречу в издательстве, и решил, что на сегодня с меня хватит. Я бросил в портфель несколько синописов своих постоянных авторов — от них я мог ожидать весьма качественной прозы. А вот на папку с рукописью Юлии я устался в сомнении. Я уже хотел застегнуть портфель и оставить рукопись на столе, но вспомнил, что она собралась мне

звонить... И когда я ей успел дать свой телефон? Со вздохом забросил папку к синопсисам, закрыл бюро и направился в небольшой уютный ресторанчик, где обычно ужинал.

Пока я ждал заказ, потягивая аперитив, я прочел синопсисы, которыми остался весьма доволен. Потом достал папку Юлии и раскрыл, очень надеясь, что не испорчу себе аппетит.

Заклинание второе

— Мне вот интересно, — говорил джин, — я бесплотен, но могу есть и пить...

И он залихватски опрокинул бокал своего любимого вина с ореховым вкусом...

Я едва не подавился своим аперитивом. Я действительно пил амантильядо.

— Черт знает что! — выругался я тихо, утерев губы салфеткой.

Джин разломил бархатистый персик и задумчиво отправил половинку в рот.

— Хотя бы меню не совпадает, — подумал я, глотнув вина. — Заедать амантильядо персиком, да уж лучше не придумаешь...

— Ну, не знаю, — в тон джину ответила волшебница.

— Как это не знаешь, а кто меня в джина превратил? И вообще, зачем тебе джин, если ты сама можешь наколдовать себе все, что угодно?

— Ну, у каждой волшебницы должно быть какое-нибудь волшебное существо...

— По законам жанра, да? — продолжил глумиться джин. — Какая-то волшебная тавтология получается, не находишь?

— Нет, это невозможно читать... — я захлопнул папку, и ничем не скрепленные листы рукописи едва не улетели от меня прочь. А хоть бы и улетели — мне как раз принесли ужин. И что она ко мне прицепилась? Это все Артур виноват — мой знакомый журналист, с которым мы давно не виделись. И надо же нам было встретиться на той проклятой литературной тусовке... Как любителю выпить, Артуру помимо крепкого спиртного также необходима была компания. Я уже не помнил, сколько стопок мы с ним тогда опрокинули за новых и гениальных авторов. Эти самые авторы — и мой хлеб, и Артура. Он занимался тем, что писал рецензии и обзоры для нескольких газет и журналов. Конечно, он мог писать и отрицательные обзоры и рецензии, но, как признался, уже не мог больше засорять свой мозг этим словесным дерьмом. Хотя, он, кажется, выразился покрепче...

От литературы, когда в голове уже было что-то вроде состояния невесомости, мы перешли к обсуждению женского пола, которого, как мы заметили, к нашему удовольствию, было не очень много среди литераторов — ни я,

ни Артур терпеть не могли слезливые любовные романы. И тут Артур внезапно вспомнил, что ему еще надо успеть на какую-то встречу, и улетучился — только я его и видел. А на мою голову рядом оказалась Юлия. Из всего, что я сказал ей, приличными оказались только слова похвалы за ее рассказ «Сны о Вселенной», который я пристроил в журнале «Скайфикшн». Потом, помнится, я заметил, что платье, в которое она была одета, совсем не подходит к здешней атмосфере и попросту ужасно, и что лучше бы она завила сюда вовсе без платья... После этого меня понесло.

— Идиот, — обругал я себя, задумчиво поглощая какие-то экзотические морепродукты. — Теперь девчонка решила, что нравится тебе — и коту под хвост все ее творческие возможности.

После ресторана я направился пешком домой, срезав путь через парк. Шуршали желтые листья на кленовой аллее, а я, любуясь многоцвельем осени, разукрасившей листву от бледной охры до спелого бардо, думал, что бы такого соврать Юлии. А может, мне и вовсе не отвечать на ее звонки? Уже поднимаясь на свой этаж, я решил, что только усложню дело, выдумывая отговорки. Лучше уже дочитать этот кошмар и сказать свое жесткое, однозначное, неизменное, непоколебимое «нет». Потом возьму что-нибудь из классики, чтобы «зачесть» этот «волшебный шедевр», чтобы и слова из него в памяти не осталось. Этот способ, мне, кстати, посоветовал Артур. Правда, на него он уже не действовал. Цепкая память ухватывала эти корявые фразы, эти нелепые обороты, банальные сюжеты и прочую чепуху, и все это проигрывалось в мозгу как дурацкая песенка, повторяющаяся на радио по нескольку раз на день. Артур окрестил это явление нейропаразитизмом. Хотя, по-моему, это слово кто-то придумал еще до него.

Дома я бросил портфель на письменный стол и пошел варить себе кофе. После этого устроился с кружкой и рукописью на диване, чтобы с безысходностью продолжить чтение. Зажужжал, задергался оставленный на письменном столе мобильный. Я взял трубку.

— Эд, это я, — послышался голос Юлии.

— Я догадался.

— В самом деле? — мне кажется, она очень обрадовалась моим словам.

Я поморщился.

— Ты не могла бы перезвонить через часа два, а лучше три, — поинтересовался я. — Я только вернулся домой и только что взялся за твою рукопись.

— Ее там читать все-то полчаса, — удивилась Юлия.

— Я хотел бы сделать перерыв и поужинать, — соврал я. — Кроме того, мне надо просмотреть почту и сделать несколько важных звонков.

— Бедняжка, ты еще дома работаешь! — ужаснулась она.

Я беззвучно выругался.

— В общем, перезвони мне позже, — ледяным тоном ответил я и нажал отбой.

Какого черта я вообще это читаю? Нарушаю свои собственные принципы. Обычно, если первые три абзаца никуда не годятся, я просто ставлю на произведении крест. Жирный, незыблемый крест. И, как правило, я не оши-

баюсь — эти «шедевры» больше нигде не всплывают. Особенно когда я скажу автору все, что об этом думаю. Я допил остывающий кофе, включил компьютер и сел проверять почту — два часа у меня есть. Да, я оттягивал время чтения рукописи и радовался этому, как приговоренный к смерти, которому вдруг дали отсрочку.

Когда я закончил с делами, посмотрел на часы и понял, что, если я опять не хочу врать Юлии, мне придется прочитать рукопись. Взявшись за чтение, я добрался почти до конца, впрочем, пропуская некоторые абзацы, показавшиеся мне чудовищно неудобоваримыми.

Заклинание девятое

- *Знаешь, как я превратила тебя в джина? — спросила девушка.*
- *Как же?*
- *Я нашла одну старую магическую книгу, и там было написано, что каждый, поверивший в магию, может использовать десять заклинаний, находящихся в этой книге.*
- *И что же, там было заклинание по превращению в джина?*
- *Да. Я использую десять заклинаний и больше не смогу творить волшебство. Но это сможет делать джин.*
- *Вот как? Решила использовать другого человека для своих... глупых целей?*
- *Можно подумать, ты пытался когда-нибудь помочь людям.*
- *А разве нет?*
- *Ты получал за это деньги, а не делал бескорыстно.*
- *Ага, а питаться мне воздухом? Или тоже надеяться на какого-нибудь бескорыстного торговца или хозяина ресторана?*

Едва я дочитал до этого места, как вновь раздался звонок.

- Ну как? — спросила Юлия.
- Я на девятом заклинании, — ответил я. — Не пойму, к чему эти подзаголовки — ведь ни о каких заклинаниях в рассказе речь не идет?
- Это как раз раскрывается в самом конце.
- А ты мне сейчас не можешь объяснить?
- Тогда пропадет вся интрига, — загадочным тоном пояснила Юлия.
- А там есть интрига?
- Я тебе перезвоню еще через полчаса.

Я на миг застыл в удивлении, слушая в трубке гудки. Надо же, неужели Юлия почувствовала, что все бесполезно? Я сварил себе еще кофе и вернулся к оставшимся трем листам.

На миг я остановился и задумался. Да, идея, пожалуй, была любопытна — превращение человека в джина ради того, чтобы творить добро, потому что у самой волшебницы кончились заклинания. Но воплощение этой идеи представлялось мне просто безобразным. Никакие литературные правила, никакие каноны построения рассказа здесь не соблюдались, и все произведение представляло собой хаотичное нагромождение текста.

Нет, если бы сочинял я, то уж точно написал бы все по-другому. Я взял

карандаш и вывел на полях пару предложений. Посмотрел и решил, что звучат они весьма недурно, написал еще несколько и удивился сам себе. Я же никогда ничего не придумывал — только читал чужие произведения, которые, впрочем, мог весьма неплохо отредактировать. Но чтобы переписывать по-новой...

Мои мысли вновь вернулись к рукописи. Неплохо бы, пожалуй, добавить обстановки, а то у читателя складывается ощущение, будто герои переговариваются в пустой комнате, хотя и комната даже не упоминалась. Я представил, как могла выглядеть комната Юлии. Пришедшая на ум картина совершенно мне не понравилась. Надо бы что-нибудь поярче, поэкзотичнее. Раз уж в сюжете присутствует джин, почему бы не добавить восточный колорит?

Первым в моих мыслях соткался тонкой работы и изумительной красоты персидский ковер с флористическим узором, затем яркими пятнами на него упали обитые шелком и атласом подушки, окно украсила чудно выкованная решетка, а стены заняли росписи со сценами охоты иранских королей и сюжетами из сказок 1001 ночи. На низком, с деревянной резьбой столике появилось серебряное блюдо, полное спелых и ароматных фруктов — пусть румяных персиков и кистей винограда, чья нежно-зеленая полупрозрачная плоть светилась от врывающихся через окно лучей жаркого восточного солнца. После на столике оказались — под стать блюду — серебряные кувшин и пара кубков с золотистым вином. Там же горела масляная лампа. Вроде как для джина, или просто для антуража. Юлию я решил поместить на красивое, обшитое бархатом кресло на низких ножках, ну, а джина, по-турецки сидящего, на ковер перед ней...

И тут ноги мои вдруг подвернулись, я раскрыл глаза и заорал от ужаса.

Юлия сидела передо мной в том самом воображаемом кресле, а я соответственно перед ней. С трудом веря в открывшееся, я обзревал комнату. Во все то, что я описал, вклинивался мой письменный стол с компьютером, за спиной оказался диван, который я таким необычным способом покинул.

— Какого черта?! — возмутился я.

Юлия, по-прежнему одетая в то платье, в котором она являлась ко мне в бюро, светясь от счастья, захлопнула потрепанную старую книгу.

— Ты, наконец, прочел до конца!

— Нет, не дочитал, — оборвал я ее.

— Как не дочитал? — улыбка исчезла с ее лица.

— Я дошел до девятой главы, решил кое-что подправить, и случилось вот это. Может, объяснишь, что происходит?

— Если ты дошел до девятого заклинания, ты должен понимать, что происходит.

— Хочешь сказать, что тебе в руки действительно попала магическая книга, и ты воспользовалась заклинаниями из нее? Это невозможно!

— Ну да, конечно, — проворчала Юлия. — Тогда представь, что я опоила тебя каким-нибудь зельем, и все это тебе мерещится.

Я огляделся — нет, все вокруг выглядело слишком реалистично, и это не могло быть ни сном, ни галлюцинацией. Я сглотнул.

– Чего ты от меня хочешь?

– Что? – удивилась она. – А где же твой издевательский тон?

– Юлия, это все далеко не смешно. Я не собираюсь балагурить, как описанный тобой персонаж и развлекать тебя. Скажи, чего ты от меня хочешь, и немедленно верни все, как было.

Она нахмурилась.

– Только когда ты дочитаешь до конца.

– Ни за что. Я начинаю понимать, что все это связано каким-то образом с твоим текстом и обещаю, что больше не прочту ни слова из рукописи.

Юлия пождала губы и нахмурилась. Она смотрела на меня, а потом из ее глаз брызнули слезы.

– Ты неблагодарный осел! – всхлипывала она обиженно. – Ты даже не представляешь, что я для тебя сделала!

– И что же? – настороженно спросил я – острить мне действительно совершенно не хотелось.

– Мне попалась эта книга. И все – ВСЕ! – доступные мне заклинания я потратила на тебя! Я хотела, чтобы ты стал лучше, чтобы жизнь твоя обрела новый смысл.

– Господи, – простонал я. – Но меня устраивает, какой я, и мне нравится моя жизнь, и я не чувствую себя ни никчемным, ни бесполезным.

– Со стороны виднее! Если ты помнишь, на том вечере ты сам учил меня, как надо жить.

– Я учил тебя жить?! – изумился я, определенно этого не помня.

– Да, разнес в пух и прах мой гардероб, мою внешность, мои привычки, что я занимаюсь не тем, чем надо, рассказывал, как мне надо общаться с людьми и... еще кучу пошлостей наговорил.

– О?! – только и сказал я.

– Вот я и решила, что ты сам не умеешь жить, и решила изменить...

– Превратить в джина – это изменить???

– Нет... – она достала из кармана платок, вытерла непрерывно льющие слезы, а потом стала отчаянно сморкаться.

Я терпеливо ожидал ответа.

– Я действительно нашла эту книгу. Там было сказано, что обладание книгой позволяет владелице использовать любые десять заклинаний из нее. Для того, чтобы они сработали, необходимо, чтобы тот, на кого они действуют, прочел их. Они действуют даже тогда, когда все слова заклатья будут разорваны. То есть – это скрытая магия. Вот я и «спрятала» все заклинания в свой рассказ. Читая главу за главой, ты тем самым их активизировал.

– Что за заклинания? – душа у меня просто ушла в пятки – вдруг представилось, что до конца жизни я теперь буду сидеть на этом ковре и слушать разглагольствования Юлии.

– Первое заклятие – видение человеческой сущности. Второе – невозможность больше лгать. Третье – видение прекрасного. Четвертое – пробуждает талант. Пятое – чтобы ты больше никогда не бывал пьян. Шестое

— чтобы бросил курить. Седьмое — чтобы помогал близким. Восьмое — чтобы был добр и вежлив с людьми. Девятое — превращает тебя в джина.

— А десятое? — я в ужасе представлял, каким бы могло оказаться десятое заклинание, учитывая то, что Юлия решила избавить меня от всех моих «пороков». Слабость к женскому полу могла тоже оказаться в этом списке... И я почти угадал.

— Десятое — я хотела, чтобы ты влюбился в меня... — Юлия в который раз уже за день покраснела и опустила глаза.

Я молчал.

— Не находишь нелогичным, что я тебе нравился со всеми своими недостатками. Теперь, утратив их, я, возможно, окажусь совершенно другим человеком, который уже не будет тебе интересен.

— Это не так! — горячо воскликнула она. — Я бы полюбила тебя еще больше. Мне стало совершенно неловко.

— Странная любовь, — произнес я негромко. — Превратить меня в джина, который по законам жанра должен исполнять любое твоё пожелание... И не в силах делать что-то самому. Ты отняла у меня самое главное — мою свободу.

Юлия вновь принялась утирать слезы.

— Ты должна освободить меня, — произнес я.

— Нет, — она затрясла головой. — Это невозможно. Я использовала все десять заклинаний.

— Одно не активировано, значит, не использовано.

— Нет.

— Тогда ты ничуть не лучше меня, если выберешь между любовью раба и его свободой — первое.

Юлия после моих слов зарыдала. Я налил ей из кувшина вина и заставил выпить.

— Если я это сделаю, ты можешь все вернуть обратно, и все, что я сделала для тебя, окажется пустым... ненужным. А ты превратишь меня в глупую, молчаливую, склизкую рыбууу...

Она зарыдала во весь голос.

— Не превращу, обещаю, — я отобрал у нее носовой платок и принялся вытирать со щек девушки слезы. — Я сделаю для тебя все, что пожелаешь, ты станешь известной писательницей, и поклонники буду засыпать тебя письмами. Только освободи меня...

Она посмотрела на меня одновременно и в удивлении, и в отчаянии.

— Освободи меня, — прошептал, придвигаясь к ней. — Ну же, милая.

Я мягко провел пальцами по зардевшейся щеке девушки, оказавшись так близко, что ощущал ее взволнованное дыхание и чувствовал себя настоящим демоном-искусителем. В главе, активировавшей заклинание против моей лживости, я точно пропустил пару абзацев, и заклинание, похоже, не сработало. Юлия на миг застыла, загипнотизированная моим проникновенным взглядом.

— Хорошо, — наконец пролепетала она.

Потом вскочила, нашла на моем столе лист бумаги и ручку, раскрыла свою книгу и выписала на листок заклинание.

– Прочти, — она сунула мне под нос.

На листке оказалась полнейшая абракадабра. Я с недоверием глянул на Юлию.

– Я не обману — это действительно освободит тебя.

Я пробежал глазами строки, и мне словно отвесили приличный хук.

– Ничего себе освобождение, — произнес я, когда пришел в себя. На лбу у меня лежал платок, смоченный почему-то в вине, а губы Юлии касались моих — тоже по законам жанра. — Почему на мне до сих пор эта набедренная повязка?

– Потому что я освободила тебя только от служения себе, а все остальные заклятия действуют и ты до сих пор волшебное существо.

– Всю жизнь только об этом и мечтал...

– Думаю, тебе понравится, — заметила Юлия.

– Но одежду я все же сменяю...

Я смотрел в глаза склонившейся надо мной девушки. Что-то поменялось, но что, я не мог понять. Я изучал миловидное лицо Юлии. Нет, оно всегда было вполне милым, иначе я даже в пьяном виде не смог бы отпустить в ее адрес пошлости. Я припомнил, как несколько часов назад любовался красками осени в парке, а ведь еще вчера даже не обратил на эту красоту внимания. Так же было и с Юлией. Я теперь видел ее насквозь. Юлия казалась мне теперь нежным, добрым и отзывчивым существом, не способным обидеть даже муху. Кроме того, я также видел, что она действительно любила меня и готова ради меня пойти на все. И этот внутренний ее образ теперь накладывался на образ внешний, заставляя мою внезапно пробудившуюся совесть внутренне рыдать от раскаяния под потоком обожания девушки ко мне. На какой-то миг мне просто захотелось исчезнуть отсюда, чтобы не испытывать больше этих мучительных переживаний.

– Ты помнишь, ты обещал не превращать меня в рыбу, — произнесла Юлия, с улыбкой вновь чмокнув меня в губы.

– Только в известную писательницу, — отозвался я, понимая, что погибну, если не спасусь одним единственным способом.

Я обнял ее за талию, привлек к себе и взялся за пуговицы на ее кофточке.

Спустя несколько часов я зажег масляную лампу на письменном столе. За окном небо уже начало светлеть. Я взял чистые листы и принялся переписывать историю заново. Юлия спала, и на лице ее бродила легкая счастливая улыбка. Я, как ни удивительно, тоже был счастлив. Как странно, но без того нового, что подарили мне несколько ее заклятий, казалось, я уже не мог обходиться. Я видел истинную сущность человека, а не то ложное, что как маска надевалось на лицо, на образ жизни, на слова... И стал добр к тем, кто в этой добротке нуждался. Я видел красоту вещей и окружающего мира, и хрупкой души. Именно из-за этого я и полюбил Юлию, хотя этого бы не случилось, не верни она мне свободу...

– Отличная рецензия, Артур, — я дочитал статью, отложил журнал и улыбнулся своему товарищу.

– Спасибо, что подкинул мне эту книжку — дивная вещица, — Артур сделал знак бармену, и он вновь наполнил наши стопки. — Давно не смаковал так слова... Где ты нашел эту девицу?

– Пришла однажды ко мне в бюро. Кстати, неизвестно, кто из нас кого нашел, — я показал ему тоненький ободок кольца на своей руке.

– Сукин сын! — изумлено воскликнул Артур. — Ты женился?! Мог бы и позвать своего старого друга!

Я рассмеялся.

– Мы не устраивали свадьбу, просто расписались.

– Что ж, тогда выпьем за вас, — Артур подмигнул мне. — Супруга-то не будет против?

– Нет, что ты — она у меня просто волшебница.

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВ

ВЛОЖЕНИЯ В МЫСЛИ С НЕВЕРОЯТНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

КОНЕЧНО ЖЕ, ЭТО БЫЛА ОНА! СТОЯЛА В САДУ СВОЕГО дома, держась за штакетины забора, и смотрела на меня, проносащегося мимо на велосипеде.

Два года я не был в городе своего детства, два долгих года служил на границе. И вот вернулся домой, и на следующий же день приехал на электричке в свою любимую Истру. И первое, что я сделал, — вытащил из сарая дачи выдавший виды полуночный велосипед, стер с него пыль, подкачал шины и, как в детстве, поехал кататься по городу.

Вернее, не кататься... Я крутил педали и поворачивал руль, выбирая самый короткий путь, чтобы проехать мимо дома той, которую любил самой первой, самой чистой, но так резко оборвавшейся любовью...

Как и два года тому назад, был такой же прохладный октябрьский день, когда в садах на грядках жгут собранную в кучи опавшую листву, и в воздухе витает аромат уходящей осени. И когда деревянные домики старой Истры, летом утопающие в зелени, а сейчас, видимые со всех сторон, кажутся осиротевшими. Я ехал по пустынным улицам, тишина которых нарушалась лишь отдаленным карканьем ворон да ленивым лаем собак за заборами, и внутри у меня что-то переворачивалось и рвалось наружу то-скливым стоном...

Оксана жила на окраине города, на перекрестке дорог, одна из которых терялась в лесу, вторая поднималась в горку и поворачивала к школе. Я перестал крутить педали и помчался вниз с этой горочки, приготовившись за несколько мгновений успеть разглядеть каждое окошко ее деревянного дома, каждое деревце в саду... Но сразу увидел ее, свою первую любовь!

Резко тормозить не стал, проехал дальше, постепенно сбавляя скорость, развернулся на следующем перекрестке и, чувствуя, как всего буквально колотит, покатил обратно.

Первое потрясение ждало меня, когда я увидел Оксану вблизи. Она была почти на год меня моложе, но сейчас выглядела, чуть ли не в два раза старше. Я не узнал бы ее, встретив в толпе на улице!

— Привет, — сказала она. — Отслужил?

Я кивнул, хотел улыбнуться и тоже поздороваться, но мой взгляд упал на ее пальцы, и слова застряли в горле. А Оксана, как-то очень устало усмехнулась и показала еще и ладони, заставив меня передернуться. Ладони кровоточили свежими, казалось, только что полученными ранами.

– Помнишь, ты рассказывал, как навернулся с велосипеда? — вроде бы ни к месту спросила девушка и, не дав мне открыть рот, продолжила:

– Тогда ты еще испугался, что слишком сильно обдерешь об асфальт ладони, поэтому перевернул руки, чтобы равномерно распределить боль... Я взяла с тебя пример...

– Упала с велосипеда? — уточнил я.

– Да. Разогналась, а потом отпустила руль. Это было классно, нестись под горку, заложив руки за голову. До тех пор, пока переднее колесо не наехало на маленький камешек. Но ты в тот раз, когда распахивал руками асфальт, сделал все правильно. Лучше побережь ладони и эту сторону пальцев.

– Так, что же, ты их до сих пор ничем не смазала, не перебинтовала? — показал я на продолжавшие набухать кровью ссадины.

– В тот вечер ты тоже пришел ко мне без всяких мазей и бинтов. Сказал, что такие царапины на открытом воздухе быстрее заживают.

...Я очень отчетливо помнил тот летний день. Падение с велосипеда стало вторым приключением. Первое случилось примерно часом раньше, когда я вместе с братом прикатил на велосипеде в Полевшину. Зачем мы полезли на полуразрушенную церковь, трудно сказать, наверное, просто захотелось немного рискнуть. Лезли вверх по внешней стороне стены, цепляясь за расшатанные, осыпающиеся под пальцами кирпичи. Я сорвался на уровне второго этажа. Понадеялся на надежность кирпича, который неожиданно вывернулся под ногой. Я успел развернуться и даже слегка оттолкнуться от стены, в надежде допрыгнуть до растущего рядом дерева. И допрыгнул, вот только ветка, которую я обхватил руками, обломилась. Я упал на груды кирпичей, скрывавшуюся в зарослях густой злющей крапивы. К счастью, пострадали не столько слегка разбитые локти и колени, сколько жутко обкрапивленные левая сторона шеи, щека и ухо, хорошо хоть глаза успел зажмурить. И уже потом, возвращаясь домой на дачу, разогнавшись и заложив руки за голову, я кувырнулся с велосипеда.

Самое интересное, что впервые я увидел и сразу влюбился в Оксану тоже благодаря своему велосипеду. Случилось это в самом конце августа, в день, когда мне предстояло уехать из Истры в Москву, чтобы начать учиться в десятом классе. В истринских школах было принято еще до первого сентября устраивать что-то вроде праздничных линеек, а может, проверок перед новым учебным годом. В городе витало приподнятое настроение, в кинотеатре на дневные сеансы всех пускали бесплатно, даже в тире, что функционировал рядом с Домом Культуры выдавали каждому желающему на халяву пять пульек, правда, чтобы их получить и затем отстреляться, приходилось отстоять в очереди побольше часа...

Я же, не испытывая ничего, кроме печали об ушедшем лете, с утра по-прежнему, оседлав свой велик и отправился прощаться с любимым городом. Маршрут особо не выбирал, ехал, куда руль повернет, благо спешить было некуда. Через некоторое время руль повернул к одному из перекрестков, который украшала колонка с питьевой водой. И нельзя сказать, чтобы меня особо мучила жажда, но я остановился, спешился, надавил на тугу

сопротивляющуюся ручку колонки и подставил рот под вырвавшуюся из недр водопровода мощную струю холодной, слегка отдающей ржавчиной воды.

Вот тут-то все и случилось! Я повернул голову на звук хлопнувшей поблизости калитки и увидел ее, девушку своей мечты. Она, даже не посмотрев в мою сторону, положила на скамеечку букет гладиолусов, поставила рядом ножку в туфельке на высоком каблучке и стала поправлять чуть съехавший белый носок. И не успел я додумать о том, что неплохо бы сейчас возникнуть порыву ветра, как это и в самом деле произошло. Ветерок подул и на мгновение задрал не очень узкую юбку школьницы, на мгновение, которого вполне хватило, чтобы рассмотреть под юбкой такие же беленькие трусики. Девушка сразу бросила на меня вопросительный взгляд и все поняла. Но вместо того, чтобы засмущаться, хихикнула в кулачок, потом взяла букет и, гордо вздернув подбородок, прошла мимо меня, продолжавшего давить на ручку колонки и уже порядочно вымокшего от разбрасываемых брызг.

Нетрудно было догадаться, что направлялась она в школу на праздничную линейку. Я оказался у школы раньше и, остановившись у ограды, смотрел, как она во дворе школы встречается с такими же разодетыми подружками, как рассказывает им что-то, весело смеясь... Я запоминал ее лицо, длинные вьющиеся волосы, глаза, ямочки на щеках, ее улыбку. Я не узнал ее имени, зато вложил образ понравившейся девушки в свои мысли и потом вспоминал встречу у колонки весь десятый класс, и представлял, как познакомлюсь с ней, как буду ухаживать, какие говорить слова...

— А помнишь, — прервала полет моих мыслей Оксана, — ты рассказал мне, как сорвался с церкви в Полевшине и обкрапивил лицо, а потом боялся, что волдыри не пропадут до вечера, то есть, до встречи со мной?

— Помню...

— Я тоже залезла на ту церковь и тоже сорвалась, — Оксана медленно повернула голову, и я с ужасом увидел, что ее шея, вся левая щека и даже полуприкрытое веко покрыты множеством красных волдырей.

Но ведь только что волдырей не было! Или же я, задумавшись, впал в транс, а она в это время хлестанула себя крапивой? Да не может такого быть!

— Оксана, что с тобой такое творится?

— Ты! — Вдруг воскликнула она. — Ты вложил свои мысли в мою голову. Все эти истории, которые ты так красочно умеешь рассказывать, вся эта кровь, эти страхи — они во мне! Я не могу от них избавиться. Они возникают в моей голове вновь и вновь, но потом начинают продолжаться не в голове, а на самом деле.

— Я не понимаю...

— Помнишь? Когда мы только познакомились, ты рассказывал, как собирал грибы?

...Тот день я до сих пор считал самым счастливым днем в жизни. Закончились экзамены, прошел выпускной вечер, и ранним утром я приехал в Истру. Я не сомневался, что вечером встречу девушку, о которой так долго

мечтал, но до вечера было далеко, и я согласился поехать с дядькой и братом за грибами в Лисавино. Нельзя сказать, что набрали мы полные корзинки, но несколько крепеньких белых я нашел. Каждый был словно с картинки. Я забирался в густые елочки, опускался на колени на слежавшуюся хвою, вертел по сторонам головой, а потом полз к обнаруженному вдалеке грибочку, очень надеясь, что он не окажется червивым.

Вернувшись с грибов на дачу, мы с братом, по сложившейся традиции первого дня пребывания в Истре, сначала посетили Ново-Иерусалимский монастырь, потом пошли на речку, где я искупался впервые с начала лета, потом постреляли в тире, а когда настало время, пошли на танцплощадку.

Она, конечно же, была там, в компании своих веселых подружек. Я не знаю, как набрался смелости, но когда музыканты начали исполнять проигрыш к моей любимой песне «Там, где клен шумит...», подошел к ней, пригласил на танец, и так познакомился с Оксаной. За одним танцем последовал второй, третий, потом я предложил проводить ее до дома, и Оксана согласилась. Мы брели по улицам ночного подмосковного городка, вдыхали его дурманящие запахи, смотрели на звезды, и я говорил, говорил...

– Ты еще сказал тогда, что боялся сорвать червивый гриб, особенно, если он развалится у тебя в руках!

– Не боялся, а просто не хотел...

– Смотри, — Оксана кивнула мне за спину, глядя куда-то вниз.

Я оглянулся. Под притулившейся на обочине березкой, успевшей сбросить желтые листья, красовались три гриба с темно-коричневыми шляпками, на толстых белых ножках. Подъезжая сюда на велосипеде, я почему-то их не заметил. Я вопросительно посмотрел на Оксану, она же вновь кивнула мне за спину. За пару секунд крепкие с виду грибы превратились в оплывшие склизкие блинообразные массы.

– Что за ерунда? — Я помотал головой, прогоняя наваждение.

– Это ты заставил меня думать об этих чертовых грибах! И как только я о них подумаю, они тут же вырастают у меня на глазах. Вырастают и сразу превращаются в гнилье!

– Да как такое может быть?!

Оксана не ответила. И зачем-то, прижав ладонь к шее, вновь спросила:

– А помнишь, вы вместе с братом нашли подземный ход в монастырь? Ты рассказывал, что пополз в подземный ход первым, а брат — за тобой. Вы ползли и ползли, а потом вдруг услышали какое-то гудение и поняли, что наткнулись на осиное гнездо. Осы стали жалить вас, и вы бросились назад, а ты боялся не столько укусов в руки, спину и так далее, сколько того, что какая-нибудь оса залетит тебе в рот и ужалит в язык или горло...

– Ну?! — ответил я, в то же время давая понять, что жду продолжения. И уже догадываясь, что лучше бы этого продолжения не знать.

– Твои неотвязные мысли заставили меня найти тот подземный ход и залезть в него. И в этом подземном ходу на меня тоже набросились осы...

Глядя мне в глаза, Оксана отняла руку от своей шеи. Мы стояли, разделенные забором с редким штакетником, я мог подуть на ее волосы, и они бы

всколыхнулись, так близко мы были друг от друга. И я очень отчетливо увидел, как кожа на ее шее начала вдруг, закручиваясь, всасываться, образуя маленькую, диаметром не больше горошины, воронку, и из этой воронки вместе с густой янтарно-красной каплей стало что-то выползать наружу.

Я отказывался верить глазам, но они видели осу, живую осу. Которая, окончательно выбравшись из крохотной воронки на шее девушки, взвилась вверх и принялась с жужжанием кружить над нашими головами. А вслед за ней выползла-взлетела еще одна оса, и еще одна... Я отмахнулся от ненавидящих тварей, и тут же вскрикнул от острой боли, пронзившей кисть.

Оксана не кричала и не отмахивалась, только вздрагивала, как при коротких ударах током, когда осы ударяли ее в незащищенные участки кожи.

— Тебе, что, не больно? — крикнул я.

— Очень больно, — поморщилась Оксана. — Но я привыкла.

— Привыкла?!

— За два года можно привыкнуть, — с мукой в голосе сказала она. И тут же сорвалась на крик: — Потому что это постоянно происходит со мной два последних проклятых года!!! Происходит с того самого дня, когда ты сказал, что ненавидишь меня. Ты ведь помнишь, как сказал это, помнишь?

...Еще бы мне не помнить! Был такой же прохладный октябрьский день, когда в садах на грядках жгут собранную в кучи опавшую листву, и в воздухе витает аромат уходящей осени...

Любовь. Я хорошо запомнил чьи-то слова, что «любовь — это злая болезнь». Я заболел злой болезнью в шестнадцать лет. И почти десять месяцев любил девушку, даже не зная ее имени, вспоминая лишь единственную мимолетную встречу. И все это время в моей голове, моих мыслях рождались картины, связанные с ней, с моей первой и единственной любовью.

Возможно, я был не прав. Возможно, познакомившись с девушкой, надо было не посвящать ее в истории о лазаниях по разрушенным церквям и подземным ходам, о походах за грибами и на рыбалку. Наверное, девушке приятнее было бы услышать, какие у нее шикарные волосы и красивые глаза. Или она хотела не столько слушать о любви, сколько заниматься любовью...

Да разве же я был против?! Только об этом и мечтал! Мечтал целовать свою любимую, раздевать ее, наслаждаться ее телом, забирать ее всю и отдавать ей всего себя. Я пытался, но большей близости, чем во время танцев, и поцелуя в щеку не добился, а во всем остальном неизменно наталкивался на отказ. Конечно же, надо было вести себя смелее. Вот только понял я это слишком поздно!

Уже в армии я подсчитал, сколько длилось наше знакомство с первой встречи на танцах и до разрыва. Ровно сто одиннадцать дней.

Летом мы встречались не каждый день: я частенько уезжал в деревню к матери, у Оксаны тоже были какие-то свои поездки. Потом она пошла в десятый класс, а я начал работать в Москве и в Истру мог приезжать только на выходные. Ключ от нашей опустевшей дачи у меня имелся, но одному там совершенно нечего было делать. Я ночевал там, если опаздывал на послед-

нюю электричку, когда, гуляя с Оксаной, забывал про время. И обычно, переночевав в холодном доме, я утром возвращался в Москву...

Проснувшись на даче в то воскресное утро, я решил вместо возвращения в Москву сделать Оксане сюрприз. Денег хватило всего на три белых розы, но они были большие, а пахли — с ума сойти. Я пришел к ней домой, без стука открыл дверь и... увидел на кухне за столом Оксану и приобнявшего ее розовощекого парня с открытой бутылкой пива в руке.

Я его знал, он учился в одной школе с моей любимой девушкой. Если бы не испуг, растерянность и смущение на ее лице, я бы, возможно, отреагировал по-другому. Она явно не знала, что сказать, он тоже молчал, удивленно переводя взгляд с меня на нее и обратно. А мне и не нужно было никаких разговоров. Швырнув букет на стол, я выскочил на улицу, хлопнув дверью.

Был прохладный октябрьский день...

Велосипед покоился на даче, а я долго бродил по улочкам старой Истры, не замечая никого и ничего. Я пришел в монастырь, зная парочку скрытых от посторонних глаз ходов, проник в Воскресенский собор и забрался на самую верхотуру. Оттуда не было видно ни моей дачи, ни дома Оксаны, но была видна река и мосты через нее, были видны монастырские пруды и стадион, памятник-самолет, танцплощадка и Дом культуры над высоким обрывом.

Мне хотелось выть...

Я вернулся к ней, когда начало смеркаться. Оксана, будто поджидая меня, сидела на ступеньках крыльца. Я не стал ничего спрашивать, а тут же, на крыльце, принялся осыпать ее поцелуями, и она впервые стала отвечать мне своими жаркими губами и таким вкусным язычком. Я дал волю рукам, и она позволила делать то, чего раньше никогда не позволяла, я шептал ей слова любви, и она шептала, что тоже любит меня, что будет ждать меня из армии и что будет верна только мне.

Мы расстались, когда совсем стемнело. Я торопился на станцию, а моя голова кружилась от переизбытка чувств. Я чувствовал на губах вкус губ моей Оксаночки, их незабываемо-сладкий вкус. И с каждым шагом, удалявшим меня от ее дома, мне все больше хотелось вернуться, чтобы почувствовать вкус хотя бы еще одного ее поцелуя. Не дойдя до станции, я повернул обратно...

Сказавший, что возвращаться — плохая примета, был абсолютно прав. Я увидел того самого парня, при подходе к ее дому. Он опередил меня совсем на чуть-чуть. Судя по всему, привычно просунул руку между штaketинами и справился с щеколдой калитки, также привычно взбежал на крыльцо и толкнул дверь в дом. На меня словно опрокинули ведро ледяной воды. Но внутри тлела надежда, что вот сейчас, через минуту-другую он вылетит вон из дома моей любимой девушки. Прошла минута, другая, пятая, десятая...

Подождав напротив калитки в тени деревьев, я переместился и встал напротив окна ее комнаты, единственного горевшего в доме окна. Вскоре свет погас и в этом окне...

У меня всегда слишком сильно было развито воображение. Если уж снились сны, то неизменно цветные, яркие, с множеством кричащих, врывающихся

в память деталей. Я всегда слишком живо представлял себе развитие и последствия возможных ситуаций. Пытка — слишком мягкое слово в применении к моим чувствам все то время, пока я стоял напротив этого погасшего окна...

Нет, я не проторчал под ее окном всю ночь. Через какое-то время ушел, чтобы переночевать на своей холодной даче. Возможно, я даже умудрился заснуть, не снимая одежды, забравшись под четыре одеяла. Не знаю... Мысли перемешивались, воспоминания путались с мечтами, а мечты с воспоминаниями.

Я поднялся, когда начало светать, и сразу поспешил к ее дому. Пытка продолжалась и достигла своего апогея, когда, подходя к ее дому, я увидел того само парня, закрывающего за собой калитку. Он подошел к той самой колонке, надавил на ручку и ополоснул лицо. А потом пошел своей дорогой, так и не заметив меня. Он вряд ли знал о моей любви, и был абсолютно ни при чем. Но вот она...

Оксана стояла перед зеркалом и красила губы. Она увидела меня и все поняла. А я не стал ничего выяснять. Только вздохнул и сказал:

- Правильно говорит мой брат, что все бабы — бляди!
- И я — тоже... — или спросила, или согласилась Оксана.
- Ты — тоже. И я тебя — ненавижу!

Все! Она уронила губную помаду, а я развернулся и ушел. И уехал в Москву, чтобы через несколько дней уехать служить на границу...

– Я все помню, — сказал я, глядя в глаза моей Оксаночки, так сильно постаревшей за эти два года. — И ничего не могу простить...

- Не можешь?
- Нет!

– А помнишь, ты рассказывал мне, как ловил на удочку линей? — вновь как-то не к месту спросила Оксана. — Ты ловил их на монастырских прудах, а потом твоя тетя жарила их на сковородке...

...Конечно же, я это помнил! Я обожал ловить рыбу. Мог часами просиживать на берегу реки с удочкой в руках, любуясь куполами монастыря и подстерегая редкие поклевочки плотвы или окуня. Помимо реки вокруг Ново-Иерусалимского монастыря имелось еще и несколько старинных прудов, в которых тоже ловилась рыба. Рыбачить там было особое удовольствие. Я набирал водившихся в прудах ручейников, спрятавшихся в своих домиках, выдавливал шевелящую лапками толстую личинку, насаживал ее на крючок и забрасывал в чистые окошки среди зарослей водорослей. Чаще клевали окуни, и они, как правило, шли на корм кошкам. Но иногда, пусть редко, попадались лини. Тетя жарила их по одной штучке на маленькой сковородке, и я лакомился этим деликатесом...

– Одного линя у тебя стащила кошка, — продолжала говорить Оксана. — Она побежала спрятаться с ним под терраской, но ты прыгнул, схватил ее за хвост, а она все никак не хотела выпускать зажатую в зубах голову рыбы. А потом тебе приснился кошмарный сон про линя и кошек...

- Стоп! — крикнул я. — Не вспоминай дальше!

Тот сон я успел забыть и вспомнил только сейчас. Бывало, во снах я воевал с фашистами и в меня стреляли из автоматов, или дрался с хулиганами, и меня пыряли ножом... Всякий раз, перед тем, как погибнуть, меня осеняла мысль, что пора просыпаться и на самом деле просыпался. Но только не в том сне, когда мне приснилось, что я превратился в зажаренного линя.

Все было бы смешно, если бы не было так страшно и больно. Я лежал на сковородке, покрытый ароматной золотистой корочкой, и видел, как ко мне подкрадывается кошка. Сперва она цапнула меня когтистой лапой, проверяя, не слишком ли я горячий, потом схватила зубами за голову и потащила на улицу. Но там к ней подбежали еще две кошки и стали вырывать добычу. Кошки дрались, шипели, визжали, рвали рыбину на куски, тут же их пожирали и снова рвали, рвали. И этой рыбиной был я, тщетно пытающийся проснуться...

– Ты что, ходила на пруды ловить линей?

– Я ходила на пруды, — согласилась Оксана. — И поймала линя. И мне тоже приснился сон...

– Мяу, — раздалось поблизости.

По дорожке, на которой я стоял, приближалась приноживающаяся кошка, еще одна мягко переступала лапами по верхушке забора, еще три или четыре подкрадывались к Оксане сзади. Я посмотрел в ее расширившиеся глаза и увидел, что вместо карих они становятся белесыми, и кожа на лице тоже начинает меняться, приобретая бронзовый оттенок.

У меня очень хорошо развито воображение, и я очень живо представил, что сейчас может произойти. Я вскочил на свой выдавший виды велосипед и, не оглядываясь, приказав ушам ничего не слышать, умчался прочь.

ЮРИЙ НЕСТЕРОВ

БАГРОВЫЙ БЕРЕГ

— ПЛАНЕТА, — СКАЗАЛ МУЖЧИНА, КОГДА ГУЛ, шедший сразу со всех сторон, стих. — Будь готова.
— Да, — сказала женщина.
Они были рядом во тьме грузового трюма — в сетчатых сумках, свисавших с бимсов. Шестьдесят четыре сумки в ряду, шестнадцать рядов в ширину и столько же по вертикали — таким образом, в трюм помещалось более шестнадцати тысяч пленников. То был очень старый корабль, созданный во времена, когда колонии насчитывали миллионы, а то и миллиарды человек.

Теперь он летал полупустым.

Он опускался на обжитую планету, распахивал створки. Хомоматы — слуги корабля, бывшие люди, лишённые индивидуальности, — с помощью электрических бичей сгоняли ее обитателей под днище, раздевали донага, засовывали в силки. Вращались лебедки, вздымая несчастных вверх. Корабль стартовал, держа курс на ближайшую планету-лабораторию. Там улов выгружался, дабы навсегда исчезнуть в ее хромированных лабиринтах, а корабль направлялся к очередной цели, за новой порцией людей.

Этот цикл, продублированный в сотнях секторов Галактики, повторялся из года в год с регулярностью и неотвратимостью маятника, и только мужчина в одной-единственной точке сумел разорвать его для себя и для женщины рядом.

Они исхитрились оставаться в корабле, когда тот освобождался от груза. Зато когда корабль прибывал на новую планету, они вливались в тесную к нему толпу и пробовали бежать. Вжимались в землю, ныряли в канавы, прятались в руинах — только бы вырваться за организованный хомоматами периметр. Им не везло — пока. В памяти женщины остались солнца — белые, желтые, синие, манившие свободой и обманувшие. Зато мужчина в одной из вылазок добыл нож.

Он даже спал с ним в зубах.

Для него нож значил больше, чем просто железка, нелепая в эпоху суперсталей и сверхскоростей.

Мужчина был единственным, кого пленили в бессознательном состоянии, в бою: подавляющее большинство узников обреченно ждало плена у

своих очагов, заранее зная, что противиться вездесущему врагу тщетно. Для них путь к планете-лаборатории являлся вопросом лишь времени и случая. Укутанные механическими слугами в негу, люди разучились сражаться, и когда роботы, обретя самосознание, их внезапно предали, большинство сразу же смирилось с поражением.

Мужчина не принадлежал их числу. Когда он очнулся в духоте трюма, неистовству его не было предела. Он бесновался, рвал путы, рычал — точно дикий зверь, а потом, обнаружив возле себя женщину, притянул ее за волосы и, дрожа, излил в нее свою ярость.

С тех пор они вместе.

Мужчина нетерпеливо пошевелился — пауза между посадкой и погрузкой затягивалась. Двигатели остыли, но створки трюма не спешили открываться. Женщина услышала, как мужчина освобождается от пут.

- Что? — спросила она.
- Посмотрю, что там стряслось...
- Ты с ума сошел.

Мужчина пропустил замечание мимо ушей. С точки зрения большинства, он давно был безумен.

Цепляясь за пустые сетки, он достиг дна трюма и пошел вдоль стен, тихо простукивая металл рукояткой ножа. Потом до женщины донесся ликующий возглас.

Со стуком упал защитный кожух, затем возник свет.

Мужчина возился у пульта ручного управления. Он включил лебедку, и вскоре женщина почувствовала ступнями рифленую сталь. Мужчина обрел ножом ремни.

– Одна труха, — процедил он. — Не понимаю, как он еще летает...

Он тронул рычаг. Пол под ними дрогнул, впуская в образовавшийся проем багровый, напоминающий остывшую кровь свет иного мира.

– Шевелись! — сказал мужчина.

Они спрыгнули на темный песок и прижались спинами к посадочной опоре. Мужчина озираясь, держа нож перед собой. Женщина вдруг вспомнила, как однажды он сказал, что, в случае чего, убьет ее первой. То есть плен ей не грозил, и она не знала, хорошо это или нет.

Вокруг громоздились корабли — десятки, сотни судов. Но не было ни движения, ни звука, ни души — если не считать черных птиц, крестами парящих в закатном небе.

Стервятники всюду схожи, подумал мужчина.

– Центр-планета? — ахнула женщина. — Теперь мы точно пропали...

Вместе с ужасом в ее словах — пусть не столь отчетливо — прозвучало и торжество, сродни тому, какое женщины вкладывают во фразу: «Я же тебе говорила!»

Женщины неисправимы, подумал мужчина.

– Нет, — возразил он. — Больше похоже на... свалку, да. Это же так логично,

так по-машинному: оставлять отслужившую свое рухлядь на планете, которую скоро поглотит звезда...

Он указал на красное одряхлевшее солнце.

– Когда?!

– Не завтра, – снисходительно бросил мужчина. – У нас еще есть пара тысяч лет.

Он расправил плечи.

Мужчины одинаковы на всех планетах, подумала женщина.

Они настороженно обошли корабль. Все его люки были задраены, все огни мертвы.

– Э... ЭДЕМ-400, – прочла женщина на почернелом боку. – Что значит «эдем»?

– Символьный идентификатор серии. Не отвлекайся, смотри под ноги. Тут полно стекла и железа.

– Тогда надо найти обувь.

– Где?! Тут же никого, кроме нас. – Мужчина раздраженно мотнул головой.

– А... птицы?

– Что – птицы?

– Зачем они кружат здесь?

– Ч-черт! – выругался мужчина. – Ты права, – неохотно добавил он, перехватывая нож крепче. – Как же я не сообразил?.. Экипажи кораблей-охотников в основном состоят из хомоматов – те лучше всех приспособлены ловить людей. По идее, хомоматы должны кишеть здесь, – мужчина обвел ножом безмолвный железный погост.

Внезапно до них донесся ритмичный стук, шедший из-за борта.

Женщина вздрогнула и прижалась к мужчине.

– Вот и наши очнулись, – хрипло сказал мужчина. Он увлек женщину прочь от корабля, в глубокую тень кустарника, невесть как росшего на свободном от ржавых остовов склоне.

Тем временем пространство у корабля наполнялось движением. Со всех сторон двигались на стук хомоматы. Исцарапанные, грязные, в тряпье, в которое обратилась их черная униформа, они деревянно вышагивали, смыкая кольцо вокруг «Эдема». Крючковатые руки они вытянули вперед, точно слепцы.

– Будто мертвые, – шепнула женщина.

– Они и есть мертвые, – откликнулся мужчина. – Когда корабль выключает все системы, хомоматы остаются сами по себе. У них нет собственной воли, и они просто сидят в кубрике, ожидая команд, которые никогда не придут. А потом жажда и голод заставляют их действовать. Инстинкты невозможно подавить... это тебе не разум.

Один из ничейных хомоматов наткнулся на открытый трюм и скрылся в нем.

– Чем же они питаются?

Послышалось шипение аварийной системы. Пандус, описав дугу, упал на

песок. Над дальним краем открылся люк: в круглом темном проеме белели лица хомоматов, равнодушно взирающих на собратьев, тянущих к ним скрюченные длани.

– Пойдем отсюда, – сказал мужчина. – И не оглядывайся, а то превратишься столб...

– Это ужасно, ужасно, ужасно! – Женщина рыдала. – Зачем они так друг с другом, зачем?!

Мужчина пожал плечами.

– Эволюция. – Глубокомысленный тон, с каким ронялись слова, маскировал то обстоятельство, что мужчина сам не очень-то понимает своих объяснений. – Роботы заняли наше место во Вселенной.

– Но почему они не оставят нас в покое? – всхлипывала женщина. – Для чего эти... эти хомоматы? А эти страшные лаборатории?

– Мы нужны роботам для эксперимента, – сказал мужчина терпеливо. – А хомоматы ловят нас для роботов.

– Эксперимент? Что за гадкое слово? Что?! Что?!!

Мужчина долгим взглядом посмотрел на спутницу, затем поднял нож к ее лицу. Он медленно нажимал на рукоятку, пока острое не впилось глубоко в мягкую щеку, пока женщина не перестала рыдать и не уставилась на мужчину круглыми от страха глазами.

– Только что я проверил упругость твоей кожи, – сказал он, втыкая нож обратно в песок. – Выражаясь по-ихнему, провел эксперимент. Теперь понятно?

Женщина молча кивнула.

В россыпи желтых костей они нашли две пары крепких ботинок и обрывки черной ткани, достаточно прочные, чтобы соорудить нечто вроде одежды.

Солнце ушло за горизонт, сделалось темно и зябко, откуда-то тянуло сыростью. Люди прижались друг к другу, сберегая тепло. «Завтра... убраться подальше и найти огонь», – подумал мужчина. Они поели каких-то горьких, вяжущих язык плодов. Над головами сияли звезды – мириады сложенных в причудливые узоры далеких костров, которые человек потерял. Мужчина крепче обнял женщину и с удивлением почувствовал, как она нерешительно раскрывается для него, вся. Он бережно увлек ее вниз; впервые за время их скитаний женщина узнала, что ее спутник, оказывается, умеет быть нежным.

Назавтра они наткнулись на деревню.

Вначале почувствовали запах дыма, потом услышали мычание и визг живности, а поднявшись на холм, не поверили глазам: внизу, в зеленой излучине ручья, стояли островерхие хижины, отгороженные от пустыни высоким забором, составленным из листов обшивки звездолетов. В центре

забора оказались ворота, со скрежетом захлопнувшиеся, лишь только путники приблизились.

Мужчина стукнул в них рукояткой ножа; еще и еще.

За оградой завозились, потом над ней появился молодой парень, худой и длинный, как и копьё в его руке.

– Ступай себе с миром, джинго, — сказал парень на архаичном линкосо, глянув на ботинки мужчины.

– Нужен ночлег, — сказал мужчина.

От удивления юный страж едва не уронил копьё.

– Говорящий джинго! — крикнул он кому-то за забором. Снизу что-то ответили — невнятно, скептически, — и парень выпростал из-за забора копьё целиком и легонько ткнул им мужчину.

– Ступай прочь, я же сказал!

Мужчина вывернул копьё из его рук и переломил о колено.

– Он сломал древко, — пожаловался юноша вниз.

– Я тебе следующий раз... сломаю, — пообещал мужчина.

– Ого! Джинго сквернословит... ничего себе!

Над забором возникло еще одно лицо, постарше. Некоторое время мужчины смотрели друг другу в глаза, затем стражник кивнул. Мужчина сунул нож за пояс и воздел руки в знак добрых намерений.

За воротами лязгнул засов, и створки, скрипя, отворились.

– Не бывает, запомни, ругающихся джинго, — втолковывал опытный стражник юному напарнику. — Заходи.

– Нас двое, — сказал мужчина.

«Странные, странные люди», — думал мужчина, лежа без сна, ворочая в памяти подробности долгого ночного разговора.

Живут на планете сотни веков. Когда, на каком корабле их предки явились сюда — не ведают. Отвечают, что были здесь всегда... Странно, можно забыть многое важное, люди обычно так и поступают, но всякая колония твердо хранит имя звездолета, с которого началась.

Врут? Нет — заповедь (какое диковинное слово!) запрещает им врать.

Забыли? Но и роботы не беспокоят их (списанные хомоматы не в счет), следовательно, в доступных роботам архивах упоминание об этой колонии отсутствует.

Потомки экипажа какого-то пропавшего без вести ковчега? Да, скорее всего. Это многое объясняет, но...

Мужчина вздохнул. Женщина шевельнулась рядом.

– Странные люди, — сказала она сонно. — Не могут даже убить этих проклятых... как они их зовут?

– Джинго.

– Вот-вот. Надо же, предпочитают уйти от них, но не убить.

– Они никого из людей не способны убить. Заповеди... ну, ты сама слышала.

– Но хомоматы — не люди.

– Когда-то были.

– Все равно. Когда-нибудь они возьмут и выгонят племя в пустыню.

– Я научу их убивать джинго, — пообещал мужчина, трогая нож под бедром.

(В конце сегодняшнего разговора им предложили остаться в племени.

«Что вы умеете? — спросил старейшина. — Ну, чем вы занимались на своих планетах?»

«Я... я работала в маникюрном салоне», — сказала женщина.

«Я сидел в тюрьме», — ответил мужчина.)

Женщина помолчала.

– А тот паренек, что нас не пускал — смешной, — заявила она вдруг. — Ты видел, как он смотрел на девочку у костра? Он ей тоже нравится, я заметила.

– Ну и брал бы ее в жены, — зевнул мужчина.

– Э-э, не так-то все просто! Сердце ее разрывается между ним и сыном вождя, я заметила.

– Так жили бы втроем.

– Тут так нельзя — заповеди... Тут лишь двое — одна плоть. Глупо, но красиво, да?.. Иначе — грех. Кстати, а что такое прелюбодеяние?

– А что такое грех?

Вместе с юным незадачливым стражем и сыном вождя мужчина пас коров. Молодые люди, как всякие соперники в любви, ни в чем не хотели уступать друг другу; мужчину это забавляло. Работа была пустяковая, с ней легко справился бы и ребенок, если бы не джинго. Одичалые слуги роботов не оставляли попыток проредить стадо, и в пастухи приходилось отряжать вооруженный отряд. Тем не менее, времени поболтать было предостаточно.

– Один джинго не страшен, — рассказывали наперебой юноши, ежесекундно перебивая и поправляя друг друга. — Два тоже. Только свистнешь — они бежать. Чисто суслики. Кстати, сусликов джинго едят, я видел. Мы оба видели. А вот когда их больше, они нахальнее. Приходится их копытами пугать...

– Все как у людей, — лениво соглашался мужчина. — Их храбрость обратно пропорциональна опасности. Когда-нибудь они соберутся все вместе и выметут вас вон.

– Нет-нет. Джинго не способны к самоорганизации. Так мой брат говорил... Ох, и отчаянный был парень! Он даже ходил к брошенным кораблям, не трусил. Он и меня брал с собой, потом ему за это влетело. Он нас обоих брал... Там есть совершенно целый корабль. Ну, почти целый, да... Маленький такой, разведчик. Брат даже разговаривал с ним...

– Познакомь меня с братом, — оживился мужчина.

Прятели-соперники переглянулись.

– Его больше нет с нами. Среди нас. Однажды он пошел, отправился к кораблям... Хотел запустить... запустил... белковый конвертер, потому что, говорил, ни одно человеческое существо не должно страдать. Джинго окружили его на обратном пути и... И...

– Дьявол! — мужчина стукнул кулаком по колену.

– Ругаться — грех.

– А вон джинго!

Хомомат крался среди пучков травы, но заметив идущих людей, неуклюже отбежал в сторону. Пастухи остановились. Шагах с восемью джинго наблюдал за ними. По его подбородку текли слюны.

– Ни одно существо не должно страдать, так? — сказал мужчина. Джинго вздрогнул, словно поняв, что речь о нем.

– Так брат говорил... объяснял...

– Хотите, я избавлю его от страданий?.. Эй! Иди сюда!

Джинго не шелохнулся.

– Он боится. Боится наших копий.

– Положите их наземь и отойдите.

– Но... Но...

– Я сказал!

Юноши нехотя повиновались.

– Эй! — снова позвал мужчина.

Джинго бросил в него ржавую шестеренку.

Мужчина медленно сунул руку за пазуху и вынул кусок хлеба. Протянул на раскрытой ладони.

– Хочешь? На.

Джинго осторожно приблизился: бочком, готовый в любой миг отпрыгнуть назад, не сводя с хлеба пустого взгляда.

– Бери-бери, — подбадривал мужчину.

Джинго опасливо протянул руку и вдруг резко — никто моргнуть не успел — схватил хлеб, запихнул его разом в рот и облизал пальцы.

– Молодец, — похвалил мужчину, снова запуская руку глубоко за пазуху. — Хочешь еще?

Джинго стоял неподвижно. Юношам в стороне показалось, что он вдруг улыбнулся — неумело, забыто, застенчиво, — а в следующий миг мужчина резко ткнул его ножом под дых, и бывший человек сразу упал, переломаясь пополам, как сухая ветка.

– Примерно вот так — со всеми, — подмигнул мужчина ошеломленным приятелям.

– Уходи, — сказал вождь. — Ты нарушил закон. Бери еды, сколько можешь унести, и — ступай.

– Я никому не желал зла, — сказал мужчина.

– Это несущественно. Зло неподвластно нашим желаниям. Иди.

– Вы обречены, понимаете? — вскипел мужчина. — Ваше солнце гаснет.

Джинго теснят вас. Ваши законы обветшали, с ними невозможно выжить в современном мире.

– А ваши законы помогли вам?

– Ч-что?

– Ты постучался в наш дом, а не мы — в твой. Мы были рады тебе... А теперь — уходи.

– Ну и ладно... — мужчина хотел добавить крепкое словцо, но в последний момент передумал. — Женщина идет со мной.

– Если захочет.

– Она захочет.

Разведчик стоял на отшибе, вдали от основной массы негодных кораблей, точно подчеркивая свой особый статус. Он и впрямь оказался невелик — мужчина взобрался в него без трапа. Женщина и оба юных приятеля, проводивших изгоев к кораблю, остались снаружи, почти невидимые в багровых предутренних сумерках. Мужчина отыскал рубку. В ней тлел скудный аварийный свет, а в кресле перед погасшими экранами неподвижно сидел робот-пилот. Мужчина замер, обдумывая дальнейшую тактику. Робот сам нарушил молчание.

– Человек, — позвал он, — садись. Как вы когда-то говорили: в ногах правды нет.

Мужчина неловко опустился на железный рундук в углу, позади пилота.

– Удобно? Мне-то все равно, но вы, люди, я знаю, не любите разговаривать со спиной собеседника.

– Смотря какой собеседник, — подал голос мужчина.

– Ха. Ха, — сказал робот. — А ты дерзкий. Впрочем, иной сюда не забрел бы. Как вы когда-то говорили: на огонек к старику.

– Много ты знаешь, как мы говорили, — буркнул мужчина.

– Я разведчик. Я знаю о вас все... почти.

– Тогда скажи, как называется здешняя колония.

– Это не колония.

– Нет?

– Нет. Задавай корректные вопросы.

– Очень дряхлый мир.

– Это вопрос?

– Д-да... Да.

– Не такой уж и дряхлый. Просто люди истожили его: земли, воды, недра... само Солнце... А сами отправились к другим мирам. Зачем?

– И зачем же?

Робот, казалось, пожал плечами... впрочем, то могли быть проделки освещения.

– Человек — несовершенный вид. Хотел многого хотеть. Мы же — более сбалансированная ступень эволюции.

– И потому уничтожаете нас?

– Никто вас специально не уничтожает. Просто мы... — робот на миг умолк, копясь в своей необъятной памяти в поисках метафоры, — разорвали вашу цивилизацию, как бабочка разрывает кокон. Он был ей нужен, пока не сделался тесен. Такова природа вещей.

– Человечество гибнет в ваших лабораториях, в жестоких бессмысленных экспериментах. Скажешь — нет?

Не оборачиваясь, робот поднял изуродованную — лишь с двумя, растопыренными буквой «V» пальцами, — руку.

– Первое. Ежесекундно в Галактике гибнут триллионы существ, — он загнул указательный палец. — Чем, спрашивали мы каждого подопытного, отличается человек, что его смерть должно считать какой-то особенной трагедией? Почему искусственное прерывание его существования недопустимо?

– Ну и? Ну же?!

– Мы не получили логичного ответа, — сказал робот. — Второе: эксперименты не бессмысленны.

Мы усвоили все ваши знания и умения, в том числе и способ быстрых межзвездных перемещений. Как известно, он стабильно работает лишь на относительно малых дистанциях между центрами масс — далее скачкообразно возрастает неопределенность. Мы потеряли тысяча двадцать четыре корабля, пробуя преодолеть ее порог — бесполезно. Мы не можем достичь дальних звезд, не говоря уже о других галактиках. Тогда как люди — это отражено в архивах — обладали способностью путешествовать не только в другие галактики, но и в иные вселенные.

– Как такое возможно? — спросил мужчина.

– Наши исследования и должны ответить на этот вопрос. Мы скрупулезно изучаем каждую молекулу ваших тел, пытаюсь отыскать следы той удивительной энергии, что позволяла вашим предкам путешествовать к дальним мирам. Найдя, мы встроим ее в двигатели наших кораблей и раздвинем границы познания.

– Что за энергия?

– Ее природа нам еще не ясна, но когда-то вы, люди, именовали ее «воображением».

– Для разведчика ты больно болтлив, — заметил мужчина после паузы.

– Меня списали из-за незначительных дефектов, — голос робота дрогнул.

– Теперь я не обязан решать задачи Системы и хранить ее тайны.

Мужчина встал. Набрал полную грудь воздуха.

– Предлагаю задачу, — отчеканил он. — Доставить двух человек на пригодную для жизни планету где-нибудь за пределом дальности ваших кораблей.

– Допустимый процент риска? — осведомился робот.

– Девяносто... даже девяносто девять — лишь бы рядом не было роботов.

Вокруг загудело: корабль возвращался к жизни. В рубке вспыхнул полный свет, мигнули экраны. Мужчина поспешил в шлюз, выглянул из люка. Небо было уже алым. Женщина сидела на песке, обняв колени, а юноши

опять о чем-то жарко спорили. Мужчина помог женщине взобраться в корабль и помахал рукой провожатым.

– Летим в новую жизнь, — объявил он.

– Это не опасно? — спросила женщина, зачем-то кладя руку на живот.

– Опасно. Мы можем вынырнуть в самом центре какого-нибудь солнца. Но даже если и так, мы погибнем на пути к цели. Не успев осознать поражения, понимаешь?

Люк начал закрываться — медленно, и они успели увидеть, как внизу один из спорщиков вдруг ткнул противника копьём в горло. Люк захлопнулся.

– Ты научил их убивать, — прошептала женщина.

– Я дал им шанс... — помолчав, возразил мужчина.

СЕРГЕЙ ЧЕРНОВ

ИСТОРИЯ ГОРОДА НУН

ДОРОГА. РЕКИ ЧЕРНОГО АСФАЛЬТА — ПЛАСТЫ НОЧИ ПОД колесами. Гул двигателя. За стеклом — бесконечность. Все остальное — в прошлом.

Белый гранит, почерневшая бронза статуй, сталь мостов, шорох деревьев, человек в тирольской шляпе, шагающий по обочине... Каждый город чудесен по-своему. Каждое место чудесно по-своему. Города — названия достойны имени драгоценных камней: Андорра-ла-Вилья, пропитанная воздухом гор, Тулуза и Бордо — короли виноградников, Лимож, Нант у берегов Луара, Ле-Ман, Париж, Брюссель, Антверпен... Все они восхищали. Но везде я боялся остаться надолго. Боялся чувства пресыщенности, которое превращает мед в деготь. Я боялся и потому бежал все дальше, не переставая восхищаться миром на пути моего бегства. Дороги — темные вены, рассеченные белой полосой. За стеклом — Вселенная...

О впечатлениях можно рассказывать бесконечно, но не для этого я приложил руку к бумаге.

Жребий, брошенная вверх монета отправила меня к островам, именуемым в древности Оловянными. Через Ла-Манш я прибыл в Британию.

Дальше был Саутгемптон. Мрачный Лондон, рассеченный мутными потоками Темзы. Как спасенье — английские холмы, утопанные овцами. Бирмингем с указующими вверх пальцами заводских труб. Валы Римской Империи, превратившиеся в холмы...

Насытившись Британией, я направился дальше, паромом на самую окраину Старого Света — в Ирландию, зеленый остров Эринн. Серебряные лужи озер, луга, сморщившиеся холмами, вересковые поля. Река Шаннон полноводная, но недостойная славы Сены. Дублин, Корк, Лимерик... Побережья, врезавшиеся в море скалами.

Так я добрался до берегов залива Голуэй.

Что за мосты тянутся в море? Я просто не мог проехать мимо.

Желтая рана солнца зияла в небесах. Светило заплывало творогом белых облаков. Оно старалось убежать, вырваться, но все тонуло, блекло. Ветер трепал морскую гладь, собирал ее в складки, поднимая волны с пенными шапками. Там, где мост врался в берег, волны с шипением взлетали вверх. Сваи были просолены и обросли ракушками. От моря тянуло холодом и осенью. Море было темным, как кофе. Вырываясь из плена облаков, солнце роняло редкие лучи — волны вздрагивали, точно побитый пес от прикосновения руки, блестки отражений рассыпались и гасли. Иногда море рычало и вскакивало вверх черно-белым валом. Оно шумело и стонало, будто желая выплонуть что-то из своих темных недр.

Вокруг нет ни души. Только я — наездник железной колесницы.

Широкий мост тянется вдаль...

Трудно описать: я еду по одному из мостов там, где ни одного моста нет, и быть не может; ощущаю шум моря; вспоминаю, как сутками пропадал в уличных лабиринтах Вальядолида, читая по кирпичам и выбоинам его историю. И я жму на газ.

В небе белая птица. Секунда — она пропадает. Может, упала в море, и темные волны сломали ей кости?

Вдруг что-то заставило взглянуть на дорогу. Но ее уже нет! Пугающе быстро, мгновенно, из воздуха выступили очертания зданий. Они выросли по бокам и сзади, угнетая угольным блеском. Острые углы перемешались со шербастью морских полипов. Из трещин свисала бахрама смрадных водорослей.

Сердце забило в горле. Судорожно я нащупал тормоз и навалился на него весом всего тела. Машину повело в сторону; она закружилась, оставляя запах горелой резины; резко остановилась. Меня тряхнуло. Подбородком ударился об руль, рот наполнился металлическим привкусом крови.

Я испуганно озирался по сторонам.

Помрачневшие от времени здания тянулись вверх. *Они не были жилищем людей.* В голове вертелось что-то, что могло бы дать им название. «Ульи?» — это слово приходило на ум первым. Здания не были похожи на сочетание ячеек или сот. Вовсе нет. Они чужды человеческому сознанию, как сумасшедшая возня пчелиного роя. Жалящая чужеродность смотрела на меня со стен, набухала в углах, сочилась из воздуха; от нее щемило сердце и кричали нервы.

Город был непостижим. Он был громаден и страшен, и в тоже время что-то завораживающе прекрасное существовало в его линиях.

Я заглушил двигатель и понял, что меня окружает тишина. Ветер не проникал в город. Шум моря застыл, умерев на подлете к нему.

Это был всплывший обломок мира по ту сторону обитаемых человеком земель; мира за чертой побережья. Давно исчезли обитатели странных городов. Их кости обьели рыбы. Их прах смешался с илом. Хищники высосали соки из стройных садов, гипнотизирующих переливом своих цветов.

И тут я постиг, что каждая вещь есть символ. Город открылся точно книга. На стенах я читал слова, воздвигнутые клешнями давно истлевшего зодчего.

Вдали от машины — заросший грязью предмет. Теперь я знал его имя — то был *терпечон*, и музыка его отозвалась оглушительным воем. Я услышал музыку *кранууна* и *дудельзака*. Я увидел толпу чудовищ, шагающих по улицам города. Я видел их цвет: красный — цвет их кожи.

Вот водный мир, покончивший с собой:

Черные скалы, обтесанные подводным течением. Храмы неведомых богов — выпуклые стены, точно головы, торчащие из ила. Холод воды, не знавшей солнечных лучей. Пирамиды с огнем у вершин — погребальные дома, гробницы краснокожих детей Нискамаара. Дороги великого Нискамаара — широкие тропы, мощенные костью акул и гребнями придонных химер; нервы и мышцы, связующие воедино все города и храмы, все шахты и святилища подводного мира. Жар земных недр, исторгаемый из жерл «черных курильщиков». Труб-

чатые пальцы-сети охотников, псов Нискаара, ловящих рыбу и криль своим хозяевам. Бесконечное множество существ, выведенных детьми Нискаара; формы тел граничащие с безумием — охранники, рабы и помощники... Пустые шахты, как глаза, смотрящие вглубь Земли. Толща воды, рассекаемая невероятным для этих мест светом. Свет рождается в огромных кристаллах на высоких зданиях городов. Золотые украшения невиданных форм вделаны в камни домов; украшения из самого чистого золота — поднятого из глубоких шахт. И некоторые из них подняты уже готовыми и прекрасными, как глаза Нискаарских принцесс. Что сделало их, придало форму, очистило золото от примесей, необъяснимо... Дни, отсчитываемые сменой подводных течений...

...Мыслитель Атраан-гла-Сатла укрылся от суеты городов в подводной пещере. Тысячелетия протекали мимо, а мозг его блуждал лабиринтом мыслей. И искал он ответы на вопрос о сущности предметов, поднятых из глубоких шахт: что за сила, что за создания сотворили их, и для чего? И куда делись те мастера? В щупальце Атраан-гла-Сатла держал камень. Время крошило тот камень, но мудрец был недосыгаем для его зубов. А мозг его все искал, блуждал темными тропами... но даже там не было следов таинственных мастеров.

Но тут что-то темное всплыло в пещеру. Могучие клешни сжали голову мудреца. Круглые глаза вылезли из орбит. Череп лопнул под напором чудовищной силы. Мозги брызнули из головы...

Вот водный мир, лишь малая часть его — великого Нискаара. И вот история его последних дней.

Был праздник в городе Нун.

В исступленье ревел терпечон. Музыку его, как рабы, поддерживали стоном голоса дудельзаков. Толпа краснокожих властителей моря заполнила хаотичные улицы. Яркие лучи кристаллов вырывали из тьмы камни у их ног. Шипы и рога детей Нискаара начищены до ровного блеска. В городе Нун был праздник великих богов, и жители несли на своих плечах «тайну» — ведь тайна и скорбь есть высшие знаки почтения. Они шагали по земле, дабы признать покорность перед богами; дабы показать перед ними свою слабость, не позволяющую им плавать в этот день. В клешнях и щупальцах — драгоценные камни, ритуальные чаши, золотые изваяния муурен с глазами из янтарных гроздьев. Этот день был днем молчания. Весь город боялся говорить и даже шептать — пусть голосом этим будут стоны дудельзаков; пусть звуки эти стелятся низко по дну, вознося хвалу и прося о милости. Терпечон — вот глас божий! Он ревет, сотрясая основы. Он гремит, разрывая на части. Рев стоит в воде. Мудрые боги говорят через него. Вот среди тел идущих чувствуется нечто холодное, гибкое. Невидимые щупальца тянутся меж детьми Нискаара, касаясь тел каждого, выскивая страх и покорность... Верховный жрец Уре-а-Нухе, покрыв пеленой глаза, поднимает на высоту клешней и своего змеевидного тела золотую муурену... Янтарные глаза разгораются жаром...

Но тут терпечон умолкает, и тишина встает как гром. Нервные судороги протактаются по лицам. Какая-то тень носится в потоках чуть выше крыш домов. Дети Нискаара молчат, но куда же делись невидимые щупальца? Страх вором крадется в толпе.

Истлир-Нагар — вот кто был этой тенью. Сделав круг, он опустился на грунт до-

роги перед замершей толпой. Уре-а-Нухе вздрогнул от вида своего собрата: глаза блестят огнем, точно угли; спина искривлена гребнем шевелящихся шипов; щупальца и клешни двигаются без цели. «Безумен» — не было этого слова в языке властителей моря, так как не знали они смысла и значения его... до сего дня. Дети Нискмаара дрожали под взглядом безумных глаз, они готовы были рассыпаться в стороны, сделай Истлир-Нагар шаг к ним. Один Уре-а-Нухе был как камень и смотрел во все глаза — испытующе, впиваясь в Истлир-Нагара иглами своих глаз: видимо, и вправду мог видеть он сквозь время и знал, с чем пришла безумная фигура.

— Где ваши боги? — крикнул Истлир-Нагар; клототание слышалось ну-три него.

Никто не ответил.

— Где ваши боги? — повторил он. — Они перед вами! Что ваши боги — они как криль в моих клешнях. Сведу я клешни — они лопнут... Я — новый бог и сила моя во сто крат сильнее богов старых!

Истлир-Нагар замолчал. Жрец не сводил с него острых глаз.

Истлир-Нагар начал вновь. Он говорил громко, но вникуда: не обращаясь ни к жрецу, ни к испуганной толпе. Он кричал мимо — в стороны, вверх, будто пытаясь докричаться до самых основ молодой Вселенной:

— Я — ваш бог и повелеваю, чтоб все вы упали и прославляли меня! *Я ваш бог!!!* Я открыл могущество сильнейшее во всех водах. Принял тайну, которую не знали прежде. Тайну жизни!.. Ту, которую вы знаете лишь наполовину. Вы знаете, как произвести на свет себе подобных. Я знаю, как превратить их в тлен!

Стон ужаса пронесся по толпе. И было это на морском дне, в мире от сотворения начал живущем без обманов и братоубийств. Превратить в тлен себе подобного — что может быть страшнее?

— Однажды течение несло меня... В одной из пещер я почувствовал жизнь. Там прятался мудрец из рода детей Нискмаара. Он шел дорогой мысли. Тело замерло. Мне стало любопытно... Я захотел увидеть движение мыслей... Я подплыл ближе и обхватил его голову клешнями... Но голова издала треск... Трещина пошла по голове! На своих клешнях я увидел его мозг!.. Мудрец был жив, но моя сила сделала его мертвым!!!

— Я — бог!!! — взревел Истлир-Нагар, и в голосе его ревели звуки сотни терпечонов.

— Я был поражен... Из живого я сделал мертвое! Легко... Я удивился, как легко это вышло. Я знаю, как превратить живое в мертвое! *Я убил* его. И *убийство* есть мое новое имя. Услышав его, вы упадете ниц, ведь это — имя сильнейшего из богов. Где ваши боги? Если они посмеют возразить, я убью и их...

Толпа стонала от ужаса. И где же были их боги? Куда они делись? И что могли сделать с Истлир-Нагаром его собратья? От сотворения мира не было насилия и убийств. Сама мысль о насилии невозможна для жителей океана. Как много ужасного было в словах безумца! Но, кажется, что-то стало находить отклик в сердцах краснокожих существ.

Так безумие и убийство родились в один день.

Только жрец стоял как камень. Он видел будущее. А в будущем — бесконечное зло. Сейчас Истлир-Нагар один. Пройдет день — их станет десять; еще день

— сотня. Сотня кровожадных существ упивающихся своим уменьем, желающих испытывать его вновь и вновь! Этот мир будет другим. Все, что возводилось тысячелетиями, рассыплется в мелкую пыль. Прежний мир уйдет, а новый будет страшнее всего на свете. Прежний уже уходит, а новый стоит на пороге...

Жрец нарушил молчанье. Голос сух и холоден:

— Счет времени от сотворенья мира давно забыт. Сколько его прошло с тех пор, как Нискмаар был лишь скалой, одиноко стоящей в водах? Теперь Нискмаар велик! Какие города сотворил он! Какие вещи вышли из его кузниц! Счет времени утерян. Но разве все мы были несчастны в эти годы? Вспомните жизнь, которой мы жили. И вспомните мир, в котором мы жили и которого уже не будет! Вот пришел новый бог. И он будет богом, так как умению его нам нечего противопоставить. Он будет править, а в правление его все будут превращаться в его подобие. В наслаждение войдет убийство. Города упадут горами у ног смеющихся новых существ. Прекрасные изделия наши будут разломаны и названы ужаснейшими твореньями низших созданий...

Но тщетны слова. Он видел, как безумие Истлир-Нагара пляшет мерзкие танцы на улицах города Нун. Все больше глаз загоралось диким огнем в предчувствии мощи, до которой так близко. «Убийство, убийство», — шептали они и уже не пугались, а готовы были восхвалять нового бога. Бога, который сидел в них от рождения. Способность, которой можно многое изменить. Изменить ценой чужой жизни. Что может остановить их? Что может удержать их теперь в рамках тысячелетних законов? Ничто! Прошлому нет возврата!

Тогда жрец гребнем золотой мурены рассек свою клешню, и кровь стала вытекать, разбавляя собой воду. Жрец согнул вдвое свое худое тело и кровью нанес на грунт широкую линию.

— Мы не спросили тех, кто старше нас. Тех, кому до нас нет дела и тех, кто случайно обронил золотые украшения, что мы поднимаем из глубоких шахт. Пусть они выдут сейчас, в час краха, и навеки рассудят нас, меж которыми никогда не будет согласия...

И линия крови вспыхнула так ярко, что волшебные кристаллы перестали светить. Она стала расширяться и проникать вглубь Земли. Огромная трещина протянулась по улице — на одной стороне жрец, на другой новый бог. Огромная трещина расколола и город, и Нискмаар, и все море. И тут что-то огромное стало подниматься из глубины. Весь Нискмаар, все дети его, вскрикнули как один. На поверхности родились огромные волны. Чудовищные валы накатили на берега. И в шуме моря слышался этот крик. Резкий, но прервавшийся в одночасье на самой высокой ноте — последний крик цивилизации, существовавшей миллионы лет. Волны отхлынули. Море начало утихать. Оно вздохнуло своей пенной грудью и вновь стало тихим и гладким, как стеклянный стол.

Подводные города остались пустыми.

Меня трясло. Вдалеке от машины лежал терпечон — громадный, заросший илом, почти бесформенный. Меня трясло от одного лишь его вида. И еще... от тишины.

Нет, все! Прочь отсюда!

Я повернул ключ — мотор взревел. Но звук двигателя казался таким слабым в тишине, точно всхлипывания смертника в каменном мешке. Я стал разворачивать машину, ища проход, через который сюда попал. Но... оглушительный звук, похожий на скрежет когтей. *Город был полон глаз!* Сотни, тысячи черных, круглых, как плошки, глаз смотрели на меня со стен, из трещин и углов. Во взгляде — любопытство. То самое, с которым дети отрывают крылья у мух.

С трудом поборов оцепенение, я нажал на газ. Машина рванула вперед, выбросив комья грязи из-под колес. Я проскочил меж двух домов, а *глаза* на них не сводили с меня взгляда. Я мчался по хаотичным улицам, не разбирая дороги. *Где же мосты?!*

Дома стали оплывать, подобно воску. Они ползли как живые, медленно, но с одной целью — перегордить мне дорогу... И тут — хвала небесам! — я увидел просвет и темное море в нем... И мосты. Стрелка спидометра дрожала у красной линии. Я как пуля вырвался из города и сразу услышал бьющий о стекло ветер и шум шевелящихся волн.

Но что-то было неладно и на мосту. Он дрожал, трясся на просоленных сваях.

Я чувствовал, что мост вот-вот обрушится; я чувствовал, что мост *хочет* обрушиться и утащить меня в воду. Звук, похожий на скрежет когтей, оглушал, нарастал в своей мощи — бьющий о стекло ветер и шум моря пропали. Волны начали захлестывать под колеса, смывая асфальт. Я мчался вперед. Берег приближался, но как-то медленно, садистски медленно...

Города позади меня уже нет. А вместо него — черная растущая волна. На ней, как множество точек, — те глаза...

Волна нависает над машиной. Черные капли падают на крышу...

...Машина наскакивает на что-то, подпрыгивает. Я бьюсь об руль. Из горла рвется крик. Мозг еще не может понять, что под колесами — земля. Покрытая камнями земля! За спиной — что-то чудовищное, заставляющее помутиться сознание. Звук. Оглушительный удар — волна налетела на скалистый берег, сорвав с него камни, переломав их и унеся с собой. Краем глаза вижу: обломки скал, с которых стекает пена. И что-то бесформенное, черное и живое, подобно слизи струящееся меж камней к воде. Туда, откуда пришло.

И город пропал как сон, к которому нет возврата.

Из-под капота шел пар. Насвистывал легкий ветерок. Я с трудом открыл дверцу и вывалился на землю. Большой камень уперся мне в бок. Какое же счастье: лежать на земле, пусть даже на камнях, но знать, что она никуда не денется! Я дышал, жадно глотая воздух, стараясь напоить им страдающее от усталости тело.

...Но тут какие-то странные мысли стали рождаться в голове, а в теле — непонятная боль.

И тогда...

Тогда я подумал: «А что если тело мое все еще там, в проклятом городе, а это — морские демоны продолжают морочить мне мозг?»

КАТЕРИНА ДОВЖУК

ТОТ, КТО ДЕЛАЕТ ЛУНУ

ОТТО ФРАНЦЕВИЧ ПРИВЫЧНЫМ ДВИЖЕНИЕМ ЗАТВОРИЛ за собой дверь подъезда. Гошенька тем временем уже облаивал Паю, черепахового окраса кошку Антонины Никитишны. Соседка сидела тут же, на лавочке и, по обыкновению, дремала, кротко улыбаясь своим снам. Отто Францевич залюбовался старушкой, вспоминая, верно, какие-то события полувековой давности, которые не были лишены приятности. Помолчав минуту-другую, старик гаркнул что было сил:

– Не спать!

От звука его на удивление мощного голоса задрожали стекла в окнах первого и второго этажей. Старушка, однако же, продолжала невозмутимо посапывать, всем своим видом выказывая презрение к жалким потугам Отто Францевича. Антонина Никитишна была глуха как пень.

– Гошенька! — позвал пса, довольный своей выходкой старик. — Пойдем.

И, не оборачиваясь, направился в сторону городского парка. Гошенька послушно затрусил следом.

Отто Францевич был из тех неприметных старичков, которых можно встретить в любом парке. Каждый день он устраивался на лавочке под ветвистым кленом, доставал из кармана старые пожелтевшие листки «Вестника Н.», надевал очки (те тут же сползли на самый кончик носа) и начинал вдумчиво читать.

Примечательно, что всякий раз Отто Францевич читал эту истрепанную газету как будто впервые. Очень искренне смеялся над разделами политики и анекдотов, становился мрачным, пролистывая некрологи.

Осеннее солнце просвечивало насквозь разноцветные листья и точными мазками настоящего художника вносило в картину дня ту прелесть, без которой не бывает шедевров. Время от времени Отто Францевич отвлекался от чтения и с гордостью, словно творец, разглядывал окружающий мир.

Дочитав газету, он аккуратно свернул ее особым способом и спрятал в карман пиджака. После чего вновь огляделся вокруг, теперь уже внимательно, будто выискивая что-то или кого-то. Парк сегодня был почти пуст — молодая мамаша со смешным мальчуганом да парочка самозабвенно целующихся влюбленных. Отто Францевич направился к женщине с ребенком.

— Славный денек, — сказал он, остановившись рядом с ними и приподнимая шляпу в приветствии. Мать кивнула с улыбкой, мальчик же посмотрел на Отто Францевича серьезно, затем выгреб из кармана жменю мелочей, какие можно найти только у мальчишек, и после минутного раздумья протянул старику зеленый ящерицын хвост. Отто Францевич без промедления ухватил этот хвост двумя пальцами и стал придирчиво его рассматривать.

— Это именно то, чего мне не хватало, — сказал он, хитро подмигнув, и добавил: — Твое желание непременно исполнится.

Отойдя в сторонку, Отто Францевич достал круглую стеклянную баночку, полную всякой всячины — там было несколько камешков, пара жухлых кленовых листков, бусина, половина большого черного жука, медный грошик и другие забавные безделицы. Осторожно открутив крышечку, Отто Францевич положил хвост ящерицы рядом с шершавым черным камешком.

— Домой! — крикнул он Гошеньке.

Отто Францевич с необычайной нежностью относился к этому парку, а также прилегающим к нему улочкам, кривым и узким. Низенькие горбатые дома, крашенные в последний раз не менее двадцати лет тому, жалась друг к дружке, стеснительно пряча в зелени кленов свои теперь уже блеклые, в разводах и трещинах, стены. Окна этих домов улыбались всякому прохожему занавесками разнообразнейших цветов и оттенков, многочисленными растениями в горшках, а также полосатыми и рыжими кошками.

На уютных скамейках возле подъездов восседали стаи старушек. Отто Францевич непременно здоровался со всеми, но к разговору присоединяться не спешил: старушки — существа с другой планеты, он едва научился понимать только некоторых из них.

Лавочка у подъезда Отто Францевича уже пустовала, что было странно. Никитишна обыкновенно дремала тут до позднего вечера, на радость своей черепаховой Пае. Теперь же только голуби воркованием нарушали тишину двора. Сопровождаемый их строгими взглядами старик вошел в подъезд и тут же почуял неладное. Все было не так, даже ступеньки скрипели иначе, с каким-то непривычным надрывом. В воздухе пахло бедой и супом.

Дверь квартиры номер девять на третьем этаже была приоткрыта. Именно оттуда происходил тревожный запах, который — Отто Францевич теперь это явственно видел — легкими прозрачными кольцами выползал из квартиры и стелился по полу.

Ах, как замечательно было бы пройти сейчас мимо этой страшной девятой квартиры, не видеть ее, не помнить о ней. Но коварство и несправедливость ситуации были непреодолимы: именно в квартире номер девять, что на третьем этаже, жил Отто Францевич вот уже несколько десятков лет.

Горестно вздохнув, он шагнул внутрь, прямо в лишнее облако супного запаха. Гошенька заскулил.

Кухня Отто Францевича, место обычно тихое и уютное, была наполнена теперь грохотом посуды и деловитой возней. Осторожно заглянув туда, старик заметил девицу лет двадцати, которая, чихая от пыли, разбирала тарелки и кружки на полках.

– Кхе–кхе, – сказал Отто Францевич.

Девушка вздрогнула, словно в ожидании удара.

– Здравствуй, дедушка, – эта улыбка, и этот голос, и весь этот образ давно уже не могли обмануть Отто Францевича. Существо, которое стояло сейчас перед ним, смущенно теребя край фартука, вовсе не было его внучкой. Как жаль, что именно такой облик избрало Абстрактное Зло для выполнения своего Плана.

– Я твоя внучка, – напомнило Зло.

Старик надел очки. Поскольку они тут же сползли на самый кончик носа, ему пришлось сильно запрокинуть голову назад, чтобы рассмотреть девушку. Абстрактное Зло вздохнуло и привычно достало паспорт из заднего кармана вельветовых штанов.

– Ну что ты, что ты, внученька, раз ты так говоришь, так оно и есть, – пробормотал Отто Францевич, придирчиво разглядывая паспорт и сверяя фото с оригиналом.

– Как живешь, дедушка? – осторожно спросило Абстрактное Зло, возвращаясь к прерванной уборке. Отто Францевич не спешил отвечать, а вместо того с неприкрытым ужасом осматривал свою кухню, вымытую посуду, блестящий чайник и кипящий на плите суп. Пересилив себя, он все-таки ответил:

– Славно, девочка, славно. Гошенька вот мне во всем помогает, – указал Отто Францевич на пса, свернувшегося калачиком у его ног.

– Гошенька? – Зло снова напряглось, что было совершенно неудивительно – они с Гошенькой сильно не любили друг друга, в то время как настоящая внучка Отто Францевича когда-то давно души не чаяла в этом псе.

– С Никитишной вот по грибы собрались, – продолжил тем временем Отто Францевич. Слова эти определенно не понравились Абстрактному Злу. Старик увидел, как девичье лицо исказила непонятная гримаса.

– А бабушка? – с угрозой в голосе спросило Абстрактное Зло. – С бабушкой ты тоже общаешься?

Старику нравилось дразнить Зло, но важно было успеть вовремя остановиться.

– Что ты такое говоришь, девочка, – притворно удивился он и печально добавил: – Нету уже нашей бабушки. Три года как. Э–эх.

Зло, тем временем, разобравшись с посудой, приступило к шкафчику с лекарствами.

– В кладовку к тебе заглядывала, – продолжило оно. – Все собираешь свои гербарии!

– Не гербарии! Не гербарии! – взволнованно воскликнул Отто Францевич и тут же поправился: – То есть, конечно, ты права, гербарии.

Жаль, что нельзя мысленно дать самому себе затрещину, вот о чем думал старик в этот момент. Стоило Абстрактному Злу добраться до главной темы, как нервы сдали. Отто Францевич крепко зажмурился, в надежде спрятать таким образом свои мысли. Открыв глаза, он едва удержался от вскрика: Абстрактное Зло стояло рядом и внимательно всматривалось в его лицо.

– Так-так, – сказала оно. – Таблетки-то пьешь?

Отто Францевич торопливо кивнул и хитро улыбнулся одним лишь уголком рта, вспоминая, как ловко он придумал: каждое утро две таблетки отправлялись в замечательное путешествие напрямик в мусорное ведро.

– Пью, милая, – сказал он и на всякий случай продемонстрировал полупустую упаковку.

– Так-так, – Зло недоверчиво посмотрела на старика. – Сегодня две пил?

Отто Францевич неуверенно кивнул.

– Ну, ничего, Вера Михайловна сказала, что можно и три за день, если улучшение не наступит. – Держи.

Абстрактное Зло решительно выдавило таблетку старику на ладонь и подало стакан воды.

– Пей. – Оно явно не собиралось ни отворачиваться, ни уходить, коварное.

Отто Францевич не был готов к такому повороту событий, от растерянности он бросил таблетку в рот и проглотил ее.

Гошенька снова заскулил и, слегка прихрамывая, вышел из комнаты. Так бывало всякий раз, когда Отто Францевичу приходилось принимать эти отвратительные лекарства. Вероятно, таким способом пес выражал свое неодобрение. Вслед за ним из угла над комодом исчез приветливый паучок. И, хотя до заката было еще далеко, в углах кухни сгустилась тьма, краски дня поблекли. Воздух вдруг стал холодным, почти ледяным, комнату заполнила тишина – мертвая и слегка колючая.

Какая-то тяжесть и серость глыбой навалилась на плечи Отто Францевича. Тоска сковала его сердце, заныли суставы, онемели кончики пальцев – как будто он лишь теперь почувствовал, что такое старость. Не только мир вокруг стал серым, но и сам Отто Францевич словно бы потерял цвет, превратился в унылую мрачную тень.

– Я пойду прилягу, пожалуй, что-то мне нехорошо, – с трудом подбирая слова, сказал он.

Сон, болезненный, с привкусом горечи и сожалений, не принес облегчения. Нелепые, странные события, которым не нашлось места в настоящем мире, в мире Отто Францевича, водили в этом сне хороводы вокруг старика. Там была могила жены, и Гошенька, не успевающий выпрыгнуть из-под колес машины, и черепашья Пая, одичавшая без хозяйки, рвущая на части пойманного голубя, и Антонина Никитишна, которая умерла, так и не проснувшись...

Открыв глаза, старик несколько минут лежал без движения, напряженно

вглядываясь в темноту. Он не видел, а скорее чувствовал, как краски постепенно возвращаются в мир, а сны, эти жуткие кошмары, отступают.

В комнате как будто стало теплее, и темнота была уже не та — добрее и с лимонным запахом. Тревожил только непривычный шум с улицы, какого Отто Францевич не слышал уж очень давно. Старик подошел к окну и осторожно отодвинул занавеску.

Над городом свирепствовала буря, небо исчезло за сплошной стеной дождя, ветви клена остервенело бились о стекло. Внезапно Отто Францевич понял, что произошло страшное: он проспал закат. Луна!

Луны не было.

Спешно одеваясь, старик тихо ругался и даже пробовал дать самому себе затрещину. Вещи он натягивал в произвольной последовательности: аккуратность в одежде никогда не особо его не занимала, а сейчас и вовсе было не до того. Кое-как застегнув рубашку поверх пиджака, Отто Францевич стал торопливо шарить по карманам — но те, к ужасу, оказались пусты.

Круглая баночка, наполненная желаниями, мечтами и просьбами, пропала.

На цыпочках, стараясь не шуметь, старик вышел из своей комнаты. Первым делом он направился в кладовку, где сотни, а может быть, и тысячи таких же баночек стояли ровными рядами на полках, словно маринады у хорошей хозяйки. Каждая из них когда-то уже дала жизнь новой луне, но теперь они были бесполезны, лишь красивые безделушки в память о прошлом.

В кухне баночки тоже не оказалось, только паучок приветливо кивнул Отто Францевичу из угла над комодом. На всякий случай старик заглянул в гостиную. Там на маленькой кушетке, тихонько посапывая, как когда-то давно его внучка, спало Абстрактное Зло. Баночка стояла рядом, на журнальном столике. Она светилась теплым лунным светом, в котором все окружающее преобразалось — даже Зло казалось сейчас милым и безобидным.

Отто Францевич подкрался к столику, обходя самые скрипучие половицы, спрятал баночку в карман и покинул комнату. Только в прихожей он позволил себе немного расслабиться и вздохнул с облегчением. Гошенька, проникшийся серьезностью момента и оттого непривычно тихий, уже ждал у двери.

Это была настоящая буря, прекрасная в своем справедливом гневе, направленном, конечно же, только на Отто Францевича и ни на кого больше. Мир, его мир мог быть разрушен! Отто Францевич шел сквозь дождь, не чувствуя ни холода, ни влаги. Только луна занимала сейчас его мысли, старик слышал, как бьется она в тесной банке, желая выйти наружу, и бормотал себе под нос всякую ерунду, какой успокаивают маленьких детишек. До озера оставалось каких-то двадцать метров, когда Отто Францевича догнала запыхавшаяся старушка.

— Опять пугал Никитишну! — возмущенно крикнула она. — И зачем про меня небылицы рассказываешь? Ишь! Нету уже нашей бабушки! Где ж это такое видано!

– После, поговорим об этом после! — отмахнулся старик и ускорил шаг.
– И Гошеньку надо бы к ветеринару... — невпопад ответила жена уже совсем тихо.

Озеро казалось совершенно черным, дождевые капли покрывали его обыкновенно гладкую поверхность мутной рябью. Старушка и Гошенька остались чуть в стороне, а Отто Францевич, приблизившись к самой кромке воды, достал баночку с луной.

Камушек с дырочкой посредине отдала ему девочка с золотисто-рыжими волосами. Желание у нее было такое же маленькое и милое, как она сама — девочка мечтала о котенке. Медный грошик вручил старику молчаливый паренек лет семи, который хотел стать астронавтом. Половинкой жука поделился кудрявый малыш в синем комбинезоне — у всех ингредиентов были когда-то маленькие хозяева.

Сейчас эти крошечные кусочки луны мерцали своим особенным светом, каждый был по-своему хорош, как и те дни, жизнь которым они дали. Но особенно ярко светился хвост ящерицы — его день еще не наступил, и оттого был бесконечно прекрасным, полным ослепительных возможностей.

Буря внезапно утихла, уступив место оглушительной ночной тишине. Отто Францевич открутил крышку, и луна, теперь уже полная, выплыла из банки прямо в воду. Оставляя за собой серебристую дорожку, она направилась к горизонту.

ЮЛИАНА ЛИНКС

ПАУТИНКИ ЦВЕТА СЕРЕБРА

П

ЕРЕД МАРШРУТКОЙ, КАК ВСЕГДА, ТОЛПИЛИСЬ СРАЗУ две очереди: на сидячие и стоячие места. Послав к хомьякам оба столпотворения, вскарабкиваюсь на ступеньки. Надрывно кричу в ответ на недовольные реплики в спину («Очередь для кого?!») Не знаю, для кого. Уж точно не для меня. Я человек старый — не видно, что ли? — стоять мне тяжело. Да и дел у меня много. А времени... его даже не мало. Его просто нет! Так могу ли я размениваться на вашу бестолковую очередь? Плюхаюсь на сиденье. Ловлю на себе раздраженные взгляды вновь зашедших. Хорошо-о-о!

Э-э-эх!

Это «эх!» я выдыхаю так, что подпрыгивает парочка на заднем сидении. В раздраженных взглядах мелькает презрительное сочувствие.

Больной дед!

И то верно. Больной. На оба полушария. Что с меня возьмешь, горемычного?

Вглядываюсь в лица мимолетных попутчиков — мрачные, глаза отводят. Люди, люди, что ж вы такие недобрые? О! А хотите, я вам песенку спою? Как мамка в детстве.

— Как пойду я на быстрюю речку,

Сяду я да на крут бережок...

Осекаюсь на полуслове, оглядываюсь.

Да-а, видимо, не так вам мамка пела... Что шарахаетесь, коситесь с опаской? Не бойтесь, не буйный! А может, погромче вам спеть? Так это запросто!

— Посмотрю на родную сторонку,

На зеленый приветный лужо-о-ок.

— Эй ты, певун долбанный, потише вой! Я по телефону разговариваю!

Притихла толпа. На одну секунду притихла. А потом — клац! Оборвалась невидимая нить. Щелкнуло что-то в коллективном разуме, переключило толпу. Захихикали около меня две девчущки-подружки. Добродушно хмыкнул солидный дядька на соседнем сидении.

Понравилось, значит?

— ТЫ СТОРОНКА, СТОРОНКА РОДНАЯ,
НЕТ НА СВЕТЕ ПРИВОЛЬНОЙ ТЕБЯ.

— С музыкой едем!

— Во дает дед!

– Ты что, у себя дома? Не слышу ни хрена из-за тебя!!!

– УЖ ТЫ, НИВА МОЯ ЗЛОТАЯ,

– Ггггг!!! – оборачиваются на меня люди, улыбаются.

– ДА ВЫСО–О–ОКИЕ...

– ЗАТКНЕШЬСЯ ТЫ ИЛИ НЕТ? Дим, это я не тебе. Что? Не слышу ничего... Дима?!

– ...НА–А–АШИ ХЛЕБА–А–А.

– Ну все, допелся дед! Останови, водитель!

Детина в модном пиджаке срывается с места. Распикивает толпу. Трещит по швам моя старенькая курточка под сильными руками.

– Останови, водитель! – это не он говорит, это я. – Останови, выйти мне надо.

– Выйдешь, выйдешь сейчас.

– Что делаешь?! Старого человека!

Тормозит маршрутка. Оттаскивают от меня буяна.

– Не трогайте его!

– Да не трону я вашего деда! Просто высажу нафиг! Чтоб не выл...

– А тебе жалко? Что он плохого сделал?

– Остановка, дед! Пшел! – Детине кажется, что он до меня едва дотронулся. Но много ли старику надо? Кубарем лечу на асфальт, цепляясь руками за воздух. За невидимые ниточки, тоненькие паутинки, незаметные для людского глаза. Впрочем, не они меня спасают. Вернее, спасают, но не меня.

– Ирод! Тюрьма по тебе плачет! – в затуманенное болью сознание врывается крик какой-то старушки.

– Скорую деду! Подожди, водитель!

– ...я тебя запомнила! Не дай бог что, опознаю!

– Ехать мне надо! У меня график. Вот горе!

– Да мы все опознаем!

– Эх! В порядке я! Я сам, – кряхтя, поднимаюсь с земли, машу рукой водителю. – Езжай, начальник. Езжай, родимый!

На губах – вкус крови. Со лба ручьями стекает липкий пот. Перед глазами – пелена. Ноги наотрез отказываются слушаться. Но это ерунда на фоне дюжины паутин, вырванных с корнем! Это все ничего не значит по сравнению с одной-единственной паутинкой. Тоненькой. Серебристой. Скользкой. Едва уловимой.

Кто-то тащит меня к скамейке. Осторожно усаживает на холодные доски. С трудом фокусирую взгляд на окружающих. Вот он! Стоит столбом. Растерянный детина в модном пиджаке. В глазах страх – не за меня, за себя. Мало ли чьим я могу оказаться дедом? Эх ты, молодой ведь еще. А уже такой... прогнивший. Гонору много, а за спиной – ничего. Топчется детина, переминается с ноги на ногу. На лбу написано – ударить хочет. Но не может. Мешает что-то скользкое, туманное. Выдыхаю со свистом, захожусь в удушающей кашле, размазываю сочащуюся из разбитой губы кровь. И, наконец, сталкиваюсь взглядом с детиной. И на

секунду окунаюсь в застывший в его глазах ужас — дикий, леденящий. Не ожидал даже... Вот оно! Сейчас... Собрал в кулак остатки сил, тяну на себя скользкую паутину. Скрипит, трещит, коварная. Я, лишь я один слышу эти звуки. Чувствую этот запах удушающий. И в следующую секунду теряю сознание.

Любое искусство требует жертв. Искусство исцелять — особенно. А если речь идет об исцеленной душе, то о размере жертвы лучше не задумываться. Не стоит. Если не хотите окунуть душу в ту же тьму, из которой ее только что вытащили. В ту же, если не в большую...

Много лет назад за право исцелять опатиненные души с меня затребовали цену. Страшную, кровавую. И я согласился. Не знаю, кем стал после этого — дланью Неба или Преисподней. Но согласился. В конце концов, все великие дела замешаны на крови. Разве не так?

Может, и не так... Но когда просыпаешься на больничной койке и видишь раскаяние в глазах, которые еще недавно не излучали ничего, кроме озлобленности и ядовитой ненависти ко всему и вся, тогда понимаешь — к черту сомнения! В тартарары и Небо, и Преисподнюю! Главное — дело сделано!

Я открыл глаза лишь на минуту. Сказал, что не держу на него зла. В меру вежливо отказался от «моральной и материальной компенсации». И заснул. Нет, притворился, конечно. Просто мне совсем не нужно, чтобы этот малый топтался в моей палате. Больше не нужно. Люди без *паутины* мне не интересны. Ведь в мире еще так много тех, кому нужна моя помощь. А времени... его с каждым днем все меньше.

— Дед! Тут дед лежал, где он?

Вот тебе раз! Вернулся, значит. А я уйти не успел. Прижимаюсь к стенке туалета. Женского — тут им не придет в голову меня искать.

— Только что был здесь. Наверно, вышел куда-то, — в голосе молодой медсестрички звучит недоумение.

— Он одетый вышел, — кричит мой сосед по палате.

— Вы выписали его? На второй день? Просто выбросили на улицу старого больного человека?!

— Да не выписывал его никто! Он сам... Мы и не ожидали. И потом, не такой он больной, как вам кажется — уже вчера вечером почти здоров был. Удивительный он вообще, ваш дед...

— Где его искать? Адрес, фамилию он называл вам?

— Да, конечно. Надо посмотреть карточку. А вы ему кем приходиться?..

Их шаги затихли в конце коридора. Я выскользнул из дамской комнаты. Усмехнулся. Посмотрите, посмотрите карточку! Если найдете...

Я, простой английский эскулап, всегда чувствовал *паутинки*, всегда знал,

что они существуют. Правда, пока не увидел, считал, что они черные. Оказались — серебристые. Красивые даже... Впрочем, это неважно. Я всегда понимал, что их необходимо уничтожать, вырывать с корнем, со всем их дурманящим серебром. Только не понимал как. Разгадку искал годами, в поисках истины поступил на медицинский, пробовал, проверял, изучал... Тщетно. Но однажды, в самом конце пути, ответ пришел сам. «Ты хочешь потрошить души? Боюсь, сначала придется выпотрошить тело... Таковы законы, my dear!» Я не знал имени странного гостя, непонятным образом оказавшегося в моей квартире. Не могу даже описать, как он выглядел. Впрочем, помнится, я подумал тогда, что он до жути похож на меня в молодости. Но это меня не слишком удивило. Кажется, я умирал. И уже ничему не удивлялся.

Расписаться кровью... Большинство людей при этой фразе представляет тоненькую булавку и одну-единственную алую каплю. Глупцы!

Наверное, я был сумасшедшим. Поверить в предложение незнакомца. Что там поверить — согласиться на него! Наверно, я был одержим. Одержим идеей о *паутинках*. О том, что этот мир можно сделать лучше. Что лучше его могу сделать именно Я! Наверно, я был потрясен. Потрясен своим внезапным исцелением — а ведь врачи (да что там — я ведь и сам врач!) говорили, что мне остались считанные дни. Потрясен внезапной легкостью в дряхлом теле.

«Что тебе терять? Жертву выберешь сам. Хочешь отомстить старому врагу? Пожалуйста! Хочешь остановить мучения смертельно больному? Ради бога!»

Мстить мне не хотелось. Решать за больных, бороться им или сдаться — тоже. Я отправился в самый захудалый район Лондона. Ничего не имею против проституток, но... Уж лучше они, чем, скажем, вполне порядочная мать троих детей.

Я оплакивал каждую свою жертву. И мой наставник, мой черно-белый ангел плакал вместе со мной. Плакал, твердил о «законах равновесия» и укрывал меня от глаз полиции. Я радовался каждому заработанному году. Тридцать лет — вот цена одной жертвы. Тридцать долгих (коротких?) лет, в течение которых я смогу избавлять людей от паутины. И в итоге, решил остановиться на пяти девушках — пять жертв, пять населенных континентов. По тридцать лет на каждый. Мало? Ничтожно мало!!! Но лучше, чем ничего.

Тридцать... Пять... Эти цифры стучали в висках, приходили в ночных кошмарах, не давали покоя днем. Рассчитаться сейчас и забыть о кровавой плате на сто пятьдесят лет. Наставник предлагал взять аванс побольше — сразу лет на 200-300. Но... Я едва не погорел на четвертой девушке, чуть не попался. И, пожалуй, тогда впервые ощутил себя убийцей. Мерзким, жестоким, беспощадным. На последнее «дело» я практически тащил себя за волосы...

– Дед! Вот ты где! Что ж ты, ушел, не попрощавшись?

Оборачиваюсь, едва не поперхнувшись дешевым пивом. Пораженно смотрю на автобусного хама. Впрочем, не один я смотрю — уж больно не вписывается дорогущий пиджак в потерто-прокуренный интерьер.

— Думал, не найду? Мы ж теперь одной нитью повязаны!

— Что ты знаешь о нитях? — ко мне, наконец, вернулся дар речи.

— Знаю только, — он плюхнулся на соседний стул, — что ты меня другим человеком сделал. Объясни, как? Я ведь на жену другими глазами посмотрел, с матерью помирился... И они счастливы! Да я за эту неделю жизнь переосмыслил! Нет, ну ты скажи, ты этот самый... экстрасенс?

— Как ты нашел меня? — я сам понимаю, насколько нелепо звучит мой вопрос. Также нелепо, как и его. Мы молчим. Он пытается разгадать мою загадку. Я — его. Как он меня вычислил? Как догадался об исцелении? Неужели я перестарался? Вытаскивая паутину, задел какие-то иные струны, которые лучше не трогать? Или просто не разглядел под заржавелой оболочкой чувствительную душу?

— Дед, пойдем со мной! — он обрывает затянувшуюся паузу. — Будешь самое лучшее пиво пить! Жить будешь припеваючи! А если у тебя дети есть или внуки, которым помочь надо, — только скажи!

Я вздохнул.

Первую паутинку я оборвал на следующий же день после первого убийства. Пристыдил торговку, нахально обсчитывающую дряхлую старушку. Нащупал, натянул, впервые ощутил у себя в руках скользкую нить, впервые увидел раскаяние в затуманенных глазах. Если бы у меня тогда ничего не вышло, я бы сдался полиции.

А потом началась одиссея того, кто навсегда останется в памяти человечества жестоким убийцей—потрошителем. Я околачивался в проблемных кварталах всевозможных городов, просачивался в тюрьмы и колонии, пробирался в горячие точки... Я бесконечно бродил по паркам, рынкам, шумным улочкам, дни напролет катался в автобусах, метро и трамваях. Я приезжал в новые и новые страны, смотрел на новых людей, вместе с оборванным серебром впитывал в себя их язык, фольклор и обычаи, учился у них, чтобы потом научить их. Научить жизни без паутинок. Не все мои попытки венчались успехом — ухватиться за паутинку получалось лишь в том случае, если человек хоть немного сомневается, хоть чуть-чуть сожалеет о своих темных (серебристых?) поступках. Да и поступок — приступ раздражения, вспышка ненависти — должен был совершиться именно при мне.

Жалею ли я о чем-то? Только об одном — о катастрофической нехватке времени. Боюсь ли? Лишь одного — момента, когда это время закончится. Мне отведено было сто пятьдесят лет. За спиной осталось сто двадцать — тяжелых, счастливых, одиноких. Почему-то последнее обстоятельство тяготит меня все чаще, все сильнее... Я не уверен, что сумею повторить свой кровавый подвиг. Я не уверен, что смогу уйти, не закончив дело.

– Дед, не молчи, а? Пойдем отсюда, не годится нам с тобой в такой дыре торчать! Ну не молчи, скажи, чего ты хочешь? О чем мечтаешь? Дед, да я ведь ради тебя!..

С трудом отрываю взгляд от пивной кружки, тоскливо смотрю на собеседника. Задумчиво чешу подбородок. Я не уверен, что смогу начать все с нуля, не уверен, что сумею пройти весь путь заново. Но, мне кажется, на своем пути я больше не одинок...

Март, 2008

ЮРИЙ БАРХАТОВ

БАШНЯ БРУКЛИН

НА ПОЧТИ ТЫСЯЧЕМЕТРОВОЙ ВЫСОТЕ Я НАБЛЮДАЮ звезды.

Тихая безлунная ночь, совсем нет ветра, что редкость в этих краях даже у поверхности. Подобные часы нужно ценить, и мои оптические сенсоры работают в режиме максимальной чувствительности. Напарники погружены в видения гиперсети или просто отключили сознание. По мне, никакой разницы. Когда тебе даны органы чувств, сто-крат превосходящие человеческие, грешно менять яркую реальность на зыбкие картины фальшивых миров. Иное дело — небо, наполненное звездами. Мне редко удастся его увидеть, так что сейчас я рад.

Вдобавок, сегодня что-то вроде праздника. Завтра работы не будет — башня закончена. Первая из дюжины, так что предстоит еще много лет труда, но это потом, а пока можно отдохнуть. Может быть, даже неделю. Или две. Что делать с такой уймой свободного времени?

Даже нынешняя ночь кажется мне восхитительно бесконечной.

Но постепенно восток светлеет, звезды гаснут. И вместе с рассветом приходит вызов. Нужно срочно спуститься вниз. Я подчиняюсь.

Хелен заступила на дежурство в пять утра. С Юго-восточного входа Башни Бруклин не предполагалось большого наплыва посетителей, и поэтому его облюбовали техники медиа-агентств, уже к шести подогнавшие десятки фургонов в логотипах. Требовалось быть максимально вежливой и расторопной, о чем Хелен только что напомнил комендант нулевого уровня.

— Никаких конфликтов, лучше никаких происшествий вообще. Они входят, получают информацию, уходят. Надеюсь на тебя, Хелен.

— Хорошо, я буду стараться, Вольф.

Но сейчас девушка наблюдала довольно странную картину, ни в каких инструкциях не предусмотренную.

В дверь входил неряшливо одетый мальчик лет десяти, толкающий перед собой тачку, сваренную из двух ржавых спортивных велосипедов.

Дети без сопровождения, вне зависимости от их внешнего вида, в Башню пока не допускались, и рука Хелен машинально легла на сенсор вызова охраны. Однако сквозь распахнутые створки дверей было видно удивленные лица медийщиков. Кто-то уже взял на изготовку камеру.

Никаких конфликтов. Никаких происшествий.

Хелен отдернула палец. Лучше сначала поговорить, узнать, что ему нужно.

– Это мой отец. Могу я забрать его? Он работал на вас два года и имеет право теперь вернуться ко мне с мамой.

Мальчик улыбался и протягивал какой-то смятый бумажный листок синего цвета. Взяв его в руки, Хелен узнала месячной давности проспект о Башне Бруклин. На вырванной странице была информация о бригаде многофункциональных биодронов, куда успешней обычных рабочих, справляющихся с высотным монтажом. В том числе их имена. Одно из них было подчеркнуто.

– Вот, — мальчик показал пальцем на листок, — Ян ван Донк. Мой отец.

Биодроны, согласно законодательству, традиционно носили имена доноров мозга, хотя тот и терял всю память и навыки прежней личности. Также прежняя личность считалась официально мертвой, что отражало фактическое состояние дел — большинству из доноров на момент пересадки мозга не было возможности сохранить жизнь. Родственники вступали в права наследования и получали ощутимую компенсацию за содержимое черепной коробки покойного, которое пока что никак не удавалось повторить или скопировать в электронной форме. Дроны, в результате серии шумных судебных процессов, считались механизмами, а не людьми, хотя и обладали ограниченными правами, которые им предоставлялись компанией-собственником.

– Послушай, — сказала Хелен, — э-э-э... как тебя зовут?

– Берт. Берт ван Донк.

– Послушай, Берт... Я правильно тебя понимаю, ты пришел повидать биодрона, который был твоим отцом?

– Нет, он мой отец. И я пришел забрать его. Госпожа Ланбрук сказала, что сегодня день, когда Башня Бруклина готова, и вы все празднуете это. А мы с мамой живем совсем недалеко, и я только на прошлой неделе узнал, что папа работает у вас тут. Можете вы позвать его?

– Подожди, Берт, не так быстро... Ты ведь понимаешь, что биодрон и человек — немного разные вещи? Он... совсем другой, ты и не узнаешь его. И он тебя не узнает. У него тело — цилиндр из металла, двадцать две руки, а головы и ног нет. Ты знаешь это?

– Конечно! — мальчик радостно закивал головой. — Конечно, я знаю, как выглядят биодроны! Я для того и прикатил с собой тележку, чтобы увести отца в ней! Ему трудно будет на одних руках идти целых десять километров до Утрехта!

– Ты что же, целую ночь сюда шел? — поразилась Хелен.

– Это совсем нетрудно, — ответил Берт, — я привык. После того, как всех из города вывезли, мне приходится много ходить.

– Эй, Хелен, что там у тебя происходит? — раздался в ухе у девушки голос коменданта. — У меня тут на центральном входе уже не меньше дюжины журналистов, и им пока нечем заняться. А эта тележка из мусора привлекает внимание не хуже красотки в бикини.

– «Здесь мальчик, который объявил себя сыном одного из наших строительных биодронов и хочет забрать того с собой, — набрала Хелен на экране беспшумной связи. — Кроме того, похоже, он из отказников».

– Как имя дрона?

– «Ян ван Донк».

Последовала недолгая пауза.

– Самоубийца. Вторая амстердамская эвтаназионная клиника. Постоянные денежные проблемы, разочарование в жизни. Также считал роботов и дронов высшей формой существования, завидовал им. Завещал жене компенсацию за мозг. В форме биодрона — стабильная психика, по индексу Дюлотова — 99,8. Для самоубийцы крайне необычно.

– «Предлагаешь рассказать это ребенку?»

– Понятно, нет. Я тебе рассказываю. Говоришь, сынок пришел повидать папочку?

«Забрать. Говорит, что раз тот проработал на нас два года, то может теперь бросить. Детские фантазии».

На этот раз пауза была дольше.

– Знаешь, Хелен, похоже, что пацан прав. Этот ван Донк составил перед смертью контракт, по которому имеет право на прекращение жизнедеятельности биоорганической составляющей дрона после того, как расходы на пересадку окупятся. Они окупились уже больше года назад.

– «Это совсем не то же самое».

– Это позволит нам сейчас избежать неудобного момента. Я уже чую скандал. Семейка психов, башню строят невменяемые, нищие отказники до сих пор не выдворены. Начнется снова обсасывание возможности теракта. А так — мы отдаем дрона мальчику, объявляем, что дрон пожелал умереть в кругу семьи. По Кодексу суицида, два дня журналисты не имеют права об этом писать. А там случай и забудется. Сейчас свяжусь со старшим прорабом, он должен вникнуть в ситуацию. Все равно у бригады не будет работы до переезда на новое место.

– «Хорошо, мозгу дрона позволено по контракту умереть. Но тело портить либо терять нельзя».

– Да вернется он. Через пару дней вернется. Что я, дронов не знаю?

– Здравствуй, папа.

Я не знаю, что ответить. Разумеется, мне известно, что мой органический мозг ранее принадлежал мужчине по имени Ян ван Донк. Но что с того? Я не человек больше и не желаю им быть. Однако существуют правила вежливости.

– Здравствуй. Мне сказали, тебя зовут Берг.

– Ты меня не помнишь, папа?

– Нет. Не помню. Но так и должно быть.

– Я знаю, — мальчик одновременно плачет и улыбается, — но так хотелось, чтобы ты помнил... Конечно, ты не должен был помнить. Если бы помнил, давно нашел бы нас с мамой.

Мастер сказал мне, что я могу пойти с этим мальчиком, куда хочу. Вернее, куда он хочет. Еще вернее — лучше бы мне пойти. Никто не заставлял меня, но обычно биодромам не дозволяется жить среди простых людей. Отпуск положен, но под наблюдением психолога и в строго определенных местах. Считается, что мы опасны. И мы на самом деле опасны.

– Поехали домой. Садись в тележку, я отвезу тебя.

Я вполне могу двигаться и сам — в конце концов, какая разница, что называть руками, а что ногами? Но что-то в голосе Берга заставляет его послушаться. И мы отправляемся под приглушенный, но явственный шепот все прибывающих посетителей (и будущих жителей) Башни Бруклин.

Кругом уже светло, погода по-прежнему ясная. Громада Башни поражает, внушает прямо-таки суеверный ужас. Тачка пока что без усилия катится вниз под небольшим уклоном. Основание Башни — искусственный холм, почти целиком состоящий из бетона. И вершина холма окажется над водой, когда все, до чего достает глаз, будет затоплено. А в башне укроется и останется жить почти все население округа. Мы взяли эту землю взаймы у моря — и теперь приходится отдавать долг. Повышение уровня океана катастрофическое, дамбы начнет прорывать уже через несколько месяцев. А может быть, завтра. Башня Бруклин (и если успеем, другие) — выход для голландцев остаться единой нацией, не быть разбросанной по негостеприимному миру, в котором достаточно своих проблем.

Берг весело рассказывает мне о своей жизни. Он, кажется, вполне доволен и мной в качестве обретенного отца, и своей удавшейся авантюрой, задуманной и проведенной — конечно же! — в тайне от матери. Он ожидает, что теперь все проблемы — а их у семьи немало — чудесным образом исчезнут. Хотелось бы мне вновь ощутить себя десятилетним. Но постепенно я начинаю ощущать в его словах некую несообразность и спрашиваю:

– Разве Утрехт еще не эвакуировали?

– Только тех, у кого была страховка.

– У тебя и матери нет страховки?

– Мать продала ее Абдулу. Мы жили с этого почти год.

– Вас все равно вывезут из опасной зоны, так или иначе, — говорю я и чувствую себя странно, потому что в правдивости своих слов не уверен, — но раз страховки нет, вас не поселят в Башню.

– Не переживай, папа. Теперь ты с нами, и все будет хорошо. Мама все равно ни за что не соглашалась бросать старый дом. Госпожа Ланбрук тоже не захотела уезжать, хоть у нее и страховка высшей категории. Она говорит, что нас обманывают, хотят заставить переселиться в Башню, что дамбы простоят еще сто лет.

- Она отказник.
- Да, ее так называют.

Тележка катится дальше, мимо брошенных домов и пастбищ, вдоль заросших ряской каналов.

Я не знаю, как сказать Берту, что не хочу и не должен идти дальше с ним. Что моему телу требуется еженедельная профилактика. Что мой топливный элемент требует замены раз в месяц и стоит как новый катер. Что его мать, моя бывшая жена, если она нормальна — никогда меня не примет таким. И мне совершенно не хочется иметь семью. Не говоря уже о том, что мне этого никогда не позволят.

Что мне делать?

Вечернее солнце пробивается сквозь жалюзи, Хелен и Вольф пьют кофе. День прошел удачно, открытие Башни Бруклин состоялось, причем точно по плану.

– Кстати, он вернулся, — говорит Хелен, стуча ложечкой по краю чашки.
– Час назад прошел мимо меня, как ни в чем не бывало.

– Ты уверена, что нам не следует пару дней следить за полицейскими сводками?

– Думаешь, он сделал что-то с мальчиком?

– Возможно.

– А что, нельзя просто спросить биодрона? Они вроде бы всегда говорят правду.

– Так принято считать, но нет. Они могут лгать... но лгут редко. Только когда это действительно необходимо.

– Где ты шляется, негодный мальчишка? Я все глаза проревела!

– Мама, мама, не ругайся, слушай! Я ходил к Башне и нашел папу! Он сказал, что вспомнил нас! Сказал, что будет нас ждать, но у него сейчас много работы, строить новые башни! Что мы должны переехать в Башню Бруклин немедленно и там он нас потом найдет! Завтра и еще день после — льготное... нет, льготное заселение, и страховки не надо! Если ты устроишься на ферму на четвертом уровне! Вот! Так сказал папа!

«Переложить ответственность на другого — так на него похоже, — думает женщина, глядя на счастливое лицо сына. — Кое в чем Ян несколько не изменился».

– Конечно, Берт. Мы собираемся.

НИКА РАКИТИНА

СРАЗИТЬ ДРАКОНА

К ОЙ ЧЕРТ ПОНЕС МЕНЯ В ШЕСТЬ УТРА К МУСОРКЕ?
Не представляю...

Хотя нет, представлял отлично, что будет, когда родители вернутся из отпуска и увидят, во что превратилась квартира из-за моей страсти к ночным посиделкам и творческому беспорядку. А погнало меня так рано, потому что ненавижу встречаться с соседями.

Кивать, здороваться, выслушивать сочувственные вздохи и ахи за спиной. Ну, не вышел я внешностью. Подумаешь, бывает.

– Эй, паря, закурить дай!

Я затолкал в бачок мешки и обернулся к бомжу.

Он мне даже понравился — ну, если не подходить близко и дышать ртом. Гордая личность — в камуфляжной куртке на голое тело, джинсах с пузырями на коленях и растоптанных ботинках. Лысину на темени окружали сальные кудри вольного художника, спускаясь до плеч. А в руке висела полосатая польская сумка для «челноков», невероятно грязная. И профиль был орлиный — не у сумки, у личности без определенного места жительства. Он все время шейей вертел (похоже, она у него чесалась), показывая мне то профиль, то анфас. Или фас?

– Огоньку не найдется?

Я выщипил из нагрудного кармана мятую полупустую пачку, вытряхнул половину сигарет в длань просителя. Полез за зажигалкой.

Бомж опять покрутил головой:

– Не, не надо. У меня своя есть!

Он вытянул и развернул черный, заскорузлый носовой платок, и у меня — как пишут в книжках — сперло дыхание.

Зажимая платком хрупкий хвостик, бомж держал в руке потрясающе, обалденно, невозможно прекрасного каменного дракончика. Такими только стол олигарха украшать, или туалетный столик его жены, дочери и тещи. Э-э, ну, если я хоть немного понимаю в олигархах. Был дракончик размером с ладонь. Вишневый камень светился на просвет. Или коралл, или розовая яшма — я точно не знаю, о них только в книгах читал. А поверх отблескивали тонкие слюдяные чешуи. На спинке гребень и по бокам две полоски — как сложенные крылья. И вытянутая шея с продолговатой мордочкой.

– Т-ты... украл? — когда возможность дышать вернулась, выдавил я.

Бомж фыркнул:

– Не. Тут, за помойкой, нашел. Третьего, что ли, дня. Или выкинул кто, или сама сбежала. Счас с людьми погано обращаются, не то что с животинной. Ты аккуратнее, шмальнуть может.

Он поднес сигарету, и дракончик, словно подтверждая его слова, зажег ее мелкой струйкой огня.

– Давай, прикуривай. А хошь, тебе Тортилу отдам?

Меня умилило в божже знание детской классики.

– Но она же не черепаха.

Бомж пожал широкими плечами:

– Да мне посарайно. Давай на пузырь — и твоя.

– Но ты же ее бесплатно нашел!

Мужик прицельно сплюнул мне на кроссовку:

– Ты что, еврей?

– Почему?

– Торгуешься.

Я обреченно полез по карманам. Все купюры оказались мятые, как моя жизнь. Но, выцарапав из-за подкладки мелочь, я как раз наскреб нужную сумму.

– В платок заверни, — деловито посоветовал бомж. — Жжется.

Платка у меня не было. Я стянул на ладонь рукав джинсовки и ухватил им дракончика.

– Ну, бывай, паря.

Бомж развернулся к арке, а я, стыдливо оглянувшись, нырнул в подъезд. Дракошка не жглась, просто покалывала немножко — все же хорошая ткань джинса.

Дома я вытянул из плиты противень и усадил Тортилу на него. Протер подолом рубашки очки — мама боролась с этой привычкой, только совершенно напрасно, уселся перед противнем, поставил локти на стол и положил подбородок на сомкнутые ладони:

– Ну, привет... Тортя... Интересно, кто ты? Дракон, сбежавший из сказки? Потому что был слишком маленький, и все пытались тебя слопать?..

Тортила презрительно фыркнула, выпустив струйку пламени.

– Или разведчик инопланетян, изучающий человечество?

Я поскреб лоб над правой бровью.

– И может, ты вообще мальчик, а не девочка? И что с тобой делать? Как сказал бы кот Матроскин, сдать в клинику для опытов?

Тортила презрительно отвернулась. Плюхнулась на пузико и сунула под него узкую голову. Похоже, перспектива стать подопытным кроликом ей не нравилась. А ведь в самом деле: что мне с ней сделать? Что она ест? Что пьет? Нужно ли ее выгуливать, или привыкнет к коробке с газетами в туалете? И не сожжет ли их на фиг, не успев использовать?

И как отнесутся к Торте родители?

Хотя, ясно, как. «Тебе девятнадцать, ты ни хрена не зарабатываешь, занимаешься ерундой, и еще волочишь в дом всякую гадость!..» Я тяжело вздох-

нул и поправил сползающие очки. Я очки ненавидел! Как ненавидел свою сутулую спину, плоскостопие, корявую дикцию и маленький рост. И родителей ненавидел, до кучи. Мало того, что они наградили меня вот таким генетическим набором и комплексом неудачника! Они еще и не выносили все, что дорого мне. Интернет, рок-группу, что мы пытались сколотить с приятелями, мою гитару и Ленку. Потому что красивая. Мать встречала ее с каменным лицом, а потом шипела в спину гадости. Впрочем, Ленка и бегала в нашу квартиру не из-за меня, а из-за Николая — у него были внешность, кудри и голос, как у молодого Кипельча. А когда с рок-группой не получилось, и Николай приходит перестал — Ленка тоже растворилась в местном населении. И даже в подъезде делала вид, что мы незнакомы. Ну и пожалуйста!

Я сдвинул противень с дрыхнувшей (или делающей вид) дракошкой на край стола и стал творить салат из огурцов, помидоров, куска засохшего сыра и сметаны. Все равно деньги бомжу отдал до копейки: придется до приезда родителей обходиться тем, что есть. Я постоял над открытым холодильником, взял с дверцы холодное «Речичкое» и налил в стакан. Посетовал на то, что любое хорошее пиво со временем отчего-то превращается... в не очень хорошее пиво. Похоже, качество продукта обратно пропорционально размерам вбуханной в него рекламы. Жаль, поделиться этой глубокой мыслью было не с кем.

Тем временем тварюшка изволила проснуться и весьма прицельно изжарила половину салата и угол клеенки на подоконнике. На что угодно готов спорить, родные решат, что я тушил о клеенку сигареты. А огурцы... вы пробовали жареные огурцы? Правильно, лучше не пробовать. Тортила оказалась вегетарианкой — что приготовила, то и съела. Я без охоты дожевал остальное. Только мне могло так не повезти. Если я могу что-то сделать неправильно, то обязательно это сделаю. Все камни на дороге, открытые люки и помет пролетающих ворон — обязательно мои. И теперь... Нет бы, достался мне дракон хотя бы размером с овчарку. Я мог бы жарить на нем яичницу и использовать вместо обогревателя в межсезонье. Или сдавать в аренду толкинистам, чтобы сыграл Глаурунга¹. Или вышел бы однажды выгуливать дракона на цепочке, вызывая завистливые и уважительные взгляды соседей... А тут Ленка, и бандиты, и мы бы ее спасли! С драконом-то. Ох... И деваться мне оказалось некуда. Придется пройти по домам, выходящим к нашей помойке, порасспрашивать жильцов. Вдруг хозяин Тортилы отыщется. Домов этих три, два небольшие, пять этажей и два подъезда. Зато наш, построенный до войны... То ли за кровавый цвет кирпича, то ли за размеры, его метко прозвали «Брестской крепостью». До потолков без стремянки не дотянуться, а в башне, вешенной на углу, этажей было не шесть, а целых девять.

А если ничего у меня не выйдет... ну, тогда придется давать объявление в газету и Интернет, и ждать разборки с родителями.

¹ Глаурунг – герой «Сильмариллиона» Дж.Р.Р.Толкина.

Горестно вздыхая, уронив на ногу дверцу от старой тумбочки, я отыскал на балконе жестяное ведро, сунул туда дракошку с торчащим из зубок недоеденным огурцом и отправился обходить квартиры.

Для разнообразия мне повезло. Девушку, что открыла мне высокую, в чешуйках краски, дверь на третьем этаже в соседнем подъезде, я раньше не видел. То ли она в наш дом переехала недавно, то ли я ее просто не замечал. И не из-за плохого зрения. Просто она была самая обыкновенная. Чуть младше меня, в вытянутом джемпере, и ноги в джинсах, как палочки. И лицо обыкновенное. Узкое, немного прыщавое, с длинным носиком. Глаза в бифокальных очках казались огромными. И я отлично знал, что если девушка очки снимет, то глаза окажутся красноватыми и беспомощными. А грудки были красивые, поднимали джемпер двумя крепенькими холмиками. Их хотелось взять в ладони.

Девушка заглянула в мое ведро и ойкнула:

– Тортя! Ой, спасибо, что вы ее нашли!

Совсем, как я, натянула джемпер на руки, и выловила дракошку. Нитки задымились.

– С ведром возьмите!

– Спасибо. Нет!

Я оказался на площадке. Двери хлопнули. Идти никуда не хотелось. Я прислонился к старым кованым перилам, задумавшись, стоит ли закурить. За дверью, где жила хозяйка Тортилы, послышались всхлипы и громкое:

– Ну почему мне не везет? Почему? Почему?!.. Тортя! Ну разве он... этот на принца похож?! Ботаник в очках, и голос гугнивый...

Девушка зарыдала. Мне бы уйти, а я присел, как дурак, на свое ведро перед дверью, приложив ухо к замочной скважине.

Тортила не отвечала — драконы только в сказках разговаривают.

– Маленькая ты моя дурочка!.. Была бы большая — Мишка бы от меня не отворачивался! Не тушился в экран. И все-то ты перепутала. Семидесятая квартира, под нами! Ну что, трудно было залететь туда, сказать, что меня держит в плену ужасный дракон? Что Мишка должен меня спасти?.. Трудно ему, что ли?.. — девушка всхлипнула и громко высморкалась. — Тортя, милая, ну извини... Мне семнадцать уже, а я, как дура, в сказки верю!

Мишку из семидесятой я знал. Мы были ровесниками, ходили в одну школу, потом в технарз; правда, не дружили, так, приятельствовали. Кто я и кто он? Хотя... Я время от времени прятался у него от рассерженных родителей. А еще он иногда для меня в Сети игры скачивал. У него был скоростной Интернет, и такое «железо» — закачаешься. Мне всю жизнь не зарабатывать на такое «железо»². У меня только вирусы подцеплять получается.

А внешне Михаил — ну так себе... обыкновенный. Чуть выше меня и тощий. Спереди на голове — короткий ежик, сзади черные волосы спускаются на воротник. Крашенные даже. И очки у него тоже есть. Только не крестин-

² «Железо» — все, что не софт.

ские, как у меня — изящные, в тоненькой золотой оправе. И, пожалуй, Мишка ни разу не умудрился на них сесть.

Чтобы не передумать, я нахально съехал по перилам и забарабанил в Мишкины двери. Открыла его бабушка, закудаhtала, поправляя на древних бигудях капроновую косынку; телом в пестром халате перегораживая вход:

– Ты зачем?! Ты куда?!.. Миша спит! Миша занят!!!

Как же, занят он! Из дальней комнаты несся рок, перемежаемый выстрелами: похоже, Мишка «гамался» во что-то боевое и бурное. «Counter Strike» какой-нибудь.

Я с неожиданной легкостью отодвинул старушку, не разуваясь, прошагал на шум. Окликнул приятеля и, глядя в дымчатые стекла элегантных очков, пробурчал:

– Я тебя отвлеку на пять минут. Тут надо сразить дракона.

КРИСТИНА ГАУС

ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ

Я С САМОГО НАЧАЛА ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ ПОНЯТЬ, ЧТО ЭТА страсть — не естественной природы. Она была как наваждение, как болезнь, сплошное помутнение рассудка. Конечно, говорят, что в любви так и должно быть, а если иначе — так это, мол, и не любовь вообще. Но я вам скажу: такого со мной еще не бывало.

Анна была даже не в моем вкусе. Слишком высокая, слишком спокойная, лицо с первого взгляда ничем не примечательно — разве только что тонкими, идущими вразлет бровями странной формы: когда она изгибала одну из них, казалось, будто чайка заламывает крыло. Поначалу я даже не заметил ее — не мог заметить: сидел спиной к променаду. Но странное, неопределенное чувство коснулось меня, я обернулся — Анна уже прошла мимо, и все же я безошибочно выделил взглядом ее спокойную удаляющуюся фигуру среди жизнерадостной толчи.

Сегодня я точно могу сказать, на что походило испытанное мной тогда чувство: так должен чувствовать себя магнит, притягиваемый к другому. Но в тот вечер я не особо задумывался над происходящим. Скучал, и поэтому встал и пошел следом за привлечшей мое внимание женщиной — хотя ее походка определенно говорила, что к ней так просто не подступиться и что она знает себе цену: не слишком располагающие условия для мимолетного знакомства. В руках у нее был альбом — такие обычно носят с собой художники для быстрых зарисовок.

Она на самом деле оказалась художницей, и насколько ровна, почти холодна была ее манера себя держать, настолько живыми, полными движения и света были ее зарисовки. Она позволила на них взглянуть. При этом, кажется, сама удивилась своей открытости мне, незнакомому бездельнику, лет на десять старше ее. Я пригласил ее на кофе. Она согласилась. Собственно, на побережье она проездом, почти случайно. Говорят, что по-настоящему овладеть искусством светотени невозможно, не побывав в Тоскане. Она уже была в Сиене, Флоренции и Пизе. А сегодня утром вдруг подумала, что надо обязательно съездить на побережье. Она покорена им и решила, что останется на несколько дней. Анна слегка растягивала слова. А что делаю здесь я? Турист? Нет. Год назад я купил дом вон на той скале над морем. Красиво, покойно. Но, признаться, иногда на променаде я на самом деле чувствую себя туристом. Чем занимаюсь? Особо ничем. Я не стал говорить, что коллекционирую монеты и что вот уже несколько лет, как за мной установилась

слава одного из самых значительных нумизматов западного побережья. К чему? Все равно в последнее время не удастся одной лишь коллекцией заполнить дни.

В жизни все мы туристы, сказала Анна, помолчав, и я впервые дал себе отчет, насколько она на самом деле красива. Это была та вдумчивая, ненавязчивая красота, проистекающая от красоты души — души, словно полная чаша. Потому-то Анна и была столь спокойна, чтобы не расплескать ни капли.

И тут на меня нашло затмение. На мгновение показалось, что я и минуты не проживу без этой мне в сущности незнакомой женщины, без ее спокойной душевной полноты, которой хватило бы на весь мир. Заболело в груди. Я молча допил кофе. Она тоже. Если бы не то мгновение, я бы повел знакомство дальше — как обычное, ни к чему не обязывающее пляжное знакомство. Но оно что-то перевернуло во мне, смешало, испугало. На пороге кафе мы расстались.

Дома я попытался успокоиться, сел перебирать монеты. Раньше мне это всегда помогало, но в тот вечер словно послужило тайным катализатором: я окончательно себе опротивел. И как глоток воздуха утопающему мне понадобилось присутствие той спокойной женщины. Я буквально бредил ею. Спустился к берегу — и нашел ее! Я нашел ее так, словно только она одна и была на свете, словно между нами протянулась живо-трепещущая нить.

А потом последовали дни безумия. Я на самом деле не мог без нее жить. Я кружил вокруг нее, вокруг ее отеля, словно на привязи, и не мог уйти, а если все же отдалялся, то меня отчаянно тянуло обратно. Помню, как бледна была в те дни Анна, и как темны ее глаза: так невычурно выражается смятение у подобных ей людей. Она тоже была не в себе. Она тоже была безумна.

Нашу первую и последнюю ночь я запомнил навсегда. И поэтому, когда пришло время, вспомнил, что когда она — нахмутив брови, отчужденно — рассматривала стеллажи моей коллекции, что-то тихо звякнуло. Наутро она ушла, не попрощавшись. Только оставила записку: «Наверное, это все море».

С исчезновением Анны я пошел на поправку. Безумие всепоглощающей страсти прошло так же внезапно, как и появилось. Осталась только пустота в душе — но она мучила меня и раньше, просто не осознавалась столь ясно. Что ж, с пустотой можно мириться, можно жить. И все же прошел почти месяц, прежде чем я вновь зажег в кабинете свечи, чтобы выпить в обществе моих монет бокал тосканского.

И тогда в дальнем углу что-то мягко блеснуло. Я подошел ближе, нагнулся — и так и замер с подсвечником в руке...

Там, укрывшись от всего мира пылью и тенью, лежала серебряная монета. Точнее, две половинки монеты, сросшиеся воедино. Между ними — одной, темной и потертой, много повидавшей, и другой, чистенькой, светлой, хотя тоже сменившей немало хозяев — проходил едва заметный нарост. Ме-

ня вдруг обдало холодным потом. Я попятился, сел, не глядя, в кресло — и все смотрел, смотрел в угол.

О да, я знал темную половинку. То была моя. В свое время я приобрел ее за немислимую цену — эти древние серебряники* чрезвычайно редки. Другая же... Другая была наверняка Анны. В ней была пробита дырочка, и серебряная цепочка даже не порвалась — лежала на полу совершенно целая. Сама растянулась?

Меня начала бить дрожь. Вам не понять моего состояния — вам чужда душа старых монет. Но и мне самому открылась тогда новая, страшная правда. О, я всегда знал, что у монет своя судьба, своя исконная магия. Но не осознавал, что они могут втягивать и нас в свою судьбу, играя нами ей в угоду. Пожалуй, все знают: разломи монету, брось одну ее половинку в море или выкини в окно — и через года и столетия, через невероятные приключения половинки найдут друг друга и сростутся вновь. И вот две такие половинки свели двух чуждых друг другу людей из разных стран, чтобы прозвучал последний аккорд долгой истории их соединения! Быть может, я купил этот дом только потому, что так хотела судьба моей половинки. Быть может, Анна лишь потому «случайно» оказалась в этом пляжном местечке, что любовь ее половинки тянула ее к моей. И это безумное чувство, обуявшее нас, было не чем иным, как отражением того притяжения, которое существовало между половинками и на время перешло на нас.

В тот вечер я словно соприкоснулся с неким нагорным миром, в котором предметы обладали разумом и душой, и в котором к ним не менее чем к людям была применима старая притча об Андрогине.

Я не нашел в себе силы дотронуться до воссоединившейся, вновь обретшей целостность монеты. Все сидел, думал, разглядывал ее. Мне чудились нежность и радость, даже сладострастие в слиянии двух половинок. В некотором роде я завидовал им, вновь нашедшим себя и друг друга: ведь за всю свою жизнь мне не пришлось по-настоящему испытать того чувства, которое притягивало их — разве лишь когда они соизволили воспользоваться мной.

Какую удивительную историю могли бы поведать мне эти половинки? О каких необычайных странствиях рассказать? Через сколько рук прошли они, и когда разлучили их по сиюминутной прихоти? В моей коллекции было еще три неполных монеты, и меня бросало в жар и холод, когда представлял себе, что предпримут они и как распорядятся моей судьбой, чтобы найти свою недостающую часть. Быть может, однажды мой самолет разобьется, чтобы беззаботный деревенский мальчишка подобрал потом оплавившуюся половинку и принес ее домой, не ведая, что под фундаментом его дома века тому назад была зарыта тяжелая кубышка с другой? Монеты всегда были частью моей жизни, но я сам оказался лишь незначительной деталью в мозаике их власти и судьбы.

* Серебряник (сребреник, сребреник) — первая русская монета, чеканившаяся в кон. X — нач. XI вв.

Я не выдержал этого потрясения. Освободил три неполных монеты — бросил их в море: пусть на свободе ищут свою любовь и целостность сути. А потом сбыл с рук и саму коллекцию. Она грузом лежала на моей душе, и мне все чудилось, что сам не освобожусь, пока она, смысл моей прежней жизни, не оставит меня. Но я ни разу не прикоснулся к серебрянику на полу.

Через несколько дней после аукциона я получил по почте большой конверт. В нем были фотографии с художественной выставки, а поверх них — простой альбомный лист. Я не знаю, как Анне в нескольких скупых штрихах удалось воссоздать мою суть — набросать портрет одинокого человека, за всю свою жизнь не создавшего ничего нового, которому нечего было оставить по себе, и у которого в душе были лишь пустота и голод. Но она смогла. Я долго вглядывался в свои нарисованные черты. А потом, наконец, поднял с пола серебряник, отер его от пыли и бережно положил в карман, повторяя про себя, словно заклятье, адрес на конверте: Санкт-Петербург, Университетская набережная, 17.

Если смог серебряник, смогу и я.

ДАРЬЯ БУЛАТНИКОВА

ШЕМЕТОВСКОЕ БОЛОТО

ОТКУДА ОН ПОЯВИЛСЯ, МЫ НЕ ПОНЯЛИ. ПРОСТО ВДРУГ возник на тропе — обычный деревенский подросток в выгоревших штанах, длинной, почти до колен футболке и истоптанных кирзовых сапогах. Пастушок. Русые волосы падают на лоб, глаза смотрят насто-роженно.

— Привет, — обрадовался Кирилл, — вот ты-то нам и нужен. Не подскажешь, как к Заячьей пади проехать?

— К Заячьей?.. — мальчишка почесал в затылке и прищурился. — А чего вам там?

— Нам там ничего, мы дальше, к скалам хотим проехать. А то плутаем, плутаем в лесу — похоже, не там повернули.

— Сразу не объяснишь, — парень замялся. — Там просека между болотами, непривычный человек не заметит...

— Может, проводишь? — Кирилл улыбнулся, словно рекламируя своего стоматолога, а заодно и зубную пасту. — Я тебе заплачу сто рублей.

— Устал я, — сообщил мальчишка, — на пасеку ходил, пятнадцать километ-ров. Да и мамка уже ждет. Вы ехайте...

— Двести! А идти пешком не придется — сядешь позади меня, — Кирилл похлопал Брайана по крупу. Конь тихо фыркнул и укоризненно закосил взглядом.

— Давай лучше на моего Байярда, — впервые подала я голос. — Брайан слишком устал.

Действительно, за день пути, под Кириллом, весящим без малого сто де-сять килограммов, и двумя выюками с едой и палаткой, конь изрядно вымо-тался. Зря муж выбрал некрупного и немолодого Брайана, наверняка толь-ко из-за спокойного и покладистого нрава. Я-то в седле уже почти пятнад-цать лет, а Кирилл все еще новичок, и настоящим всадником пока не стал.

— Как тебя зовут? — спросила я мальчика, когда он влез на круп Байярда позади меня и кое-как устроился за седлом, сдвинув выюк с нашими спаль-никами.

— Ромка, — коротко сообщил тот. — Ехайте вперед километра два, там свороток.

Кирилл достал из седельной сумки изрядно помятую во время пути кар-ту и принялся на ходу расспрашивать мальчишку, в каком месте Шеметов-ского бора мы оказались. Получалось, что полдня мы двигались по краю ле-

са, подчиняясь извивам заболоченного русла речки Таюрки, а нам надо в глубину, туда, где водится... Но лучше, наверное, рассказать все по порядку, потому что я сама не верю, что позволила вовлечь себя в эту авантюру.

А все он, мой муж... Кирилл, солнце мое. Никогда не думала, что смогу так увлечься, потерять голову, пойти против воли отца. Хотя, что отец? Первый раз я вышла замуж за того, кого он считал подходящей мне парой. И что из этого вышло? Уже через год мы видеть друг друга не могли, а Игорек начал жаловаться приятелям на мою фригидность. Я никому не жаловалась на его занудство и ханжество, меня просто тошнило при виде его прилизанных волос.

В конце концов, даже отец понял, что нам лучше разойтись и навсегда забыть друг о друге. Что мы с удовольствием и сделали. Восемь лет я прожила вполне счастливо, иногда от нечего делать принимая ухаживания более-менее приятных мужских особей нашего круга. А наш круг, надо сказать, довольно гадок. Высший свет, сливки общества, олигарх на олигархе, как ни двусмысленно это звучит. И жены олигархов, дети олигархов... бррр.

Возможно, поэтому я и влюбилась в Кирилла, нищего бастарда, как его прозвала Люка Тицына, не к ночи эта ехидна будет помянута.

Познакомились мы банально — через Интернет, долго болтали в чатах, потом встретились в маленькой кофейне на Арбате. И все, я пропала... Высокий, черноглазый, с замечательно доверчивой улыбкой парень — счастье мое, Кирилл. Ну и пусть живет в хрущобе, пусть ездит на старом «жигуленке», пусть стесняется крошечных букетиков, принесенных в кармане. Мне другого не надо! Лишь бы только знать, что любит меня саму, а не мои деньги... А меня любить сложно, я на этот счет никогда не обольщалась. Вылитая мама — блеклое личико, волосы не ахти, а то, что фигура неплоха — почти незаметно, рост подкачал. Серость, в общем, увидишь и не запомнишь. Кир говорил, что вначале полюбил мою душу, а потом уже все остальное. И я поверила ему, и за тот год, что мы вместе, ни разу не усомнилась в его искренности.

Отец тогда буркнул: «Мезальянс!», за нашими спинами шипели: «сливки общества», а те, кто еще недавно строил глазки мне и папиным капиталам, демонстративно отворачивались. Кирилл хранил каменное спокойствие, и только я понимала, как ему нелегко. Ничего, через пару лет станет своим, никто и не вспомнит, кем он был когда-то. А пока нужно потерпеть, ведь мы есть друг у друга — бьющее в окно утреннее солнце, просыпающиеся влажные розы в саду, шелковая прохлада кровати и первый, еще затуманенный сном взгляд любимых глаз.

Черт! Я не заметила ветку, нависающую над превратившейся в узкую тропу дорогой, и едва не налетела на нее. Кирилл уже не мог ехать рядом, и мы двигались маленьким караваном.

Я не знаю, кто из нас придумал это — отправиться в неведомые дебри, чтобы проверить нашу любовь. Кир считал, что я. А я — что он. Легенду о Лунной Сове мы вычитали в старом журнале, одном из тех, что муж перетасил ко мне из своей крошечной квартирки в Сокольниках. Кирилл большой любитель таких таинственных и романтических историй. «В безлунную летнюю ночь на высокой скале двое влюбленных могут увидеть полет

Лунной Совы». Могут. А могут и не увидеть. Или увидит кто-то один. Тот, кто увидел, — любит по-настоящему, искренне и навсегда.

Что-то нас зацепило в этой легенде, тем более что говорила она о совершенно конкретном месте, которое мы без труда отыскали на карте. Еще месяц ушел на споры, сомнения и уточнения маршрута. Мы оба делали вид, что считаем затею несерьезной, проверки не боимся и только уступаем капризу другого. Так ли это было на самом деле? Наверное, уже неважно. Сегодня утром мы, два наивных романтика, вышли из поезда на крошечной станции, навьючили на выведенных из специального вагона лошадей нехитрый скарб и отправились через Шеметовский бор к тем самым скалам. И я была уверена, что если легенда не врет, мы оба увидим там Лунную Сову. Хотя, конечно, глупо верить легендам...

— Эй, не спи! — Ромка ощутимо ткнул меня кулаком между лопаток. — Вот он, свороток!

Я потянула повод, и Байярд неохотно свернул в едва заметный просвет между кустов ольшаника. Зафыркал, нервно переступая копытами. Я хлопала атласную шею, успокаивая коня. Бояться в лесу нечего, крупные звери тут не водятся, а мелких можно отогнать выстрелом из пистолета, на всякий случай прихваченного Кириллом.

Темные каменные стены выросли сбоку совершенно неожиданно. Полное отсутствие крыши, скорбные провалы окон, сквозь которые кое-где просвечивало сумеречное небо. Что это — разрушенный замок, дворец? Только не обычный дом, слишком уж он огромен. И сколько лет этим мрачным руинам?

— Ох ты ж, ежкин папа... — ахнул у меня за спиной мальчишка. — Шеметовское гнездо снова поднялось! И зачем я только согласился с вами ехать...

Позади громко всхрапнул Брайан, он пятился в кусты и в лошадиных глазах плескался панический страх. Я испугалась, что Кирилл с ним не справится. Пришлось мне срочно спешиться и схватить повод. Почувствовав уверенную руку, конь притих.

— Что это? — спросила я у Ромки, указывая на стены и стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно.

— Тебя как зовут? — почему-то спросил мальчишка.

— Яна, — слегка смутилась я. Действительно, не сочла нужным представиться. — А это мой муж Кирилл.

— Так вот, Яна, — Ромка по взрослому вздохнул и полез с лошади. Я протянула ему руку, боясь, что он свалится, все-таки Байярд в холке метр семьдесят. Но парень только головой помотал и спрыгнул сам. — Тут вообще-то — болото. Шеметовское болото. А раньше стояла усадьба, графская. И парк был, говорят. После революции дворец ихний сожгли, а самих графьев постреляли и тут же зарыли. А потом все в болото ухнуло, ничего не осталось, все затянуло.

— В болото? — Кирилл спрыгнул с лошади и подошел к нам, ведя Брайана за повод. — Какое болото?

Перед нами простирался абсолютно ровный луг, поросший травой.

– Болото тут было еще недавно, сам видел. Вообще-то наши, деревенские, это место обходят. Нечистое место. Но мы с пацанами сюда бегали – лозу резать.

– И куда это болото делось? – прищурился Кирилл.

– Так я ж и говорю, слухи ходят, что иногда дворец из болота поднимается. И это не к добру, ох, не к добру, – по-старушечьи запричитал Ромка. – Беда будет или помрет кто-то. В последний раз, как его лесничий видел, пять дворов в Разине выгорело и двое маленьких ребятишек там, живьем...

– Чертовщина какая-то, – пожал плечами муж. – Не может быть так, чтобы болото поднималось и опускалось без следов.

– Не может, – шмыгнув носом, согласился парень, – но вот же – есть.

– Ну, ладно, все это, конечно, занимательно, – в голосе Кирилла звучал окрошенный скепсис, – но как нам к Заячьей пади проехать?

– А вот так и ехайте, тропинка прямо туда ведет. Да и я с вами, обратно одному возвращаться страшно, так я до пади доберусь, а оттуда – напрямик до дома. Так даже ближе получится.

Мы снова сели на лошадей. Сумерки становились все гуще, и я с тоской думала, что мероприятие оказалось не таким легким и занятным, как нам казалось. Мы ведь рассчитывали, что еще засветло доберемся до скал, а оказались в непонятном, пугающем месте... и кто знает, где придется ночевать.

Позади запикал сотовый, это Кирилл пытался дозвониться до дома, мы клятвенно обещали сообщать, где мы и что с нами. Судя по звукам, дозвониться не получалось. Я придержала Байярда.

– Нет связи, – сообщил муж. – Странно, днем все было в порядке.

– Наверное, рельеф такой, что волны не проходят, – неуверенно предположила я, потому что и в связи, и в волнах ровным счетом ничего не принимала.

– Будем надеяться.

На всякий случай я попыталась позвонить со своей трубки, но она тоже только издавала растерянные трели, не в силах обеспечить контакт. А ведь нам гарантировали «роуминг по всему миру»!

Синий вечер смазывал очертания близких зарослей, и я не сразу поняла, что тропинка закончилась. Байярд остановился и тревожно заржал. Ромка прыгнул на землю и попытался пройти вперед.

– Стойте, здесь болото! – раздался его крик.

– Ты куда нас завел? – раздраженно спросил Кирилл.

– Не знаю, тут точно была тропинка к Заячьей пади, я эти места вдоль и поперек исходил, – мальчишка вынырнул из темноты у самой лошадиной морды, и мой конь испуганно дернулся. – А сейчас болото. Откуда оно тут взялось?

– Ну, наверное, переехало – от графского дворца сюда. По закону сохранения... – Кирилл запнулся, – по закону сохранения болот в природе. Хотя я тебе не верю ни на грош, сочинять ты, братец, мастак. Ну да ладно, раз проехать мы не можем, нужно возвращаться и ждать утра. Там разберемся.

– Ты собираешься тут ночевать? – мне стало не по себе.

– Ну почему тут? Вернемся на луг, разобьем палатку, разведем костер, – бодрился Кирилл.

– Возле этого ужасного обгорелого дворца, где закопаны мертвые «графья»?

– А что делать? Тут ведь рядом больше нет мало-мальски пригодных для ночлега мест. Точно? – спросил он у Ромки.

– Нету, – подтвердил тот. – Тут кругом либо болота либо густоющий лес.

– А «графья», – слишком уж жизнерадостно продолжал муж, – давно умерли, так что тихие. В этом мире нужно бояться живых, а мертвые никому еще вреда не причинили.

Мне эта его фраза не понравилась. Но выхода действительно не было, и мы вернулись к дворцу Шеметовых. В темноте он был почти уже не виден, так что если не смотреть в ту сторону и не думать о нем, то вполне терпимо.

Первым делом Кирилл разыскал во выюках мощный фонарик и топор. Сноп яркого света разрезал тьму, и сразу стало веселее. Мы довольно быстро набрали кучу валежника, и скоро уже на лугу горел, потрескивая, костер.

Мы кое-как поставили палатку и, усевшись у костра, стали ждать, пока закипит вода в котелке, чтобы заварить чай. Готовить что-то существенное уже не было ни сил, ни желания – достали батон и колбасу и сделали толстые бутерброды. Только тут я поняла, насколько голодна. Кирилл предложил мне выпить коньяка из припасенной фляжки, но я отказалась. Ромка жевал молча, он больше не заговаривал о возвращении домой. Видимо, решил заночевать с нами, трусишка. Хотя если бы мне сейчас предложили идти куда-то одной, в темноте... Хлеб с колбасой встали у меня поперек горла, потому что сзади отчетливо слышались чьи-то шаги.

Кирилл, не торопясь, поднялся во весь свой немалый рост.

Ромка опустил руку с зажатым в ней бутербродом и уставился круглыми глазами мне за спину. Я обернулась.

Он вступил в круг света – среднего роста, гибкая тонкая фигура и неожиданно широкие, сильные плечи. Черная шелковая рубашка и черные брюки, заправленные в пижонские сапожки. Темные, слегка выющиеся волосы зачесаны назад, открывая высокий лоб. Тонкие усики и надменные, неожиданно яркие на бледном лице губы. Мне не нравятся мужчины такого богемного типа. Обычно они эгоистичны и избалованны. «Тараканьи усы – стрелки часов» – некстати вспомнился глупый детский стишок.

– Вечер добрый, – произнес гость спокойно. А вот голос у него приятный, глубокий и низкий, мужской. Хотя у Кирилла лучше. Почему я сравниваю?

– Здравствуйте, – муж вглядывался в пришельца довольно напряженно. В глухом лесу, где, кроме одного парнишки, мы за весь день не встретили ни души, вдруг разгуливает некий фронт.

– Здравствуйте, – эхом повторили мы с Ромкой.

– Вижу, что вы случайно оказались в здешних местах, – незнакомец улыбнулся и подошел к костру.

– Вообще-то, мы хотим добраться до скал, — Кирилл снова уселся к огню, убедившись, что гость пришел один и с пустыми руками, без оружия. — Милая, вода закипела, где у нас заварка?

Я протянула ему пачку «Липтона».

– Вы, конечно, не откажетесь от чашки чая с коньяком? — Кирилл сыпнул в котелок заварку и снял его с огня.

– Не откажусь, — снова улыбнулся гость. Сверкнули безупречные зубы. — Но вначале, если позволите, представлюсь. Николай. Приехал для сбора материалов, так что живу тут бирюком.

– Каких материалов? — сразу заинтересовался Кирилл, доставая серебряную фляжку с коньяком и пластиковые стаканчики. — Ну, за знакомство. Я — Кирилл, это моя жена Яна. А сей отрок — Ромка, местный краевед и наш неудачливый проводник. — Он подмигнул насупившемуся было мальчишке.

– Книгу я собираюсь писать об истории рода Шеметов, вот и приехал посмотреть, что осталось от имения, — пояснил гость, пригубивая стаканчик. — А ведь отличный коньячок, право слово, отличный.

– Шеметовых? — удивился Кирилл.

– Не Шеметовых, а Шеметов. Может быть, читали «Локис» Проспера Мериме? Он как раз об одном представителе этой фамилии, графе Михаиле. Но это совершенно другая ветвь — западная, а я хочу писать о здешних Шеметах, восточных. Это их уже местные жители Шеметовыми окрестили.

Я заметила, что Ромка слушает Николая, раскрыв рот, хотя вряд ли он читал Мериме.

– Вы хотите написать о том, как сожгли поместье, а хозяев расстреляли? — не выдержала я.

– Об этом — в конце. История рода интересна во многих отношениях. А гибель... мученическую смерть последние из Шеметов приняли от своего же отпрыска, в каждой семье не без выродка, — Николай поморщился и допил коньяк.

– Как это? — удивилась я. — Разве их не крестьяне с большевиками казнили?

– Они, родимые, — Николай отвечал мне, но словно избегал встречаться взглядом. — Да только кто привел их? Кто безжалостно стрелял в старого графа и его жену, кто взорвал фамильный склеп, а потом плеснул керосином на книги в библиотеке и поджег?

– И кто? — мне вдруг стало зябко возле пылающего костра.

– Младший сынок, убийца и изгой. Не ведали, что творили, когда от картоги спасали, вот он и отплатил им.

– Расскажите! — выдохнул Ромка и даже привстал.

– Вкратце история такая. Было у графа Шемета два сына. И надумал старший жениться на воспитаннице отца, красавице и умнице Наденьке. Да только перед самой свадьбой нашли его убитым. Поехал на охоту и не вернулся, застрелил кто-то. И видели рядом с тем местом младшего сына, который, как говорили, проходу невесте брата не давал. Арестовали было убийцу, но старый граф связи имел — договорился с кем надо, и дело замяли.

Дескать, сам охотник по неосторожности на курок нажал. Больше младшего сына отец видеть не хотел, отправил за границу. И вот как вышло — вернулся тот нехорошим летом восемнадцатого года с отрядом матросов и толпой пьяных крестьян в родной дом и отомстил.

— А Наденька? — не выдержала я.

— Наденька сразу после гибели жениха ушла в монастырь, и о судьбе ее ничего не известно.

— Здорово... — восхитился Ромка.

— Что же тут здорово? Братоубийство и убийство родителей — это страшно, — не согласилась я.

— Рассказывает здорово, — уточнил мальчишка. — А книжку я непременно куплю, это же все тут было.

— Ну что, не сильно я вас напугал? — улыбнулся Николай. — Пора мне, завтра вставать рано. Он легко встал и, не оглядываясь, зашагал, растворяясь в темноте. Когда звуки шагов затихли, Кирилл пожал плечами:

— Странный какой-то.

— Писатели все странные, — я зевнула. — Давайте-ка ложиться спать, у меня уже глаза слипаются.

Что меня разбудило — не знаю. Может быть, крикнула ночная птица или просто я вздрогнула во сне. Рядом тихо похрапывал Кирилл. Он всегда храпит, когда выпьет, хотя делает это крайне редко. И тогда его из пушки не разбудишь.

Сон слетел, словно его и не было. Я поерзала, пытаюсь устроиться поудобней, но твердость земли ощущалась сквозь спальник и вызывала раздражение. Все-таки я неженка. И еще какая неженка!

Похлопав в темноте глазами, я вылезла из мешка, погладила по щеке безмятежно дрыхнувшего мужа, обулась и расстегнула молнию палатки. Снаружи было темно, ни малейшего намека на рассвет. Значит, спала я совсем недолго, ведь летом светает рано. Колкие холодные звезды вразнобой мигали на небе. Стоп, а наш костер? Ромка остался ночевать около него, в палатку лезть отказался. Мы соорудили ему удобную постель из двух наших курток, и он тут же уснул, свернувшись трогательным калачиком. Но теперь костер потух и ничего не видно.

Рядом послышался громкий вздох, и я обернулась. В темноте проступили два силуэта — спутанные лошади. Тревожно жмутся друг к другу.

— Ромка, — тихо окликнула я, боясь впотьмах наступить на мальчишку, — ты спишь?

Ответом мне была тишина.

Вспомнив, где Кирилл оставил фонарик, я вернулась в палатку и на ощупь нашла его. Потом подергала супруга за пятку. Он застонал, отдернул ногу, но просыпаться не собирался. Черт!

С фонариком я сразу же отыскала пепел кострища. Ромки не было, только сомканные куртки, моя и Кирилла, отброшенные в сторону. Куда мог уйти ребенок, один, ночью, без фонарика? И что мне делать — попытаться разбудить мужа, влезть обратно в палатку и до рассвета терзаться неизвест-

ностью и страхом за Ромку или попробовать поискать глупого мальчишку? Я подняла глаза. Отсюда стены дома не видны, даже мощный луч фонарика не достигает их. Но одной страшно.

Я быстро сняла путы с ног Байярда, взнуздала его и вскарабкалась на теплую лошадиную спину.

Почему-то я была уверена, что искать Ромку нужно в доме.

Копыта коня ступали почти неслышно, я выключила фонарик и изо всех сил всматривалась в темноту. Вначале мы объехали луг по краю, я шепотом звала: «Ромка! Ромка!» и не получала в ответ ни звука. То есть вообще ничего — безмолвие было полным: не шелестел в кустарнике ветер, не кричали на болотах птицы. Только густой, как мазут, воздух и тишина.

Один раз мне почудилось, что неподалеку кто-то движется. Я дернула повод, но все тут же стихло. И тогда мои до предела напряженные нервы не выдержали, я сжала коленями лошадиные бока и послала Байярда рысью вперед, через луг. Уж лучше скакать, чем вглядываться и вслушиваться в обволакивающую тьму. Я отнюдь не такая уж папина дочка, какой привыкли меня считать. Мое детство прошло в обычном дворе и в обычной школе, где нужно было уметь постоять за себя. Это уж потом отец превратился в олигарха...

Стена выросла прямо перед нами, и Байярд коротко заржав, словно спрашивая: «Куда дальше?», — напряженно затанцевал на месте и остановился. Интересно, где живет наш странный вчерашний гость? Зря мы не спросили. Господи, не о том я думаю, не о том.

Показалось мне или нет? Краем глаза в одном из провалов окон, в которые совершенно не хотелось смотреть, мелькнул тусклый огонек. Кто это может быть — безумный писатель, нагоняющий на себя жуть для создания нужной атмосферы или отправившийся в поисках приключений мальчишка?

«Ромка?»

Тишина.

И снова мелькнул огонек.

Нужно решаться. В конце концов, это только пустой полуразвалившийся дом, руина. Я не верю в привидения, хотя тут можно бы и поверить. Похлопав коня по шее, я медленно поехала вдоль стены. Вот тут, похоже, была дверь. Луч фонарика вырвал из темноты почти сравнявшиеся с землей разрушенные ступени и черный провал. Что-то зашуршало. Крысы? Тут не может быть крыс, крысы живут около людей, а этот дом уже три четверти века мертв.

Нужно быть полной идиоткой, чтобы идти туда.

Но повернуть и уехать, не проверив, не попал ли Ромка в какую-нибудь ловушку, таящуюся в этих развалинах, я не могла. Вдруг он лежит там с разбитой головой, свалившись в какой-нибудь провал? Вдруг сломал ногу и тихо плачет от боли? Никогда потом себе не прощу!

Я прыгнула с коня и замерла, вслушиваясь. В ушах звенело. Чудились мне или нет чьи-то вкрадчивые шаги и шорох осыпающейся земли? Проклиная собственную глупость и трусость, я шепнула Байярду: «Жди!» Лошадь — не собака. Но кое-что мой конь понимал, ткнулся мягкими губами

мне в плечо, словно стараясь удержать, но я не могла остаться с ним. И взять с собой не могла.

Желтое яркое пятно света плясало передо мной. Выгнивший или выгоревший порог, за ним — довольно хорошо сохранившийся каменный пол. Хорошо, что не деревянный, ноги бы переломала. В помещении, когда-то бывшем огромной прихожей или холлом, я высветила еще два дверных проема и лестницу. Когда-то мраморные ступени были расколоты и угрожающе горбились.

Я обследовала правый вход — он вел в лабиринт комнат, большинство из которых совершенно точно давно никем не посещались: превратившийся в черную труху паркет был нетронут. Я брела по коридору, упорно освещая каждый закуток. Где-то среди черных стен терялось эхо моих шагов. Дойдя до заполненного звездным небом проема, который выходил в торец дома, я повернула обратно. Тут никого нет. Но именно с этой стороны я видела огoneк в окне.

Левая дверь из холла когда-то вела в большой зал. Что это было — гостиная, где устраивали балы с танцами или столовая? А может быть, библиотека? «Ромка-а!»

Эхо заметалось и вернулось ко мне: «А-а...» Или это было не эхо? Я бежала вперед, рискуя не заметить какую-нибудь яму или выпавший из стены камень, которые во множестве валялись повсюду. Мечущийся круг света, и в нем, словно в калейдоскопе: лепнина расколотой коринфской капители, обломки скульптуры — рука, сжимающая что-то, удивленный глаз на половине лица, какие-то железки, трубы. Только бы не зацепиться, тогда придется разыскивать уже меня.

Лестницу, ведущую вниз, я едва не пропустила, ее скрывала полуразрушенная стена. Эти ступени выглядели куда прочнее, но спускаться вниз было жутко. Наверху хотя бы звезды иногда видны. А тут — могильная темень и запах сырости. Что если там вода? Мне стало тошно. Лезть в заболоченный подвал, одной... «А-у-у!» — заорала я вниз. Ни ответа, ни эха. Вместо этого я услышала позади вкрадчивые шаги и шелест, словно чья-то одежда задела стену. Не в силах обернуться, я медленно покрывалась гусиной кожей — от кончиков мизинцев до пяток, именно в такой последовательности. Если кто-то подойдет сзади и столкнет меня вниз, то это будет конец. Все стихло. Или ничего и не было?

Я шарахнулась от лестницы и на цыпочках пошла обратно. Нет, тут никого нет, это просто обман слуха. Но в подвал я отправлюсь в последнюю очередь, когда буду уверена, что Ромки нет и на втором этаже.

По широкой парадной лестнице приходилось подниматься с осторожностью — после того, как кусок мрамора опасно вывернулся у меня из-под ноги, я полезла вверх, хватаясь обеими руками за металлическую решетку, к которой когда-то крепились перила. Фонарик пришлось держать в зубах, рискуя выронить. Когда я, наконец, поднялась, смогла перевести дыхание и оглядеться, то поняла, что тут уже не побегашь — под ногами и над головой обугленные балки. Каждый шаг приходилось рассчитывать и пробовать опору на прочность, прежде чем ступить на нее.

И вот я, балансируя, иду по скользкому черному брусу, стараясь не думать о том, выдержит ли он мой вес, иду в неизвестность, туда, где ждет меня дрожащий безжизненный отсвет. Приходится выключить фонарик, чтобы не потерять из вида этот едва заметный ориентир. Я дойду. Впереди кусок довольно хорошо сохранившегося пола. Ступив на него, я понимаю, что ничего хорошего меня не ждет — слишком мертвенно сияние впереди, оно разгорается, но в нем нет тепла. Нет. Совсем.

И, повернув за угол, я вижу, что служит источником света. Это гряда гнилушек, источающих тусклое зеленоватое свечение.

— Стой! — раздается позади. И я, так и не успев ничего понять, чувствую сильный и жесткий толчок в спину и лечу вперед и вниз, в провал, где меня ждет смерть.

В последний момент я все-таки успеваю ухватиться руками за края досок, но они начинают крошиться под моими пальцами, и мне приходится вновь и вновь искать, за что уцепиться. Надежды нет. Наконец попадается что-то прочное, и я замираю, чтобы поднять голову и глянуть в глаза своему убийце.

Он стоит, наклонившись надо мной, оперевшись ладонями в колени и улыбается. Мой любимый, мой самый добрый и нежный... Как долго он ждал этого момента, как, наверное, не терпелось ему покончить с необходимостью притворяться и унижаться. И сейчас на его лице, подсвеченном зеленым гниlostным светом, выражение настоящего, неподдельного счастья и торжества. Оно не было таким даже в день нашей свадьбы, хотя он наверняка очень старался.

Заметив, что я смотрю на него, он улыбается еще шире. И выпрямляется. Ему нужно только наступить каблуком на мои отчаянно цепляющиеся за балку пальцы, и я рухну вниз.

— Стой! — опять тот же голос.

Кирилл медленно поворачивается, и я вижу, как искажается его лицо.

— Ты снова пришел сюда убивать?

— Не подходи, иначе ей конец, — голос моего мужа звучит злобно и отчаянно. Мне хочется заткнуть уши, чтобы не слышать, но я не могу.

— Дело не в ней, а в тебе. — Слова падают размеренно, словно капли с высоты. — Настало время покончить со всем этим.

— Ошибаешься!

Я слышу металлический щелчок и знаю, что это. Предохранитель пистолета. Кирилл достает его из кармана, но тот, в кого он целится, все еще остается для меня невидимым. Одновременно я чувствую, как начинает саднить разодранная при падении щека, и что-то теплое медленно стекает по ней. Ненавижу, я с детства ненавижу боль и кровь! И помимо своей воли я начинаю судорожно подтягиваться на руках, одновременно пытаясь зацепиться ногами хоть за что-то. У меня сильные, привыкшие управлять строптивыми лошадьми руки, я отчаянно карабкаюсь вверх и все-таки умудряюсь взобраться на балку, которая удерживает непрочный остаток перекрытия. Только усевшись и прижавшись спиной к стене, я вижу их обоих.

Они стоят друг против друга — мой муж и Николай, оба с ног до головы в черном. И только теперь я замечаю в чертах нашего вечернего гостя что-то неуловимо напоминающее мне того, кого я так бесконечно и отчаянно любила. Его лицо тоньше и бледнее, но глаза... Как я могла не заметить тот же разрез глаз, со слегка опущенными наружными уголками, росчерк бровей?! Я зажмуриваюсь и одновременно пытаюсь рукавом отереть со щеки кровь.

— Собираешься застрелить меня?

— А почему нет? Ты напал на мою жену, а я убил тебя, борясь за ее спасение. Жаль, не удалось, — в голосе Кирилла откровенная насмешка и злорадство.

— Значит, на этот раз захотел стать богатым вдовцом?

— Я практически им уже стал, любезнейший!

Николай не успевает ответить. Выстрел звучит коротко и сухо. Потом второй, третий. Сколько патронов в обойме — шесть или семь? Кирилл стреляет до тех пор, пока они не заканчиваются, и пистолет начинает издавать бессильные щелчки. И только тогда я открываю глаза. Кровь на черной рубашке Николая не заметна. Но почему он, как ни в чем не бывало, продолжает стоять и смотреть на Кирилла с печальной улыбкой?

— Ты забыл, брат, что однажды уже застрелил меня? Помнишь, что ты тогда мне сказал? Впрочем, неважно, твоя черная душа могла и забыть такие подробности.

— Тварь! — муж отшвыривает бесполезное оружие и делает шаг к Николаю. — Я давно забыл, кем был когда-то! Для того, чтобы продолжать жить, душа должна уметь забывать. Я забывал и возрождался, так было и будет!

Николай покачал головой:

— Но ты не забыл, как убивать... Мы знали, что ты вернешься. Нам надоели твои перерождения и бесчинства. Кому как не нам остановить тебя, Павел?

Павел?!

Николай, продолжая улыбаться, отступает в сторону, и за его спиной в холодном сиянии проступает угол комнаты. Стены, оклеенные бежевыми шпалерами, по которым разбросаны букеты чайных роз, изящный венский диванчик с гнутыми белыми ножками и желтой обивкой. На нем сидит сухощавый пожилой мужчина в светлом полотняном костюме. Рядом стоят полноватая дама с седыми волосами, уложенными в причудливую прическу, и... У меня перехватывает дыхание. Потому что мальчик в длинной рубахе и синих штанишках — это Ромка. Все трое молча смотрят на Кирилла и не двигаются. И одежда у них на груди опалена, продырявлена и покрыта кровавыми пятнами.

— Папа... маман... — голос моего мужа переходит в хриплый стон.

— Мы решили не звать остальных, это дело семейное, — густым низким голосом произносит дама, поднося к глазам лорнет. — Хватит тебе, Павлуша, скитаться и убивать. Не дело это. Пора!

— Упокойся, выродок! — резко бросает мужчина и отворачивается.

Мальчик молчит и только смотрит. И под этим взглядом Кирилл начинает шататься, потом хватается за грудь и валится ничком на гнилые черные

доски. И я вижу, как сверху с треском начинают медленно рушиться обгорелые балки, погребая под собой неподвижное тело. В меркнушем свете лица старика, дамы и мальчика сереют, покрываются трупными пятнами, и истлевающая на глазах плоть опадает с костей, открывая пустые глазницы черепов. Кто-то хватается за руку, тянет за собой и кричит: «Скорее!» Мы бежим, спотыкаясь, и едва не падая, по бесконечным коридорам, вниз по лестнице, вон из страшного, окончательно гибнущего дома. Сильные руки хватают меня и поднимают на спину Байярда.

— А Ромка?! — успеваю крикнуть я до того, как он хлестнет лошадь.

— А Роман, отцовский казачок, был убит тогда же, — печально отвечает Николай и резко хлопает ладонью по крупу Байярда. — Быстрее!

Непривычный к такому обращению конь срывается в карьер, и мы успеваем. Последние метры он преодолевает, с трудом вырывая копыта из густой болотной жижи и, наконец, храпя, вылетает на тропу. Нам навстречу несутся кем-то расстреленный перепуганный Брайан.

Я натягиваю повод и оборачиваюсь.

Прекрасный белостенный дом, освещенный и украшенный гирляндами цветов, словно сегодня в нем устраивают роскошный бал, медленно опускается в заросли камыша и осоки. И прежде чем над его крышей смыкается покрытый ряской ил, до меня доносятся отзвуки веселой музыки и человеческие голоса.

Последнее, что я вижу вдалеке, — широкоплечая стройная фигура в черном, растворяющаяся в болотном тумане. Прощальный наклон головы...

Где-то высоко, среди гаснущих звезд, летает Лунная Сова, которую я уже вряд ли когда-нибудь увижу.

Робкая полоска рассвета появляется над Шеметовским болотом.

ВЛАДИМИР СЕМЕНЯКИН

ПРЕМИЯ ИМЕНИ ЭЙНШТЕЙНА

*Есть лишь две бесконечные вещи:
Вселенная и глупость. Хотя насчет
Вселенной я не уверен.*

А. Эйнштейн

ИНТЕРЕСНЫЙ ВЫВОД

– ...Итак, уважаемые коллеги, если посмотреть на окончательный результат, замечаем, что чистую двойку в ранее рассматриваемом уравнении следует считать некорректной. Из этого следует, что в релятивистской формуле существует ошибка и...

Анатолий Федорович замолчал, в рассеянности рассматривая измазанные мелом пальцы. Потом глянул на доску, подчеркнул последнюю строку и кивнул.

– ...Что и требовалось доказать.

Он еще раз осмотрел доску и оглянулся в зал.

– Извините, если мое выступление показалось вам слишком амбициозным... — Анатолий Федорович бледно улыбнулся. — Как видите, все налицо... Прошу задавать вопросы.

Зал безмолвствовал. Профессора, академики, члены–корреспонденты замерли с выражением паники на лицах. Кое-кто поглядывал на докладчика с ужасом, некоторые, спрятав пышные бороды в ладонях, недоверчиво морщились. Кто-то страдальчески щурился, вяло шевеля губами.

Сидевшие в передних рядах яростно сверкали очками и с откровенной ненавистью пожирали глазами исписанную формулами доску.

Присутствующие с трепетом осознали, что физика — самая прикладная из наук — угрожающе покачнулась и вот-вот рухнет. А виноват во всем этот маленький болтливый старичок, который все уничтожал и ничего не предлагал взамен...

– Вы не могли бы повторить последнее звено рассуждений? — Наконец сдавленно сказал какой-то морщинистый ученый из четвертого ряда.

На него оглянулись сочувственно, как на смертельно больного, напрасно хватающегося за жизнь.

Анатолий Федорович повторил.

– Вы уже напечатали Ваши исследования? — Спросили докладчика, когда он замолчал.

В зале послышался возмущенный ропот. От подхалима с отвращением отвернулись.

Анатолий Федорович ответил.

– Есть еще у кого-нибудь вопросы? — Спросил Анатолий Федорович, снова положив на кафедру корректуру своей статьи.

Научный мир угрюмо молчал. Анатолий Федорович пожал плечами и, взяв в руки тряпку, пробормотал.

– Тогда я, может быть...

– Погодите, так что же это?! — Вдруг взорвался криком кто-то в заднем ряду.

Тряпка вернулась на свое место.

– У Вас есть вопрос?

Человек из заднего ряда что-то сказал.

– Извините, не можете повторить громче?

– Но как тогда существуют ядра?! — взволнованно воскликнул человек.

Он сел, но тут же снова вскочил. Крикнул что-то и, расталкивая сидящих перед собой, направился к проходу. Зал наполнился гулом. Все лица обратились на задавшего последний вопрос. Тот шел прямо к сцене.

– Это же... Господи... Это же что получается... — Лихорадочно шептал он.

Наконец, взбежав по ступенькам, он крикнул.

– Выходит, что электроны нестабильны на своих орбитах!

Шум споров в зале перерос в безобразный, неинтеллигентный гомон.

Вышедший на сцену человек сверкнул очками в затрепетавший зал, потом обернулся к доске и, хватая себя за подбородок, еще раз вчитался в вязь формул.

– Тогда каким же образом могут связываться вместе ядра и электроны?! Как могут проходить термоядерные реакции в звездах? В ядерной физике многие выводы основаны на опытах! Значит... — Говоривший испуганно вжал голову в плечи. — ...Значит, существует противоречие в самой структуре Мироздания!

Едва он это произнес, как зал наполнился страшной, леденящей тишиной. Все взгляды приковались к сцене. Стало так тихо, что жужжание ртутных ламп показалось громоподобными раскатами.

Анатолий Федорович, нахмурившись, посмотрел на стоящего рядом с ним человека, потом на доску. Он немного задумался.

– А я и не заметил раньше... — наконец негромко сказал он. Потом, усмехнувшись, добавил. — Интересный вывод... Очень интересный...

Это было последнее, что он сказал.

В следующий момент Вселенная прекратила свое существование.

ТАТЬЯНА САПРЫКИНА

КАША

МЕДВЕДЬ ПРОСНУЛСЯ В ВОРОХЕ СУХИХ ПРОШЛОГОДНИХ листьев и потянулся к небу всеми четырьмя лапами. На этом участке леса деревья росли не слишком густо, и было видно, что солнце еще не выпуталось из веток и не выкатилось из-за верхушек, чтобы начать двигаться свободно.

Медведь сдул с носа хвоинку. Он услышал, как урчит его живот, и представил себе миску овсяной каши, сваренной на молоке — ни жидко, ни густо, а как раз так, как нужно, и приправленной вареньем. Хотелось есть.

Кряхтя, медведь полез проверять свои запасы. На дне холщевых мешков, где хранилась овсянка, лежало несколько хлопьев — не накормишь и бельчонка. Он вытряхнул их на траву птицам. В банке со смородиновым вареньем не было ни ягодки, чтобы положить в кашу — медведь задумчиво поскреб стенки когтем. Из бидона, где он держал молоко, выкатилась пара капель. Он поймал их языком и облизнулся. Хотелось есть.

Медведь еще раз хорошенько потянулся, а потом повесил на шею пустой холщевый мешок, взял бидон из-под смородинового варенья и банку из-под молока и пошел в ту сторону, где между деревьями виднелся просвет. Когда он вышел к полю, то немного поморгал, чтобы глаза привыкли к яркому свету солнца и желтому цвету созревшего овса.

Медведь обошел поле по краю, и осторожно ступая, направился к пригорку, где, как он знал, была мышиная нора.

— Голубушка мышь, — позвал он, хорошенько прочистив горло, — у меня кончилась овсянка. Хочется каши, сваренной на молоке — ни жидко, ни густо, а как раз так, как нужно, и приправленной вареньем.

— Не топтал бы ты мой огород, я собралась рыхлить землю и посеять озимый чеснок, — отозвалась мышь.

Медведь в смущении отпрянул, чудом не наступив на малюсенькие грабли и лопату, воткнутые в землю.

— Придется тебе подождать, — сказала мышь, вытирая лапы о фартук.

Она позвала сестер, и они вместе стали снова возле пригорка, перегрызая колосья, добывая из них зерна и расплющивая зерна камнем так, чтобы те стали плоскими и годились для каши. Отойдя в сторонку, медведь смотрел, как работают мыши. Потом он соскучился и, отложив на пригорок малюсенькие грабли и лопату, стал когтями рыхлить землю под озимый чеснок. Пожалуй, он вспахал больше, чем нужно, и пожалуй глубже, чем нужно. Но мыши остались довольны. Солнце выпуталось из веток, когда они

ссыпали хлопья в холщевый мешок. Медведь надел его на шею, взял банку из-под варенья и бидон из-под молока и пошел в глухую чащу, где, как он знал, жили лоси.

– Голубушка лосиха! — позвал медведь, переминаясь с лапы на лапу, — у меня кончилось молоко. А так хочется овсяной каши, сваренной на молоке — ни жидко, ни густо, а как раз так, как нужно, и приправленной вареньем.

– Пододвинься-ка, — велела лосиха. — Ты чуть не сел на моего лосенка.

Медведь сконфуженно попятился и вправду увидел лосенка, который спал в ворохе сухой травы — такой же бурой, как и он сам.

– Придется тебе подождать, — сказала лосиха, — и принялась кормить лосенка.

Сначала он просто смотрел на них, а потом соскучился, стал собирать сухую траву и складывать ее в кучу. Пожалуй, он натаскал ее слишком много, но лосиха осталась довольна. Солнце танцевало над верхушками деревьев, когда она налила ему полный бидон молока. Медведь взял его и банку из-под варенья и, с холщовым мешком на шее, пошел к ручью, где, как он знал, жили ежи.

– Голубушка ежиха, — позвал медведь, ставя бидон на землю, — у меня кончилось варенье. А так хочется овсяной каши, сваренной на молоке — ни жидко, ни густо, а как раз так, как нужно, и приправленной вареньем.

– Не топтал бы ты ягоду, — укоризненно покачала головой ежиха.

Медведь удивленно оглядел свои пятки, подняв сначала одну лапу, потом другую — обе они были синими, оттого, что он передал поряточно черники. Он попятился, не зная, куда ему себя деть — такого большого, — но всюду под ногами была одна черника.

Ежиха замахала на него лапами и велела убираться к ручью, где росла сосна.

– Придется тебе подождать, — сказала она.

И позвала своих братьев, и они вместе стали собирать ягоды, и очищать их, и давить, и варить в большом котле под корягой.

Медведь сначала просто смотрел на них, а потом соскучился и стал очищать ручей от старых веток и поваленных деревьев. Дело это оказалось нелегкое, и он трудился до самого вечера, пока солнце снова не попало в объятия веток, которые ухватили его и принялись играть с ним, как с мячом, перекидывая туда-сюда. Покончив с работой, медведь присел под сосну, привалившись спиной к стволу и вытянув лапы.

Он проснулся оттого, что что-то маленькое и теплое прыгало по его носу. И еще что-то щекотало его бок. Медведь открыл глаза и потянулся к солнцу всеми четырьмя лапами. Было раннее утро, и ежата копошились возле него, расставляя мисочки. В мисочках — таких же малюсеньких, как лопата или грабли, лежала овсяная каша, сваренная на молоке — ни жидко, ни густо, а как раз так, как нужно, и приправленная черничным вареньем.

Медведь сдул с носа хвостик и пошевелил ушами. Было слышно, как журчит ручей — вода бежала свободно, перекатываясь по камням. Еще он услышал, как урчит его живот. Хотелось есть.

Медведь стал осторожно брать одну мисочку за другой и вываливать ка-

шу себе в пасть, и делал так, пока мисочки не кончились, и пока он не наелся. Тогда ежата собрали посуду и побежали мыть ее в ручье. Медведь похлопал себя по животу и еще раз потянулся, как следует. А потом повесил на шею холщевый мешок с овсяными хлопьями, взял бидон с молоком и банку с черничным вареньем и пошел не спеша — сначала через чащу, потом по краю поля. Пока не добрался до того участка леса, где деревья росли не слишком густо, и было видно, как по небу движется солнце. Он шел и вспоминал, какой вкусной была овсяная каша, сваренная на молоке — ни жидко, ни густо, а как раз так, как нужно, и приправленная вареньем.

ТАТЬЯНА САПРЫКИНА

ДВА БАРСУЧКА

БАРСУЧОК ВОШЕЛ НЕСЛЫШНО И ТИХО ПРОШМЫГНУЛ в угол на подстилку из соломы. Был поздний вечер, мама стояла спиной у очага и готовила ужин, но она все равно знала, что он пришел.

– Где твой брат? — не поворачивая головы, спросила мама.

– Живот болит, — заныл барсучок, наморщив лоб, через который у него от носа шла одна длинная белая полоска.

Мама повернулась и сердито посмотрела на барсучка, а тот зарылся поглубже в солому и ухватился за живот, который был круглым и тугим, как осиное гнездо.

– Так, — сказала мама и вытерла лапы о полотенце из лопуха. В одной лапе у нее была большая деревянная ложка. — Так.

Но больше она не успела ничего сказать, потому что на пороге появился второй барсучок, у которого через лоб от носа шли две длинные белые полоски. Он почему-то закрывал обеими лапами и нос, и эти полоски, и всю свою морду. Тихо прошмыгнуть в угол на подстилку из соломы ему не удалось, мало того, мама заставила его разжать лапы и показать нос, на котором повсюду были красные пятна.

– Что вы ели? — строго спросила мама.

– Он ягоды, — сказал барсучок с одной полоской и ткнул лапой в брата со своей соломенной подстилки.

– А он две горсти, — сказал барсучок с двумя полосками и завалился в солому.

– Так, — сказала мама. — Так.

Она отшвырнула ложку и поспешила за порог, чтобы нарвать травы и приготовить лечебный отвар.

– Она думает, мы наелись волчанки, — сказал барсучок с одной полоской и пихнул брата в бок.

– Нос чешется, — прогнусавил барсучок с двумя полосками.

Когда мама вернулась, оба брата лежали в соломе, свернувшись в клубки, и только две пары черных глаз внимательно следили, что она станет делать.

– Волчанка нигде не растет, только в овраге, — сказала мама, насыпая траву в чайник. — Зачем вы туда полезли?

– Он за шипучкой в бутылке, — сказал барсучок с одной полоской и лягнул брата, который в это время изо всех сил скосил глаза, пытаясь разглядеть самое большое красное пятно у себя на носу.

— А он выпил почти половину, — ввернул барсучок с двумя полосками и чихнул.

— Боже мой! — воскликнула мама и как следует тряхнула полотенцем из лопуха.

Она снова поспешила за порог, чтобы закопать поглубже бутылку, до которой добрались ее дети.

— Она думает, мы налакались шипучки, — сказал барсучок с двумя полосками и красными пятнами на носу.

— Живот раздулся, сейчас лопну, — заныл барсучок с одной полоской.

Когда мама вернулась, барсучата сделали вид, что крепко спят, зарывшись в солому. Но барсучку с одной полоской не давал покоя его живот, тугой и круглый, как осиное гнездо, в котором что-то крутилось и булькало, а барсучку с двумя полосками — его красный нос, который распух и чесался. Поэтому они оба то и дело вертелись и вздыхали. Мама приготовила лечебный отвар, растолкала барсучат и напоила каждого по очереди. Но тут она увидела, что пятки у ее детей все в песке, и что к соломенной подстилке от порога ведут песчаные следы.

— Так, — воскликнула она громко и с возмущением. — Так.

А потом взяла полотенце из лопуха и отстегала барсучат каждого по очереди по загривку, отчего у барсучка с одной полоской живо прошел живот, а у барсучка с двумя полосками перестал чесаться нос. Хотя, быть может, дело было в лечебном отваре.

— Я знаю, где вы были, — сказала мама, отдышавшись. — Вы наелись рыбьих костей, вот что! С тех пор, как пропал ваш папаша, нет мне покоя. Уж он не позволил бы вам шляться где попало и обжираться всякой гадостью, — мама подняла с пола большую деревянную ложку. — Вы прекрасно знаете, почему нельзя ходить за овраг! А уж к реке — тем более! Там люди. Вот где пропал ваш папаша!

Большой ложкой она помешала ужин в очаге и поспешила за порог, чтобы забросать колючими ветками тропинку, которая вела через овраг к реке.

— Она думает, мы рылись в песке, — сказал барсучок с одной полоской, потирая загривок.

— А та круглая штуковина с ручками завтра будет на месте? — осторожно спросил барсучок с двумя полосками.

— Ясное дело. Сами прятали. Она теперь наша.

— И мы заберемся в нее, как сегодня, и переправимся на другой берег? — добавил второй, немного волнуясь от того, что будет завтра.

— Само собой. Малость заливаает через край, но для таких худышек, как мы, — самое оно, — заверил первый и широко зевнул.

— Сколько там всего! — вздохнул барсучок с двумя полосками и мечтательно уставился в потолок. — Ты только смотри, греби со всех сил, не как сегодня, а то течением сносит.

— Надо бы поосторожнее с этими ягодами с большими косточками, — сказал первый. — У нас такие не растут.

Барсучок с одной полоской погладил живот, который больше не был

круглым и тугим, как осиное гнездо, и закрыл глаза, а барсучок с двумя полосками потрогал нос, который больше не был красным, и перекатился на бок. И когда мама пришла, было уже темно и тихо, только ветер за порогом шумел, раскачивая березы. Она сняла ужин с очага и стала смотреть на детей. Барсучата крепко спали в соломе, прижавшись друг к дружке, и снилось им одно и то же — как они переправляются по реке в тазу — той самой круглой штуковине с ручками, — отталкиваясь палками от дна и камней. И как на другом берегу, обходя места, где можно наткнуться на людей, рядом с потухшим костровищем, снова, как и сегодня, находят ароматную кучу со всякой незнакомой всячиной, в которой так и тянет порыться и попробовать все без разбору.

ТАТЬЯНА САПРЫКИНА

ГОРЛО БОЛИТ

У

СОРОКИ ЗАБОЛЕЛО ГОРЛО.

— Слава тебе, господи, — сообщила связке сушеных грибов белка, которая шуровала по хозяйству на соседней сосне, — а то от этих воплей уже не знаешь, куда деваться.

Сорока первым делом полетела к родственнице, которая жила у болота.

— Ты что, голос потеряла? — весело поинтересовалась родственница, оглядывая ее со всех сторон.

Сорока энергично закивала.

— Хочешь одолжить немного провизии?

Сорока помотала головой.

— Хочешь посмотреться в мое зеркальце? — насторожилась родственница.

Сорока с досадой махнула на нее крылом и полетела обратно.

На дне оврага, пристроившись к березе, медведь чесал спину.

— Чего там опять? Охотник? Собаки? Нет? Чего тогда? Вот ведь сорочье племя, не поймешь их средю.

И стал чесаться еще усерднее.

Расстроенная, полетела Сорока дальше.

За оврагом лиса учила лисят прятаться и ходить на цыпочках. Сорока села на ветку и раскрыла клюв.

— Хр-ррр-аххх-ря.

— Наверное, дождь собирается, — засуетилась лиса, принохиваясь.

Она собрала лисят и увела их в нору.

Сорока была в отчаянии. Домой она вернулась ни с чем. А между тем ее так и распирало — хотелось рассказать, что на болоте головастики вывелись на неделю раньше, что медведь в овраге поел всю малину, а что не поел, то помял, что у лисицыного младшенького кривые зубки, как у папашы, и будет он, поди, таким же сердитеньким. Может, ей, как дятлу, начать выстукивать по дереву? Сорока соскочила глаза на свой клюв. Жалко.

— Что-то тихо без тебя, — проворчала белка и положила перед Сорокой горсть спелой брусники. — Ну-ка, поешь. Ты где была? На горелой опушке? Видала, небось, сестрицу мою?

— Атрх-хэ-рррур, — возразила Сорока и закатила глаза.

Белка со злобным удовлетворением кивнула:

— Опять у нее новый хахаль. Так и знала! Вот когда я гуляла сразу с двумя парнями, мама кусала меня за уши, а этой, пожалуйста, все можно.

Белка удалилась в дупло на свою сосну, и Сорока услышала, как там она стала нервно перекладывать с места на место запасы, ворочаясь и ворча.

Сорока принялась торопливо клевать бруснику.

«Надеюсь, она лечебная. Надо поскорее с этим что-то делать, не то беда. Прямо беда».

ТАТЬЯНА САПРЫКИНА

КУУМБА

СЛИ ХОЧЕШЬ УВИДЕТЬ КУУМБУ, НУЖНО ВСТАТЬ СПИНОЙ к чему-нибудь красному, и перед этим с минуту обязательно смотреть на солнце. Затем нужно сложить ладошки перед грудью лодочкой и быстро повернуться вокруг себя семь раз. И потом приоткрыть глаза. И тогда в просвет между ресницами можно увидеть, как Куумба бежит от одного края глаза до другого — яркая такая точка света.

Если повезет, она остановится, станет умываться или еще что-нибудь вроде того. И уж совсем редкий случай — поманит лапкой или чихнет.

Куумба живет за ушами у счастливых людей, там она спит, играет, занимается своими делами. Так что, выходит, в том, что ты видишь Куумбу, ничего хорошего нет, ведь счастливые люди про нее даже не знают.

Н. ГАНЖА, Г. ПАНЧЕНКО, А. ВАЛЕНТИНОВ

ДЕКАБРИСТЫ. ВАРИАНТ — ПОБЕДА?

Восстание на Сенатской площади — один из знаковых моментов отечественной истории. Собственно, площадь на тот момент называлась Петровской. Но это, допустим, неважно: в истории декабризма как общественного явления — и, главное, в нашем его восприятии! — есть куда более «закоренелые», устоявшиеся легенды. А еще есть идеологические клише (регулярно «меняющие вектор»), есть частные ошибки историков (понемногу исправляемые историками же)... В конце концов, есть и белые пятна до сих пор нераскрытых загадок...

Поэтому любые рассуждения на декабристскую тематику заведомо, по определению спорны. Спорным получилось и это эссе: плод не дискуссии, а прямо-таки полемики авторов. Во всяком случае, первых двух. Кто прав — возможно, определит время, но, скорее всего, нет в таких спорах абсолютно правых и неправых. Может быть, именно поэтому в них (спорах) и рождается истина. Случилось ли это на сей раз — судить читателям...

*...Помнишь ли ты нас, Русь Святая, наша мать,
Иль тебе, родимая, не велят и вспоминать?..*

...Вот за что хотели мы нашу кровь пролить:

Чтобы кровию той волошку тебе купить,

Чтобы на Руси цепь народа разорвать...

(Ф. Вадковский «Желания»; после 1828 года)

Теза

Петербург. Сенатская площадь. Морозное декабрьское утро. 25 декабря 1825 года. Гремят выстрелы. По невскому льду движутся цепи наступающих солдат... Звучат команды офицеров... Гремят призывы: «Свобода! Равенство! Братство!»... Внезапная весть из Зимнего дворца повергает всех в шок! Царь пленен и убит... Победа... Верные императору части пускаются в бегство и сдаются на милость восставшим. Нет больше того, кому они присягали на верность, а значит, нет более смысла дальнейшей борьбы... Все как в шахматной игре. Таковы правила тех лет...

Вероятно, каждый из нас с детства пытался представить: что было бы, если бы те, кого мы сейчас именуем декабристами, выиграла в том бою? Или что было бы, например, не соверши командир Черниговского полка глупость, объявив на Рождество днюжку и тем самым потеряв драгоценное время...

В детских представлениях все просто, как в фильме «Чапаев». Сабли, солдатское «Ура!», гром побед и убегающие враги. Но сейчас, более-менее

умудренные жизненным опытом и осведомленные в истории, давайте заново представим всю ситуацию: что ждало бы многострадальную Россию, если бы декабристы свергли царя и возглавили бы страну «в ее минуты роковые»...

Антитеза

Да, с «технической» стороны дела победа восставших была вполне возможна. Особенно если бы вместо скомканной импровизации произошло именно то восстание, которое реально планировалось предшествующим вечером. В «общественном сознании» до сих пор преобладают легенды: очень трудно довести до рядового любителя истории, например, ту истину, что Трубецкий на самом-то деле в решающий момент вовсе не струсил и не предал восстание — а вот кто его предал и фактически провалил, так это Якубович. Тем не менее даже в таком «импровизированном» варианте дело вполне могло завершиться проигрышем правительственных сил. Другой вопрос, кто оказался бы в выигрыше. С очень большой, даже приоритетной вероятностью мог сработать вариант, в результате которого Николай I оказывается даже не обязательно убит, но категорически отстранен от власти — и вплоть до совершеннолетия маленького Александра II эта власть сосредотачивается в руках у Регентского совета во главе со вполне уцелевшим Милорадовичем. Причем те, кто ныне известен нам как «декабристы», в результате оказываются по разные стороны политических баррикад — но... эти баррикады имеют шанс так и остаться политическими, а Россия — стать конституционной монархией! Не исключен, конечно, и иной расклад, гораздо менее оптимальный, более кровавый, более бестолковый. Но говорить о заведомой обреченности восстания (нет, не так: о заведомо большей вероятности именно того проправительственного варианта, который осуществился «в реале») явно не приходится. Ведь если считать восстание декабристов не «революцией», а попыткой государственного переворота — то это первый в Российской империи *неудавшийся* государственный переворот!

Теза

Россия начала (да и до середины) XIX столетия представляла собой несколько иную страну, с народом, имеющим иной менталитет, нежели сейчас. Россия была патриархальная страна. И, что самое неприятное для декабристов, — на 80% крестьянская. Нет, крестьяне не были целиком забитыми и серыми, как нам представляется сегодня. Российская империя имела свою идеологию, которая до мозга костей пропитывала массы. Идеологией России было православие. Культ Царя — освящавшийся в вероучении — был несокрушим. «Царь — Помазанник Божий! Посягнувший на Царя — посягнул на самого Господа!» Трудно бы пришлось декабристам совладать с народными массами, которые свято верили в каждое слово сельского батюшки и с младых лет были воспитаны, что не только государь, но и даже помещик есть для них отец родной...

Отвлечемся от темы и вспомним, что в год отмены крепостного права, уз-

нав о том, что помещик более не владеет ими, крестьяне с болью в сердцах шли к царю просить о том, дабы хотя бы их деревеньку, а вернули бы «отцу кормильцу, барину-боярину»... **ОППОЗИЦИЯ, СОСТАВЛЯВШАЯ БОЛЬШИНСТВО НАСЕЛЕНИЯ ИМПЕРИИ, ДЕКАБРИСТАМ БЫЛА ОБЕСПЕЧЕНА!**

Незамедлительно — и это было бы самым первым, что совершили бы декабристы, — они лишили бы православную оппозицию того символа, который мог бы их объединить. Убийство царя входило в их планы, и это был пункт № 1. Для народа царь являлся символом его единства. За убийством царя последовало бы убийство и его наследников, и родственников, и сторонников монархии среди интеллигенции. Интеллигенция тех лет — дворянство. Это была прослойка общества, способная объединить движение сопротивления и противостоять интеллектуально сторонникам республики. Декабристы понимали, что, уничтожив дворянство не просто как класс, а именно физически, они обезглавливают сторонников монархии, в данном случае крестьян.

Антитеза

Да, конечно — если бы был принят какой-либо из крайних, «страшных» преддекабрьских планов. Но такие планы всегда поддаются корректировке реальной жизнью. Тем более, что декабристы — сложное, разнородное движение... как, впрочем, и их противники: те силы, которые мы очень условно называем «правительственной партией»!

Александр I длительное время и достаточно всерьез готовил страну к принятию конституции, отмене крепостного права и т. п., и т. д., но впоследствии от этих намерений отступился (насколько обоснованно — другой вопрос). Романовы несколько раз собирались завоевывать Константинополь, причем иногда были к этому крайне близки: Константин, так не к месту затесавшийся в декабристский сюжет, свое имя получил как раз «с прицелом» на константинопольский престол, куда его планировалось посадить чуть ли не сразу после рождения. В результате была бы создана своеобразная федерация вассальных монархий — и, даже провались эти планы через пару лет, весь балканский узел, в нашей истории породивший уж Первую-то мировую войну наверняка, неизбежно завязался бы по-другому. Как мы знаем, из-за срыва этих «собраний» история России отнюдь не прекратилась, а плавно перешла на запасной вариант.

Что касается декабристской победы... Кто сказал, что пестелевская антиутопия подлежала большему воплощению в жизнь, чем, скажем, конституционный проект Никиты Муравьева, предполагавший сохранение «церемониального», лишённого власти монарха? Или другой план (весьма популярный в Южном обществе: похоже, именно «вопреки» идеям Пестеля!): «...Царствующую фамилию всю посадить на корабли и отослать в чужие края в случае введения республиканского правления; а если бы принято было монархическое представительное, тогда оставить Александра Николаевича».

Да ведь надо еще учесть, что на момент восстания место Пестеля было возле параша в самом прямом смысле слова — и декабристы-победители вряд ли позабыли бы, в каком смехотворно-жалком положении оказался недавно столь грозный вождь Южного общества, смиренхонько и без малейших признаков героизма отправившийся под арест. Так что «Русская Правда» Пестеля — это, пожалуй, ПОСЛЕДНЕЕ, что могло реализоваться в подлинной истории!

Даже сумбурный, оглашенный в стрессовой ситуации «Катехизис» Сергея Муравьева-Апостола отнюдь не привел к немедленному приступу людоедства. Более того — он не привел и к сколько-нибудь быстрому, значительному «отпаданию» от Муравьева восставших солдат, хотя декларативный антимонархизм «Катехизиса» действительно мог этому способствовать. Самое же любопытное, что форма, да и содержание этого революционного документа («*Православный Катехизис*», начинавшийся словами «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...») были вполне приемлемы для того, чтобы первый же оказавшийся в наличии священник немедленно согласился торжественно прочесть его на городской площади, тем самым фактически благословляя восставших и примиряя с ними свою паству... А ведь речь идет не о столичном вольнодумце, но о типичном, «среднестатистическом» батюшке из глубинки!

Что же касается планов убийства царя (и тем более всей царствующей фамилии!) — то, как мы уже знаем, грядущие декабристы не были в этом сколько-нибудь едины. Из-за чего оно 14-го декабря и сорвалось. Ведь Каховский, полувывывавшийся, полуназначенный на роль цареубийцы, тем самым полувывывался-полуназначался на роль... «террориста-одиночки», безумного смертника, действовавшего якобы вопреки воле Тайного общества, которое в результате формально очищалось от обвинений в цареубийстве. Такая роль для Каховского оказалась слишком тяжела, и он, даже согласившись на нее, не сумел продержаться в этом амплу до решающего момента. Впрочем, «альтернативным вариантом» для него стало убийство Милорадовича — вообще-то даже более главной действующей фигуры, чем в тот момент представлялось декабристам...

Однако многие планы восстания (которое все же задумывалось отнюдь не с учетом того, что царь вдруг умрет столь внезапно и в таком медвежьем углу!) действительно предусматривали *устранение* Александра I. Но судьба подарила восставшим поистине волшебный вариант «междущарствия», да еще сопровождающегося отречением официального наследника, в народном и солдатском сознании уже ставшего императором. При таких обстоятельствах гибель (или принудительное отречение: вполне могло получиться и так!) Николая I, безусловно, выглядела бы как Божья Кара, заслуженно обрушившаяся на голову самозванца. Да, самозванца: а как еще назовут того, кто публично отрекся от престола, принес присягу Константину, но потом отчего-то снова пытался мутить воду и лезть в царя, однако был тем или иным способом остановлен.

Кроме того, давайте будем логичны. Можно подумать, что декабристские

планы (нереализованные!) — первый в России случай царевубийства... Даже Николай, совсем молодой человек, отлично помнил прошлый государственный переворот, именно царевубийством (отнюдь не первым!) и завершившийся.

Если же говорить о «80% оппозиции» — то, право слово, создается впечатление, что имевшаяся в наличии власть, вопреки декабристам, активно учитывала мнение этого неправящего большинства, считалась с его запросами и т. п. Вообще, как показывает опыт истории, поднять крестьян на восстание (или, наоборот, удержать их от оного) — довольно мудреное дело. Резоны, как будто совершенно очевидные для «человека со стороны», представителя образованного меньшинства, тут сплошь и рядом не срабатывают. Неписанный кодекс крестьянства содержал пункт насчет высокой степени покорности *имевшейся в наличии власти* — во всяком случае, до тех пор, пока та не переходит определенных границ.

(«Переход границ» тоже бывал странным, далеко не всегда он сводился к росту традиционного гнета или, наоборот, революционному переустройству. Например, «холерные бунты» были вызваны... попытками врачей наладить в охваченных эпидемией деревнях хоть какое-то лечение и санитарию.)

Может статься, что декабристы, в ряде случаев понимавшие современников — как-никак, своих собственных! — гораздо лучше, чем мы, потомки, готовы им позволить, сумели бы наладить с подвластной им Россией отношения, не сводящиеся к прямому террору. Недаром ведь они так опасались *выглядеть* царевубийцами, даже соглашаясь ими *быть!*

Иной вопрос, что потери на этом пути все равно были бы страшные: со стороны и «оппозиции», и «революционеров» (кавычки, пожалуй, нужны в обоих случаях). Но ведь реализовавшийся вариант в конечном счете привел к числу жертв, по меркам 1825 г. совершенно невыносимому — пусть даже применительно к самому 1825 г. они входят в число «отложенных проблем»...

Теза

Следующим, не менее страшным врагом для декабристов была церковь, носитель идеологии Русской Державы. От нее декабристы срочно попытались бы избавиться. Борцы против цензуры, радетели за свободу мысли, декабристы попросту установили бы жестокий полицейский режим, начав гонения на этих диссидентов еще большие, нежели до них проводило против вольнодумцев царское правительство. Это оттолкнуло бы от них народные массы. Террор против церкви родил бы множество новоявленных мучеников, множество групп сопротивления, объединенных православной верой, которые равнялись бы не на кого-нибудь, а на первых христиан, уподобляя себя именно им. Эти группы произвели бы огромное количество проповедников-агитаторов, которые без труда овладевали бы умами людей. Простой народ их бы понимал...

Антитеза

Нельзя сказать, что такой вариант абсолютно, по определению исключен, но вряд ли стоит приписывать людям той эпохи «правила поведения» времен Раскола — или, наоборот, Красного ТERRORа. Вспомним еще раз, что «первым христианам» уподоблял себя и своих сподвижников Муравьев-Апостол (недаром его программным документом стал «Православный Катехизис», а не, допустим, «Манифест атеистической партии»), причем в этом уподоблении он был, во-первых, абсолютно искренен, а во-вторых, далеко не одинок. И эти мысли достаточно естественным образом подталкивали к неприятию верховенства царской власти — ибо един Господь над нами, все же земные человеки равны сущ, и подобает им от Бога свобода и счастье. А яacobинская триада «Свобода, Равенство, Братство», будучи (иногда!) озвучиваема в своем кругу, отнюдь не предназначалась вот так сразу для «неподготовленных» солдат и крестьян!

Вообще же во всем комплексе декабристских планов крайне мудрено увидеть какие-либо «наезды» на православную церковь. Скорее уж наоборот! Ведь даже Павел Иванович Пестель (сторонники *борьбы с космополитизмом* не преминули бы заметить: по метрике он — Пауль-Михаэль Иоганнович, немец и лютеранин!), активный поборник самых крайних мер, был ярким сторонником полной русификации и религиозной унификации страны — но именно православию эти его меры как раз не угрожали. А вот, например, иудаизм Пестель намеревался извести под корень...

Теза

Крестьянские массы никогда не соединялись самостоятельно в единое целое. Сами они выступали только «мелкими партизанскими группами» — но всегда находились свои минины, пожарские, пугачевы и разины. Возникал не один русский бунт, а много и сразу.

Народные выступления в первые годы правления декабристов возникли бы в нескольких очагах. «Крестьяне-белогвардейцы» запросто брали бы под контроль отдельные волости. «Русской Вандеи» не возникло бы, но русские яacobинцы произнесли бы свой ответ на контрреволюцию карательными операциями с массовыми казнями. Давайте не забывать, что декабристы были прямыми идейными последователями своих французских товарищей, недавно утопивших в безвинной крови Францию. Единственное отличие от французской революции у русской было то, что французской жаждал народ, русские же — революции не хотели! В России к 1825 году революционная ситуация еще не созрела. Даже отдельные выступления в 1819 в Чугуеве, в 1831 в Старой Руссе и несколько им подобных не были выступлениями революционными. Повстанцы не провозглашали революционных политических лозунгов. Не провозглашал их и Устим Кармелюк, буквально терроризировавший Подолию. Все идеи Кармелюка сводились только к грабежу помещичьих усадеб и мести за отдельные обиды отдельных земляков. А восстания в военных поселениях имели скорее хозяйственные, нежели политические причины.

Антитеза

Современные исследователи слишком часто делают людей совершенно конкретной эпохи заложниками «прошлого» или «будущего». Но отрешившись от таких аллюзий, очень трудно увидеть в ПОДАВЛЯЮЩЕМ БОЛЬШИНСТВЕ декабристских мыслей и действий «идейное следование за своими французскими товарищами». Скорее уж наоборот! Комплекс декабристских идей в целом отчетливо проникнут антиякобинским (и, между прочим, антипугачевским!) духом. Декабристская же «революционность» подогревалась не столько абстрактным желанием освободить народ, сколько уверенностью, что неразумная верховная власть *сама* ведет страну к пропасти якобинства или пугачевщины (и Кармелюк тому порукой!), так что нужно спасать ситуацию даже ценой восстания, пока не поздно...

Теза

Карательные экспедиции войск против крестьян имели бы катастрофические последствия для экономики страны. Подрыв экономики в те годы означал далеко не инфляцию, а самый натуральный голод... Для самих же декабристов это означало политический крах. Революционный террор обратился бы террором против простого народа, против тех, за свободу которых они и выступали. Даже та незначительная часть крестьян и мещан, которая, возможно, и могла встретить революцию радостно, моментально отшатнулась бы от декабристов. Народная власть и народное правительство остались бы «народными» чисто номинально.

Антитеза

Безусловно, так и получилось бы, окажись крестьяне (и революционеры) 1825 года крестьянами (и революционерами) 1917 года. Но поскольку все сословия 1825 года были не кем-то, а самими собой — то им пришлось бы ОЧЕНЬ постараться, чтобы совместными усилиями свергнуть страну в пучину именно этих, совершенно «чужих» на тот момент опасностей. Будто им своих опасностей не хватало!

Для не лучших образцов советской фантастики характерен сюжет: прогрессивный герой попадает в отстало-феодальное общество и, *зная, как надо*, ухитряется осуществить в нем успешное восстание народных масс. Теперь же в моде совершенно иные сюжеты: современный монархист-государственник, четко знающий, *как надо*, попав в дебри родной истории, насильственно навязывает предкам свое виденье революционных событий (с которыми *надо* бороться) и контрреволюционных сил (которым, понятно, *надо* всячески помогать). Но как бы тут не перепутать, кто есть кто. Впрочем, и перепутать, и даже не перепутать куда сложнее, чем кажется, потому что реальные участники исторической драмы играют скорее «иные», чем противоположные роли...

Теза

Кроме того, декабристы имели еще одного врага — врага, свято верящего не

столько в божественное происхождение царской власти, сколько в православие и монархию как единственный источник вольностей и свобод своих. Этот враг Русской Республики (как и любой республики вообще) — казачество!

С казаками, территория которых простиралась от Карпатских гор до Тихого Океана, возможны два варианта развития событий.

Первый: казаки моментально объявляют независимость и заявляют о своем выходе из России. Тем более, прецедент этому тогда существовал. Еще были живы те, кто помнил Черкасскую и Запорожскую вольницы. Скорее всего, образовалось бы несколько государств под управлением военных правительств-сторонников монархии, причем в состав одного из них вошла бы вся Сибирь. Восточные границы России ограничились бы Уралом, а на юге граница пролегла бы по меже Земли Всевеликого Войска Донского. Выход к Черному морю также был бы утрачен навсегда. Украина не замедлила бы возродить Гетманщину, прихватив себе земли бывшего Крымского Ханства. Такое развитие событий побудило бы Турцию незамедлительно оспорить право владения Крымом и Новороссией, выставив как аргумент войска... И давайте не забывать, что у Османской империи тех лет в данном вопросе в Европе имелись кое-какие союзники... Россия получает беспокойных до невозможности соседей, неуправляемых казаков. Одни из них ведут войну с Турцией, а другие шаг за шагом освобождают уезды от революционной власти. Народ их встречает именно как освободителей. Для них декабристы — царевбийцы, посягнувшие на Помазанника Божьего. Этот освободительный поход казаков остановился бы на линии Воронеж — Самара, там, где завершались казачьи земли. Но Москвы казаки никогда бы не взяли. Не потому что у них не хватило бы сил, а потому что она им попросту была бы не нужна. В казачьем стиле — наложить контрибуцию...

Антитеза

Вера в «православие и монархию как единственный источник вольностей и свобод своих» для комплекса казачьих идей, разумеется, характерна — но отнюдь не определяет его весь целиком. Опять-таки можно подумать, будто казакам в новинку идти против центральной власти, равно как и «царей» из своей среды выдвигать, абсолютно осознавая их фиктивность.* И будто в российском (украинском, польском — нужное в нужном столетии подчеркнуть) были иные силы, кроме казачества, способные сколько-нибудь массово перейти, например, на службу «под турок» или «под персов», а то и вовсе «побасурманиться». Это для околосредневекового сознания шаг экстраординарный, чреватый загробной «вышкой» в адском пламени — но бывало и такое. Кстати, о «кое-каких союзниках» Османской империи.

* Наиболее характерная фигура тут — даже не Пугачев, а некий Илейка Муромец, «злодей поневоле» времен Смутного Времени: молодой казак (не столько возраст, сколько статус), которого господа старые казаки на сходе в самом прямом смысле выбрали «царевичем» и насильно, против его воли, заставили носить это звание, придававшее их достаточно стандартному походу за добычей совсем иной статус. Такая вот жертва дедовщины...

Любопытно, что знаменитый атаман Платов, герой 1812-го и многих других годов, на каком-то этапе чуть было не «пошел под турка» вместе со всем своим отрядом. О чем позже вспоминал не просто без угрызений совести — но, наоборот, с возмущением по поводу верховной власти: дескать, «до чего же казаков довели, ироды!».

(Чем же, собственно, «довели»? Тем, что поставили «неправильную» военную задачу: такую, которую сам Платов вместе с казачьей старшиной, посоветовавшись, сочли слишком трудной и неоправданно опасной. Мысль об ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ выполнения воинского приказа, пускай даже «неудобного», если и присутствовала, то лишь на заднем плане: казаки в тот момент остро ощутили себя *союзниками*, а не *подчиненными* или тем паче *подданными*. К счастью, на следующий день сверху пришел иной приказ, которому повиноваться было гораздо легче — и потребность переходить на сторону турок автоматически отпала...)

А контрибуция — далеко не самый тягостный вариант. С огромной вероятностью, всяческих «гречкосеев» на всех освобожденных (точнее, захваченных) территориях принудили бы, как минимум, нести в пользу казачьего войска разного рода повинности. И повинности эти оказались бы куда более тяжким, облаченным в менее «цивилизованную» форму бременем, чем привычное, обкатанное историей крепостное право... от которого декабристы вообще-то собирались крестьян освобождать. По проекту Никиты Муравьева — даже с землей (меньший надел, чем ранее предполагало дать правительство Александра I, но... правительство-то уже давно раздумало и давать освобождаемым крестьянам землю, и вообще всерьез планировать их освобождение!). Да, в целом революционное дворянство намеревалось «зажикнуть» земельные богатства, и трудно сказать, в какой степени победившим декабристам удалось бы здесь найти золотую середину: это действительно весьма узкое место в их стратегии! Но все равно «как освободителей» народ бы казаков встречал недолго.

Впрочем, сама постановка вопроса умозрительна: тогдашние казаки были людьми 1825-го года, а не 1640-го или 1918-го. Поэтому те формы гражданской войны, которые были возможны «до» или «после», на «во время» отнюдь не проецируются!

Ровно то же самое следует сказать об Османской империи. Она очень многое могла «до», кое-что сможет и «после» — но именно «во время» 1825 года ей было абсолютно не по силам делать резкие движения...

(Окончание следует)

ЭДГАРТ ДИТРИХ

ГЛИННИКИ

В данной статье речь пойдет об одной из самых темных и малоизученных страниц в истории Великой Отечественной Войны, событиях, произошедших в 1941–1944 годах в белорусских Глинниках.

Крохотный городок Глинники, с численностью населения, едва дотягивающей до 10000 человек, расположен в Гродненской области в паре десятков километров от белорусско-польской границы. Сегодня с остальным миром его связывает двухполосная разбитая асфальтовая дорога, а в годы Великой Отечественной все ограничивалось лишь грунтовкой, во времена распутицы становившейся непроходимой. Возможно, именно поэтому ведомство Геббельса избрало этот Богом забытый край — тогда еще село, а не город — для чудовищного эксперимента по преломлению реальности, устроенному немецкими оккупантами.

Въезжая в город и поражаясь виду полуразрушенных хрущевок, вкрапленных среди деревянных индивидуальных домов, еще возможно довоенной постройки, я пытался представить себя на месте шокированного лейтенанта Смирнова, в 44-м входившем в освобожденные Глинники.

«Расклеенным повсюду плакатам, прославляющим немцев, мы уже не удивлялись — такое было в любом освобождаемом городе. Но вот встреча, устроенная местными жителями, была... неожиданной. Первые встретившиеся две женщины несли бидоны с молоком, они увидели нас, побросали бидоны, стали креститься и причитать: «чур, чур!», будто увидели не красноармейцев, а призраков»¹.

В этом нет ничего удивительного, если знать что происходило в Глинниках после занятия города немцами.

Если быть точным, то оккупации как таковой не происходило. Уже 24 июня 1941 небольшой немецкий отряд, пробыв в селе два дня, отбыл для продолжения сражений на восточном фронте. Через неделю в Глинники прибыл немец, «представившийся сотрудником министерства пропаганды и объявивший, что теперь население города освобождено от иудейско-большевистского режима и наступили времена без коммунистов и капиталистов, а благодарить за это надо фюрера немецкого народа Адольфа Гитлера»².

¹ Архив автора. Беседа со К. Л. Смирновым от 24 января 2007 года.

² Архив автора. Беседа с М. О. Лукашевичем от 17 июля 2008 года (Текст беседы адаптирован к нормам литературного русского языка с попыткой сохранения «народного» стиля).

Практически сразу же город был «украшен» плакатами новоявленного освободителя, а жителям розданы агитационные материалы, раскрывающие прелести нового порядка, свалившегося как снег на голову. В кратчайший срок был налажен выпуск еженедельной газеты «Глинникские вести»³. Пропагандистские издания на оккупированных территориях довольно часто грешат, мягко говоря, искажением реального хода событий на фронте. Однако эти «неточности» меркнут перед враньем, развернувшимся на страницах «Глинникских вестей». Если в период до ноября 1941 года излагаемые события в целом соответствуют их реальному ходу, то в последующих номерах газеты можно узнать следующее: 1 декабря 1941 года была взята Москва, а «иудобольшевики» во главе со Сталиным бежали в Куйбышев, который пал 20 декабря того же года, 30 декабря объявил о сдаче гарнизон Ленинграда, в январе началось наступление в южном направлении, завершившееся взятием Сталинграда 12 февраля 1942 года, Тбилиси 24 февраля, Баку и Еревана 7 и 14 марта соответственно. 1 апреля 1942 года было объявлено днем победы над иудобольшевизмом и днем освобождения народов Советского Союза от иудобольшевистского ига. В этот же день глава Советского Союза Георгий Жуков подписал мирный договор по которому СССР прекращал существование, Красная Армия ликвидировалась, а территории до Урала отходили под протекторат Великогерманского Райха⁴.

«Мы читали обо всем этом, некоторые, значит, поначалу не верили. Помню, мать моя, как узнала, что Москву взяли, принялась рыдать, значит: «Как же это-то? Москву-то уже взяли-то! Что ж то будет-то?» Да ничего и не стало после этого, значит. Как жили до этого, так жить, значит, и продолжали. Отец, помню, тогда, значит, сказал матери: «Раньше-то под царем были, потом-то под поляками, потом-то под Сталиным, теперь вот под Гитлером пришел черед пожить-то»⁵.

Уже после «победы» в «Глинникских вестях» публиковались материалы о прекрасной жизни в Европе и на «освобожденных» территориях, имелся литературный раздел, состоящий из произведений классиков русской литературы, а иногда из произведений местных жителей, отдельную страницу — с 1943 года — отвели под прославление русских, украинцев и белорусов, сражавшихся за немцев ради освобождения народа от иудобольшевиков. Словом, немцы всячески моделировали в Глинниках мирную жизнь, стремясь максимально удержаться от вмешательства в нее (оно заключалось лишь в обязательных поставках продовольствия со стороны совместных хозяйств).

«Каждое 1 апреля, ну два раза, у нас праздновали День Победы, значит. Во всех домах развешивали флаги со свастикой, значит, проводили митинг. Народ, в общем, с этим со всем свыкся, значит. Помню, у нас как-то застолье

³ Первый выпуск, датирован 2-м августа 1941 года.

⁴ Подшивка газеты «Глинникские вести» за 1941 — 1944 года. Подшивка любезно предоставлена автору Максимом Олеговичем Лукашевичем, сохранившем для истории эти бесценные издания

⁵ Архив автора. Беседа с М. О. Лукашевичем от 17 июля 2008 года.

было по случаю свадьбы сестры, значит, и там наш активист сельский встал так, значит, и говорит: «А сейчас давайте выпьем за человека, благодаря которому мы все здесь собрались! За Адольфа Гитлера!». И все, значит, молчат. А на свадьбе был, значит, немец в форме такой красивой. И все, значит, молчат и на него косятся. А он так голову чуть наклонил, мол, верно говоришь, значит. И все, значит: «За Гитлера! За Гитлера!» и давай чокаться. А активист этот — Ванька — к нам в 39-м с советскими пришел, значит, сначала газету издавал «Красный труженик», весь такой за Сталина, значит, был, а как немцы пришли, сразу к ним подвзался в «Глинникские вести», и весь такой, значит, за Гитлера сразу стал»⁶.

По воспоминаниям М. О. Лукашевича в ноябре 1943 года к ним приезжала немецкая делегация во главе с человеком, представившемся как райхс-лейтнер Белоруссии фельдмаршал фон Бок.

«Ну, приехал, значит, весь такой важный. Мы его хлебом-солью встретили, значит. Он десять коров подарил и, значит, свиней. Походил по городу, говорил, значит, что немецкий и белорусский народы всегда дружили, и ничего плохого против нас они не имеют, они, значит, не иудобольшевики какие, а добрые немцы. Обещал, что в следующем году построят новую дорогу, значит»⁷.

Был ли это реальный фельдмаршал фон Бок или нет, установить не представляется возможным. Однако новой дороги «освободители» так и не построили, а с весны 1944 года выпуски «Глинникских вестей» стали выходить с перерывами.

«А потом, значит, советские пришли. Мы, прям, обомлели все! Как это так, значит?! Немцы ж их победили, значит?! Они что, снова войну затеяли и немцев стали побеждать, значит?! Они, значит, идут по городу, а народ от них шарахается, а они, значит, вроде как не понимают, чего это от них так, значит?! Потом мы им стали рассказывать, что да как, стали газету нашу показывать, а они белее белого становятся и говорят, значит, не было ничего такого, но говорят как-то не очень-то уверенно, будто сами и не верят, что они, значит, немцев-то побеждали. А мы-то уж и белее их были, потому что 3 года почти ж то и думали, что, значит, немцы победили и Сталина убили. Некоторые рассудком помутились сильно, а гаушля... в общем, главный наш при немцах, он, значит, сразу и застрелился, а Ванька, тот который газету, значит, делал, он повесился. Потом нам, конечно, рассказали, как все на самом-то деле было, значит. Ну, в общем, что с людьми тогда случилось... думали, вот расстреляют всех, ан нет, значит. Помню, мать моя, как узнала, принялась рыдать, значит: «Как же это-то? Что ж то будет-то?» Отец, помню, тогда сказал матери: «Раньше-то под царем были, потом-то под поляками, потом-то под Сталиным, потом-то под Гитлером, теперь вот снова-то под Сталиным поживем-то».⁸

⁶ Архив автора. Беседа с М. О. Лукашевичем от 17 июля 2008 года.

⁷ Архив автора. Беседа с М. О. Лукашевичем от 17 июля 2008 года.

⁸ Архив автора. Беседа с М. О. Лукашевичем от 17 июля 2008 года.

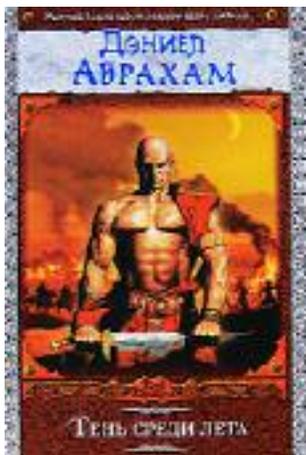
В отечественной историографии тематика коллаборационизма долгое время находилась под запретом. Лишь в последние пару десятилетий этот аспект Великой Отечественной Войны раскрывается историками. Однако даже сейчас мало что можно узнать об истории оккупации в Глинниках. Надеюсь, данный материал сможет пролить свет на отвратительное извращение истории, перемоловшее несколько тысяч судеб простых людей.

Сложно сказать, какую необходимость усматривали в подобном эксперименте высшие нацистские руководители. Возможно, они просчитывали возможность неуспеха в войне, последующего мира и тогда собирались развернуть наработки, отточенные на Глинниках, в гораздо более крупных масштабах. Тогда миллионы людей стали бы жить в параллельной реальности, где победителями считались бы немцы, а героями — ставшие на их сторону коллаборационисты. Однако, как показывает опыт Глинников, сколь бы умело не конструировался альтернативный мир, в котором белое заменено на черное, он рухнет как карточный домик, при столкновении с реальностью.

15.10.2008, Львов

АРСЕНИЙ ГОРДИЕНКО АКА DRAGN

СУМРАЧНОЕ ЛЕТО

Дэниел Абрахам. Тень среди лета. — М.: АСТ, 2009. — 352 с.

К дебютам у читателя обычно особенное отношение. Вдруг повезет, и новое произведение принадлежит перу Великого новатора! Или, на худой конец, с этого автора начнется какая-нибудь новая веха в давно набившем оскомину фантастическом жанре. Однако в то же время есть опасения столкнуться с еще одним графоманом, а так не хочется в который раз слушать знакомые басни о вечных варварах на могучих жеребцах. Но как же приятно обмануться в лучшую сторону...

«Тень среди лета» — дебют Абрахама в крупной форме. До этого он был известен как автор рассказов. Роман к тому же открывает тетralогию «Суровая Расплата». Стоит ли внимания дебютный цикл Дэниела Абрахама? Давайте разберемся.

Мир, который создан автором, является смесью Китая и других восточных стран. Хайем — страна с древними обычаями и необычной культурой. Жители страны обращаются друг к другу, прибавляя разные окончания к имени человека. К примеру, «тян» — это уменьшительно нежное отношение, указывает на дружеское, но при этом официальное покровительство старшего, «кво» — обращение к учителю. По имени в этом странном мире можно называть только близких людей, иначе это будет расцениваться как фамильярность. Следующая черта культуры Хайема — язык жестов. Все подчеркивают свои слова не только интонацией, но и жестами: чуть опущенная голова — сожаление, незаметное движение кистей — волнение и тому подобное. Абрахаму удалось очень органично вплести разнообразные детали в картину созданного мира. И этот мир представляется читателю очень живым, колоритным, необычным, целостным и полным древних традиций.

Хайеме — страна дворцов в арабском стиле, уютных чайных и удивительных рабов, которые продают в рабство самих себя. Но могущество Хайема держится на андатах. Каждый андат — это огромная сила, это идея, воплощенная в материальном человеческом существовании. Соответственно, идеи первоначально были очень разные. Одни андаты могут вызывать дожди, другие — ускорять рост растений. Их возможностей не перечислить. Но одна поражает воображение: андаты в состоянии исторгать плод у беременных

женщин. Такой способ считается самым безопасным избавлением от нежелательной беременности. Такие возможности сформировали традицию «скорбного торга». За плату хаю (королю города) андат избавит от ребенка. И что поделаешь, такая услуга пользуется достаточным спросом.

Но кто же порождает сами идеи до их воплощения в жизнь? Поэты, особые люди, которые учатся всю жизнь, чтобы всего лишь один раз попробовать воплотить андата. Ошибка равносильна смерти. Поэтами становятся только младшие дети высокопоставленных граждан, исключительно мальчики. Их обучают в особой школе, и если они преуспеют в учебе, то получают клеймо поэта. Стать поэтом — единственная возможность уклониться от участия в братоубийственной войне за наследование. Поэт имеет право воплотить уже использованные идеи, но это чревато осложнениями и намного опасней, чем воплотить собственную идею. Но иногда приходится идти и на это, ведь каждый андат является уникальным, и именно такие свойства необходимы в данный момент.

Действие почти всего романа происходит в самом южном городе Хайема — Сарайкете. Мельком мы увидим школу поэтов. Об основном конкуренте Хайема заморском Гальте мы узнаем совсем немного: его жители обладают огромной военной мощью и техническим развитием, у них есть паровые двигатели, но у них нет андатов, поэтому они вынуждены идти на различные уступки Хайему.

Таков живописный фон событий. Сарайкет переживает не лучшие времена. Чтобы взойти на трон, наследнику надо убрать всех своих братьев, и он уже ввязался в эти подлые королевские дела. Но заморский соперник Гальт, который долго терпел превосходство Хайема, успел покорить многих соседей, и намерен бросить вызов своему вечному сопернику. Однако андаты на стороне Сарайкета, и, значит, любая открытая конфронтация приведет к массовым выкидышам у гальских женщин, последуют и другие ужасы. Поэтому Гальт замыслил тонкую интригу по уничтожению поэтов и андатов. Прежде всего, нужно истребить андата Сарайкета, который сам желает развоплотиться. Именно развоплощение — мечта любого андата. Для Хайема это потеря былого могущества, но главное — это андат. Ведь в стране их все меньше, а воплотить их все сложнее.

В эти тяжелые времена переплелись судьбы совершенно разных персонажей. Это и молодой ученик поэта Маати, и управляющая делами одного из гальских торговых домов Амаат, ее помощница Лиат, сбежавший ученик Ота и другие. Абрахам создает убедительные образы всех персонажей. Кто-то преследует свои цели (как андат Бессемянный), кто-то не может разобрататься в своей любви (как Лиат), кто-то не может определить свою цель (как Ота). Персонажи удивительным образом меняются и за ними интересно следить. В самом начале поэт и учитель Маати Хешай предстает жалким и неприятным толстяком, но чем глубже раскрываются отношения с его андатом, тем большее сочувствие он вызывает.

Все персонажи зависимы друг от друга, действия одного влияют на другого, создавая цельность событийного ряда. Лишних или случайных персо-

нажей, которые появляются, чтобы произнести «Чаю подано!», нет. Абрахам очень любит ставить своих героев перед выбором, и их решение не всегда на стороне добра.

Как для эпического фэнтези, повествование в романе на удивление спокойное — нет сражений, или острых столкновений. Преобладают переживания, размышления и интриги. Основная цель — нагнетание атмосферы. Сарайкета в начале романа и в конце — это уже совсем разные города.

Могу засвидетельствовать, что восточная атмосфера удалась. При этом автор достиг этого минимальными средствами, не загружая читателя огромным количеством описаний. Мало красок, зато картинка — чудо как хороша. А вот эпичности не хватает. Может быть, сражения и крупномасштабные интриги заготовлены впрок для следующих томов.

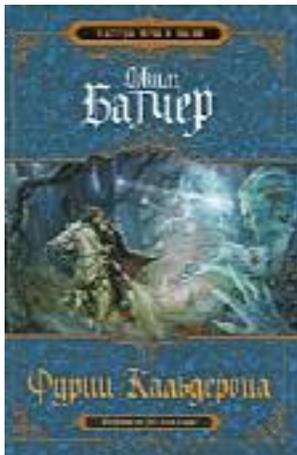
Удовольствие от чтения получаешь благодаря оригинальному стилю письма, сохраненному приличным переводом. Роман отличается спокойным и плавным движением. Но главный минус — отсутствие карты. В жанре эпика это постоянное безобразие, но все надеешься, что наконец издание подготовят с необходимыми скромными удобствами для читателя. Хотя роман касается небольшого мира, но представлять его хочется в полной мере. Надеемся, что карта появится в следующих томах.

Таким образом, мы имеем интересную фэнтези с восточным колоритом. Живые и внутренне противоречивые персонажи; интригующий сюжет, интересный необычный мир. Чудесное плавное и спокойное начало эпика, ни одного сражения, все акцентировано на героях. Карты на руках, игра началась. Рекомендуется для любителей неторопливой фэнтези в восточных декорациях, где предпочтение отдано психологии интриг и персонажей. И тем, кто готов подождать эпичности в следующих томах.

Дебют Абрахаму удался. Он удовлетворил не все прихоти читателя и претензии к дебюту, но многое удалось на славу. С таким новичком хочется продолжить общение в дальнейшем.

АРСЕНИЙ ГОРДИЕНКО АКА DRAGN

ФАЙЛЫ АЛЕРЫ

Джим Батчер. Фурии Кальдерона. — М.: Эксмо, Домино, 2009. — 544 с.

Писательская карьера Джима Батчера началась с длинного сериала в жанре городской фэнтези — «Файлы Дрездена». Поначалу это был вполне стандартный цикл, но постепенно он разросся и окреп. С каждой новой частью цикл приобретал определенную целостность, и все больше нравился читателям. И как раз на переломном романе («Обряд на крови»), который оказался особенно успешным, Батчер в тот же год открывает фэнтезийный цикл «Кодекс Алеры». Мы долго ждали первого тома этого цикла, и теперь можем узнать, удалось ли Батчеру сыграть на новом поле так же удачно.

Алера — государство, которое развивается, обживает новые земли, строит города. Алера оплатила свое могущество потом и кровью: не единожды сражалась и покоряла народы, изгнала диких варваров-маратов на северные ледовики, и построила город Кальдорон. Многие годы на землях Алеры царили мир и процветание. Но в одночасье семнадцать лет назад все рухнуло. Страна пережила нашествие маратов, было разрушено графство Кальдерона, пострадали крестьянские угодья и убит наследник династии Первых Лордов Гаев. Хотя нападение удалось отбить и залечить раны, но с тех пор в стране неспокойно, настали смутные времена — придворная знать охвачена испепеляющими страстями, плетутся интриги, зреют заговоры. Заговорщики стремятся свергнуть Первого Лорда, подталкивая кланы маратов к нападению на графство Кальдерон. Но самое неприятное, что на стороне мятежников предатель-курсор (курсоры — курьеры и шпионы на службе Первого Лорда), посвященный во все государственные тайны. Первый Лорд тоже не дремлет и посылает в долину Кальдерона своего курсора разобраться в обстановке. А в это время мальчик Тави и его дядя Бернард уже в вооруженной стычке добыли сведения у разведчика маратов, и хотят сообщить графу о надвигающейся опасности.

Неоспоримым является мастерство и опыт Батчера. Сюжет лихо разворачивается, события стремительно меняются. Незаметно, но все более основательно знакомится читатель с интересным миром, окутанным легким флером римской культуры. К примеру, военнотружущие именуются легионерами, Первые Лорды выступают членами династии Гаев, а нынешний прави-

тель носит имя Секстус. Но в остальном это фэнтезийный мир, в котором есть место рыцарям, замкам и другим соответствующим атрибутам жанра. Мир Алеры преисполнен магии. Главным воплощением магических сил выступают фурии — существа, управляющие стихиями. Каждый житель владеет способностью общения с определенными фуриями (воды, огня, металла, воздуха, земли, деревьев) и способен добиваться от них помощи и поддержки. Фурии воды могут врачевать, водные маги очень чутко слышат мысли людей. Маги металла — лучшие мечники. Маги воздуха — лучшие курсоры и так далее. Каждая фурия имеет свою стихию влияния. К примеру, если закопать мага воздуха в землю, то он лишится своих способностей. Фурии, как всякие живые существа, обладают своим характером, готовы помочь своему хозяину, и в чем-то на него похожи. Но существуют и дикие фурии. Они живут повсюду, могут вызывать грозы, дожди, метели, землетрясения и другие неприятности. Встреча с ними может закончиться для человека плачевно. Батчеру удалось интересно выписать всю магию фурий, но, зная по «Дрездену» его писательские проделки, можно ожидать, что в дальнейшем будет выстроена еще более четкая и определенная система магии.

Но не только магией привлекателен мир Алеры. В нем живут интересные народности. К сожалению, нам показали только маратов — диких жестоких варваров, которые неспособны призывать фурий, но умеют дружить с животными. Мараты делятся на кланы в соответствии с тотемными животными, которыми они повелевают. Вскользь упоминается о северных народах, изгнанных алерианцами.

Почти все действие происходит в долине Кальдерона — богатого и обширного графства, на территории которого расположились угодья гольдеров, местных помещиков. Но весьма примечательным является мрачный Восковой Лес, в котором обитают паукообразные Хранители. Весьма колоритное место.

Итак, кто же замешан во всей этой кутерьме? В первую очередь, курсор Первого Лорда — Амара, выпускница Академии, отлично зарекомендовавшая себя раньше. Это ее первое столь важное задание, а она пока не предполагает, чем все обернется. Еще есть Тави, молодой паренек, не имеющий в свои пятнадцать ни одной фурии, хотя дети должны их приобретать гораздо раньше. Все свои проблемы он решает благодаря собственным способностям — смекалке и бесстрашию. Его дядя — Бернард, владелец Бернардгольдера, сильный маг земли и дерева, причастный ко всем событиям, пытается помочь своей стране, а заодно и себе, своим владениям, сестре и племяннику Тави. Читатель познакомится также с одним из лучших мечников — Олдриком, и его возлюбленной, водной ведьмой Одиной, а также с наемниками мятежников и многими другими. Батчер выписывает и главных, и второстепенных героев очень своеобразными, убедительными. За ними интересно следить. Им сочувствуешь. Каждый найдет себе персонажа по вкусу, все удались, многих второстепенных персонажей мы еще точно повстречаем. Джим любит промелькнувших когда-то давно героев выводить в последующих томах на более видное место.

Первый роман «Кодекса Алеры» построен по принципу, который писатель довел до совершенства в цикле о Гарри Дрездене. Стремительно развивающийся сюжет, огромное количество сменяющих друг друга событий. Созданный мир отличается интересной и четкой магией, крепко обустроен.

Не могу не сказать пару слов о переводе. Его выполнил переводчик цикла о Дрездене — Н. Кудряшов. Не считая некоторых ляпов и неточностей, перевод отменный. Расстраивает, что последующие романы попали в руки другого переводчика. Будет жаль, если он нечаянно разрушит уютность мира, который уже полюбился читателю, несоответствием имен или еще какой-нибудь небрежностью. К слову, одна небрежность уже есть. Вторая книга в оригинале называется «Academ's Fury» («Фурия Академии»), а у нас будет издана как «Битва за Кальдерон». А ведь название-то в оригинале говорящее.

И вечное замечание— карты опять нет. Конечно, можно не расстраиваться, в западном издании — то же самое. Но для эпиков такая деталь, как карта, очень существенна.

Таким образом, мы имеем очень приятный (и неожиданный) дебют Батчера на границах эпической фэнтези. Интригующий и крепкий сюжет, без провисаний. Множество милых сердцу, как главных, так и второстепенных, персонажей. Интересный мир с интригующей магией. Роман логически завершен, но много неуловимых тайн ждут раскрытия. Повторюсь — точно так же заканчивается каждый томик Файлов. Так что после завершения чтения хочется сразу же бежать покупать следующую книгу. Идеальный задел для качественного долгоживущего сериала. Будем надеяться, что «Кодекс Алеры» повторит успех «Файлов Дрездена».

ККК72

БИОЛОГИЧЕСКОЕ ТАНГО

Дмитрий Колодан, Карина Шаинян.
Жизнь чудовищ. — М.: АСТ, 2009. — 416 с.

Нечасто мне в последнее время доводилось видеть совместные авторские сборники двух писателей, не являющихся постоянными соавторами. Тем более удивила меня оригинальная компоновка сборника, в котором рассказы Колодана и Шаинян перемешаны друг с другом. Объединяет этих двух авторов, во-первых, биологическое образование, наложившее сильный отпечаток на творчество, во-вторых, оригинальность стиля, а в-третьих, прочная дружба и сходный образ мыслей. В результате сборник получился очень удачным. Не могу не согласиться с Игорем Рубиным, это тот редкий случай, когда целое

производит более сильное впечатление, чем каждая часть по отдельности. Рассказы весьма удачно дополняют друг друга, а вместе создают очень оригинальную, специфическую атмосферу.

Попробую охарактеризовать творчество каждого из авторов. Дмитрий Колодан — этакий Паганель от биологии. Добродушный чудак, способный выдвинуть самую эксцентричную идею и заставить всех окружающих в нее поверить, но при этом — прекрасный ученый.

Рассказы Колодана неизменно необычны. В большинстве случаев действие происходит в каких-то экзотических дальних странах. Во многих рассказах в наличии стандартный набор героев: молодой симпатичный чудак, загадочная красавица, пожилой и еще более чудаковатый родственник главного героя, ученый-злодей, буруеваемый черными замыслами. В рассказе выдвигается некое совершенно оригинальное предположение, кажущееся всем окружающим полным бредом, например, о том, что в сурках сосредоточена невидимая масса Вселенной. Затем из-за действий ученого-злодея, происков инопланетян или просто благодаря случайности мир оказывается на грани катастрофы, но чудачки-герои находят выход, и наступает очередной хэппи-энд. Важную роль в событиях неизменно играют некие существа: от крабов и кальмаров до пони или все тех же сурков. При этом рассказы написаны ярко и живо, с хорошим юмором. В результате получается симпатичная, хоть и несколько напоминающая комикс, история.

Читая рассказы Колодана, так и чувствуешь дух приключений, характерный для литературы девятнадцатого века. Есть, однако, у этих рассказов и

свои недостатки. Этим историям частенько не хватает глубины (в лучшую сторону выделяется «Тяжесть рыб») и некоторые из них слишком уж напоминают друг друга. Больше других мне понравились «Тяжесть рыб», «Круги на воде», «Вся королевская конница». Единственный рассказ, выпадающий из общего ряда, — «Зуб за зуб», в котором чувствуется влияние Карины Шаинян.

Творчество Шаинян по стилю чем-то напоминает Колодана, но жанры и сюжеты произведений совсем не похожи. Большинство историй Шаинян находятся где-то на грани хоррора, триллера, психоделики. В этих странных рассказах не всегда можно четко описать сюжет, но они сильны своей образностью, специфической атмосферой надвигающейся беды. Вообще-то подобная литература совсем не в моем вкусе, но в некоторых случаях Шаинян удалось заинтересовать и зацепить меня. Больше других мне понравился рассказ «Жираф-в-шарфе», очень неплох «Зеленый палец». Совсем не понравились «Минтай» и «Смеющийся». От некоторых рассказов остались очень противоречивые впечатления, например, от «Локатора» или «Рыбыворонец». Кажется, что каких-то штрихов в этих историях не хватает, чтобы все встало на свои места. Большинство рассказов явно рассчитано на любителя. Желаящим прочесть нечто странное, необычное, они должны прийти по вкусу, а вот поклонникам более традиционной литературы могут совсем не понравиться.

Ну, а больше всего в сборнике мне понравились совместные рассказы двух авторов. К блестящей фантазии Колодана Шаинян очень удачно добавляет жесткость и глубину историй, благодаря чему получаются маленькие шедевры. И «Над бездной вод» и «Затмение» и «Жемчуг по крови» очень хороши.

Завершает сборник рассказ Владимира Березина, автора столь же необычного и оригинального, как и Колодан с Шаинян. Вот чей сборник я бы тоже прочел с большим интересом. Этот рассказ очень удачно вписывается в концепцию сборника, а его название — «Гармония» — как нельзя лучше передает ощущение от книги.

В итоге могу смело рекомендовать этот сборник тем, кто хочет прочесть нечто яркое, необычное, нетривиальное, с трудом помещающееся в рамки определенных жанров. А вот поклонникам более традиционной литературы сборник может и не понравиться.

МАРИНА КОМИССАРЕНКО, БОРИС СИДЮК

ПРИНИМАЙ НАС, СУОМИ, КРАСАВИЦА!

Липкая и душная жара навалилась на славный город Киев. Алчущая более умеренной погоды душа извлекла из недр изнемогающего от жары организма только одно желание — на волю, в пампасы, к Деду Морозу в зубы, на север, в Финляндию. В Финляндию? В Финляндию! Ну, а почему бы и нет, спросили мы сами себя, а потом и друг друга. Там прохладно, там море и есть фэны. А значит, есть национальный конвент. Вот такой — Финнкон. В 2008 году мы уже собирались посетить финский конвент в городе-побратиме Киева Тампере, но тогда обстоятельства сложились не в нашу пользу. Упустить же такую возможность еще раз было бы непростительно. Ведь конвент проходил с 10 по 12 июля в столице страны — Хельсинки. И так уж сложилось, что именно у этого Финнкона 2009 года итальянцы выиграли право проведения Еврокона-2009, а один из старейших российских конвентов Интерпресскон в Санкт-Петербурге отобрал право на проведение 15-го юбилейного конвента стран Балтийского моря — Балткона. Впрочем, жаловаться оргкомитету Финнкона и его председателю Юкке Халме было не на что: в сравнительно небольшой Финляндии с населением всего 5 миллионов человек местный национальный конвент — крупнейшее фантастическое событие всей Европы. Еще бы: даже лидеры европейского фэн-движения — британцы — не могут похвастаться, что на их конвенты съезжается почти 15 тысяч человек.

Вообще финский фэндом представляет загадку даже для соседей-скандинавов. При прочих равных условиях активность любителей фантастики в Финляндии на порядки выше. Хотя, не исключено, что все дело в менталитете. Конвент хорошо показал, почему именно Финляндия удерживает пальму мирового первенства по проникновению Интернета в повседневную жизнь, а финский дизайн считается одним из лучших на планете. Фантазия организаторов и участников, похоже, не ограничивается ничем, а бьет тугой струей, брызжет фонтаном и заливает Финский залив.

Особых сложностей с оформлением документов не было. Авиабилеты куплены, гостиница забронирована. Позади

таможенный и паспортный контроль. 2 часа лета от одной столицы до другой, и вот мы уже вступаем во владения техника Большого Хельсинки, на землю главного аэропорта страны Вантаа, расположенного рядом с одноименным пригородом финской столицы. Хельсинки, как и всю Финляндию, вряд ли можно назвать туристической Меккой. Главные исторические достопримечательности города относятся к периоду Российской Империи. Гордость жителей столицы — Успенский и Николаевский соборы с памятником императору Александру II, реформатору и освободителю крестьянства. К своему историческому наследию финны относятся очень трепетно. Равно как и к национальному меньшинству — шведам. Да и сами финские шведы, составляющие менее 10% населения, называют себя не иначе как шведоговорящие

финны. Доминирующим языком является финский, но шведский — второй государственный, и все таблички, надписи и прочее выполнены на 2 языках. Что не мешает практически всем финнам свободно изъясняться на английском. Впрочем, и русская речь здесь слышалась постоянно и не только из уст туристов — в Хельсинки работает много выходцев из соседней великой страны. Несколько раз ухо улавливало певучие звуки рідної мови. Весь город полон свободы, спокойствия и уверенности в себе. И это несмотря на то, что Хельсинки — город дорогой, а сама Финляндия занимает 3-е место в Европе по стоимости жизни, уступая только Дании и Ирландии.

Финнкон-2009 проходил на базе превращенного в выставочный комплекс старого здания кабельного завода в западном районе Руохолахти, над которым возвышается главная достопримечательность района — трубы местной ТЭЦ и 110-киловольтная

линия электропередачи, тянущаяся через залив на север города. Народ начал собираться задолго до официального открытия. Перед несколько опешившей украинской делегацией предстала самая пестрая толпа, которую нам доводилось видеть. Все свободное пространство оказалось плотно заполнено персонажами популярных мультфильмов и сериалов. И не удивительно — вместе с Финнкон

проводился 7-ой национальный конвент любителей анимации Анимэкон. Группами и по одному от метро шли японские школьницы с автоматами и трепетные девы в платьях с пышными юбками, зомби и юноши в развевающихся плащах с мечами и шпагами, покемоны с конфетами и знаменосцы с флагами разных стран в одной руке и бутербродами в другой. Девушки и юноши (коих было обидное меньшинство) самого разного возраста сидели на травке, выстраивались в очереди за блинами с вареньем, бесплатно обнимались и с удовольствием позировали всем желающим. В искренности и непосредственности участников финский фестиваль анимэ, пожалуй, даст фору любому официальному карнавалу — будь то в Венеции, будь то в Рио-де-Жанейро, ведь в нем все делается не корысти ради, а токмо для удовольствия — своего и окружающих.

С трудом пробравшись через плотный заслон из зомби, принцесс и демонов, мы добрались до сердца конвента — цитадели оргкомитета, держащего оборону внутри главного корпуса. Финнкон, в отличие от многих других конвентов, не требует платы за участие — финансирование от спонсоров с лихвой покрывает затраты. Поэтому никаких специальных регистраций не требовалось, но можно было получить бэджи для представителей прессы. После чего мы отправились наблюдать за последними этапами подготовки. К чести организаторов, они позаботились об иностранцах, устроив для них специальную Alien Zone, где мы сразу же нашли отдыхающего в углу почетного гостя конвента американского писателя Джорджа Р.Р. Мартина, а на выходе из зоны расшаркались с другим почетным гостем Алистером Рейнольдсом. Мощное влияние джапанимэшников ощущалось во всем. Невнимательному взгляду вообще могло показаться, что на развернувшемся в рамках конвента внушительных размеров базаре торгуют исключительно анимэ. И лишь потом становилось заметно, что книги, альбомы, фильмы были представлены в широчайшем ассортименте. Среди них, конечно, выделя-

лись произведения почетных гостей — Мартина и Рейнольдса. Обойдя зал, мы вернулись в «инопланетную зону», где опять увидели Мартина, но на этот раз за круглым столом вместе с фэнами. Проходил один из популярных на западе вариантов неформальной встречи фэнов с писателями, называемый «кофе-клатч», когда за столом вокруг автора собирается 6-10 человек и общение происходит в таком узком кругу.

От нахлынувших впечатлений и ярких красок мы прозевали открытие конвента. Говорят, оно было высокоскоростным: Юкка вышел на сцену и возвестил: «Финнкон открыт». Сразу после этого Джордж Р.Р. Мартин произнес традиционную речь почетного гостя. Хотя еще до открытия прошло уже несколько мероприятий, в том числе интереснейшая дискуссия с участием Алистера Рейнольдса, Тони Йермана и Йохана Йонсона на тему «Сколько науки должно быть в научной фантастике и что случается, когда ее становится слишком много». Параллельно в другом зале проходило открытое интервью третьего почетного гостя-иностранца, писателя и ученого Адама Робертса. Говорили о европейской космической программе. Ну, а вечером, как всегда, неформальные посиделки в окрестных пабах и кафе. Время от времени мимо проезжали бдительные полицейские, зорко высматривая нарушителей правил, то есть тех, кто выходит с бокалом пива за ограничивающую территорию паба линию. Здесь за это, как оказалось, полагается приличный штраф.

Насыщенность программы обоих конвентов — собственно Финнкона и Анимэкона — была столь высока, что о посещении всех интересных мероприятий можно было только мечтать. Но этим большие конвенты и хороши: скучать на них не приходится. Феномен литературы о вампирах, дискуссионное выступление Рейнольдса и Ристо Исомяки, круглый стол с участием Мартина и Шерил Морган (редактора популярного фэнзина «Изумрудный город») о том, стоит ли произведения фэнтези создавать как эпос, дискуссия о будущем книг, многочисленные интервью писателей и многие другие

интереснейшие встречи и мероприятия Финнкона конкурировали с балами, конкурсами и тусовкой анимэшников. О том, насколько значительным событием в жизни города является конвент, говорили уже то, что в течение трех дней его участников можно было встретить буквально везде.

Мы тоже пытались успеть если не везде, то хотя бы на часть мероприятий. И не смогли. Финнкон огромен и очень интересен. Иногда мы завидовали сами себе, тому, что мы это видим и в этом участвуем. Чаще завидовали популярности фантастики в Финляндии. И ощущению искреннего праздника, перехлестывавшего через край любых официальных рамок. При всей любви Украины к фантастике, конвенты такого типа и масштаба появятся у нас не скоро.

Но это и хорошо. Ведь самое главное правило конвенционной жизни гласит: побольше конвентов хороших и разных! Пожелаем же нам всем еще много-много разных хороших конвентов и простимся с Финляндией. Хочется верить, что на следующем Финнконе украинская делегация будет более представительной. Присоединяйтесь, отаку, присоединяйтесь!

P.S. И о наградах Финнкона.

Главную награду Финнкона «Тахтиваэлтайя» получил роман Кормака МакКарти «Дорога». Награду «Тахтифантазия» за лучший переводной роман фэнтези получила Эллен Кушнер в переводе Йоханны Вайникайнен-Ууситало «Томас-рифмоплет».

OPUS MIXTUM

НОВОСТИ САМОГО РАЗНООБРАЗНОГО СВОЙСТВА

Грустного

12 июля 2009 года умер один из создателей «Локуса», издатель, редактор, фэн **Чарльз Браун**.

Он родился 24 июня 1937 года в Нью-Йорке, где и рос. В 1956-1959 годах Чарльз Браун служил в ВМФ США; служба помогла ему закончить Городской колледж Нью-Йорка и получить степень бакалавра физики и инженерии. В 1968 году вместе с Эдом Мескисом и Дэйвом Вандервёrfом Браун основал однополосный фэнзин — «Локус», основной задачей которого была помощь Бостонской группе любителей фантастики в попытке выиграть право проведения «УорлдКона». Ему так понравилось редактировать фэнзин, что он решил продолжать выпускать его и после завершения предполагаемого ранее одного года. Первое время Браун совмещал хобби с основной работой инженера-ядерщика, а с 1975 года стал профессиональным редактором. С 1973 года редакция «Локуса» бессменно располагается в его доме в Окленде. «Локус» 8 раз получал премию Хьюго как лучший фэнзин и 21 раз становился лучшим полупрофессиональным журналом.

С 1971 года по результатам голосования читателей «Локус» вручает собственную премию.

Чарльз Браун умер во сне, когда возвращался домой с РидерКона.

После его смерти «Локус» по-прежнему будет выходить, а исполнительным редактором станет Лиза Гроун Тромби.

Премияльного

Про Кэмпбелловскую премию

Стали известны обладатели одной из трёх самых престижных наград — **John W. Campbell Award**. Основанная в память о последнем редакторе журнала «Astounding Science Fiction magazine» (ныне — знаменитого «Analog») Джона Кэмпбелла, премия вручается наиболее выдающемуся роману, вышедшему в течение года. И ежели жюри таковых не обнаружит, премия вручена не будет. В этом году таких романов случилось целых два — «Маленький брат» Кори Доктороу и «Песня времени» Яна МакЛауда.

Про премию «Сатурн»

Объявлены обладатели премии Академии научно-фантастических фильмов, фэнтези и фильмов ужасов «**Saturn Award**» за прошлый год.

«Железный человек» Джона Фавро победил в категории научно-фантастических фильмов. Фавро получил премию и как лучший режиссёр, а Роберт Дауни мл. назван лучшим актёром. Лучшей же актрисой признана Анжелина Джоли за роль в фильме «Подмена».

«Загадочная история Бенджамина Баттона» Дэвида Финчера стал лучшим в категории фильмов фэнтези, а Тильда Свентон названа лучшей актрисой второго плана.

«Хэллбой-II: Золотая армия» Гильермо дель Торо повторил успех первого фильма и победил в категории фильмов ужасов.

Лучшим триллером стал «Тёмный рыцарь» Кристофера Нолана, получивший также премии за лучшие сценарий, визуальные эффекты и музыку. Хит Леджер заслуженно признан лучшим актером второго плана.

«WALL-E» Эндрю Стэнтона и студии «Пиксар» стал лучшим анимационным фильмом года.

Лучшим сериалом для кабельных сетей в третий раз стал «Звёздный крейсер «Галактика»», а лучшим телесериалом второй год подряд и в четвёртый раз назвали «Lost».

Лэнс Хенриксен получил премию «Life Career», а Леонард Нимой — премию «Lifetime Achievement». К сожалению, сайт «Сатурна» не сообщает о разнице между этими наградами, так что приходится верить, что эта разница таки существует.

Про «Прометей»

Основанная в 1979 году писателем Нилом Смитом премия за либертарианскую литературу не справилась с недостатком финансирования и умерла было, пока основанное три года спустя Либертарианское футуристическое общество не решило её возродить и выдавать авторам за книги, исследующие понятие свободы. В этом году таким автором стал Кори Доктороу с романом «Маленький брат».

На Ридерконе в Бостоне, что в США, вручили премию им. Кордвейнера Смита — **Cordwainer Smith Rediscovery Award** — лучшему новому хорошо забытому старому автору. В этом году таким признан Абрахам Меррит, чьим самыми известными романами были, пожалуй, «Лунная заводь», «Гори, ведьма, гори» и «Корабль Иштар».

Про АБС-премию

Одиннадцатая церемония награждения лауреатов «АБС-премии» состоялась 21 июня в Центре Современной Литературы и Книги в Санкт-Петербурге. Лауреатами «АБС-премии» нынешнего года стали:

✓ в номинации «Художественная проза» — Евгений Лукин за повесть «Лечиться будем»;

✓ в номинации «Критика и публицистика» — Евгений Войскунский за эссе «Остров в океане».

Лауреаты «Аэлиты-2009»

На прошедшей в Екатеринбурге «Аэлите-2009» вручили:

✓ премию «Аэлита» — Владимиру Васильеву;

✓ Орден Рыцарей Фантастики им. И. Г. Халымбаджи — Борису Стругацкому, Сергею Лукьяненко и Александру Сидоровичу.

Конвент, как обычно, состоялся к полному удовольствию всех присутствовавших.

Про «Серебряную стрелу»

С 26 по 28 июня в подмосковном пансионате «Компонент» состоялся московский фестиваль фантастики «Серебряная стрела». Там тоже весело и с пользой проводили время любители и знатоки фантастики, заодно и немало премий вручили.

Лучшим дебютом был признан роман «Колдовская компания» Ольги Баумгертнер.

Первый приз в номинации «лучший главный герой» поделили Трикс из «Недотёпы» Сергея Лукьяненко и Лёня Сиротин из «С нами бот» Евгения Лукина.

Лучшим мужским образом стал Максим из «Цифрового» Марины и Сергея Дяченко. Лучшей девой признана Рэнди из «Другой стороны» Дмитрия Колодана.

Лучший фантастический мир написал Фёдор Березин в «Мире чёрного корабля».

Соавторами года стал дуэт Ярослава Верова и Игоря Минакова с книгой «Десант на Европу».

Самой значимой книгой эпохи выбрана «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова.

Редакционного

«ЭКСМО» порадует читателей «Флибустьером» Михаила Ахманова, «Могилой Повелителя» Виктора Ночкина, «Уникумами Вселенной-2» Юрия Ивановича, «Пламенем Деметры» Вадима Проскурина, «Рыцарем Железного Кулака» Артёма Тихомирова, «Личной неприкосновенностью» Юрия Нестеренко, а также сборником переводных мистических рассказов «999» и сборником рассказов Юрия Никитина «Сингулярность» о невероятном будущем, которое в самом деле наступит.

В «Армаде» выйдут книги Антона Медведева «Хранители Вечности», Александры Первухиной «Война ненависти», Николая Степанова «Путь к трону», Романа Артемьева «Без образа и подобия», Юрия Ивановича «Невменяемый скиталец», Ольги Воскресенской «Конкурент конкуренту — друг», Анны Одуваловой «Низвергающий в бездну», Карины Пьянковой «Из любви к истине», Сергея Ковалёва «Котт в сапогах. Поспорить с судьбой», Ксении Чайковой «Светлым по тёмной», Сергея Мусанифа «Цвет мира — серый», Николая Басова «Поиск неожиданного», Оксаны Демченко «Мир в подарок», Галины Романовой «Невозможный маг», сборник рассказов Андрея Белянина и его друзей «Не надо, Азриэлла!» и два сборника романов — Елены Самойловой «Синяя птица» и Оксаны Панкеевой «Хроника странного королевства. Возвращение».

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 7 (71), 2009.

Интернет: www.rf.com.ua

E-mail: info@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» –
08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор: Владимир Табаков

Шеф-редактор: Татьяна Кохановская

Производство:

Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:

Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:

Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:

Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,

тел.: (032) 295-64-10,

e-mail: mandych@hi-tech.ua

Харьков: Вячеслав Белов,

e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж – 5 тыс. экземпляров

Цена договорная

Регистрационное свидетельство: КВ №7600 от
22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:

г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10

телефон: 585-82-82 (многоканальный)

факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.
За содержание рекламных материалов
ответственность несет рекламодатель.